

**Дуглас Престон
Линкольн Чайлд
Кабинет диговин**
Серия «Пендергаст», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137521
Кабинет диговин : роман / Дуглас Престон, Линкольн Чайлд: АСТ; СПб; 2016
ISBN 978-5-389-11380-0*

Аннотация

В центре Нью-Йорка обнаружен старинный подземный туннель, а в нем – склеп. В склепе погребены тридцать шесть человек, убитые и расчлененные более ста лет назад. Специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст, которого по каким-то причинам очень встревожила зловещая находка, приступает к расследованию этих старых преступлений. Но вскоре в городе начинают происходить аналогичные убийства. Жертвами, как правило, становятся совсем молодые люди. И этот кошмар повторяется снова и снова...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	14
4	17
5	25
6	29
7	33
8	36
Часть вторая	41
1	41
2	46
3	49
4	56
5	62
6	69
7	71
8	76
9	79
10	81
11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Кабинет диковин

*Дуглас Престон и Линкольн Чайлд посвящают эту книгу
учителям и библиотекарям Америки, и в первую очередь тем из них,
которые повлияли на их судьбу*

Douglas Preston and Lincoln Child

THE CABINET OF CURIOSITIES

Copyright © 2002 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child

All rights reserved

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New
York, New York, USA.

© Г. Косов (наследник), перевод, 2016

© В. Ненов, иллюстрация на обложке, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Часть первая Старые кости

1

Малыш Боксер с отвращением смотрел на строительную площадку. Прораб вел себя как сущее дерьмо, а бригада оказалась каким-то никчемным сбродом. Но хуже всего было то, что сидевший в кабине «катерпиллера» олух ни хрена не смыслил в управлении экскаватором. Скорее всего, его протолкнул на стройку профсоюз или какие-нибудь дружки. Как бы то ни было, парень дергал машину так, словно это был его первый день в профессиональном училище округа Куинс. Боксер стоял, скрестив на груди мощные лапы, и наблюдал за тем, как ковш экскаватора вгрызается в груды битого кирпича, оставшегося на месте квартала старых жилых домов. Ковш чуть приподнялся, затем замер, но тут же возобновил движение, раскачиваясь в разные стороны. Господи, и где только они ухитряются находить таких клоунов?

Услышав за своей спиной звук шагов, он обернулся и увидел прораба. Потную рожу начальства покрывал толстый слой строительной пыли.

– Боксер! Ты что, купил билеты на это шоу? Или как?

Боксер сделал вид, что не слышит, и принялся слегка поигрывать мышцами своих здоровенных рук. Он был единственным на всей площадке, кто разбирался в строительном деле. Остальные члены бригады его за это, мягко говоря, недолгоблюдали. Но Боксеру было ровным счетом плевать.

Он услышал, как заскрежетал ковш, наткнувшись на массивный обломок старинной кладки. Фундамент дома был вскрыт. В солнечном свете разлом очень напоминал свежую рану, в верхней части которой лежали асфальт и цемент, а под ними – кирпич. Под последним слоем кирпича виднелась земля. Учитывая, что фундамент небоскреба должен покоиться на коренных породах, им предстояло копать значительно глубже. Боксер перевел взгляд за пределы строительной площадки, на невысокие дома Нижнего Ист-Сайда. Некоторые из них совсем недавно прошли реконструкцию, а остальные ждали своей очереди. Программа «облагораживания» в действии.

– Эй, Боксер! Ты что, оглох?

Боксер снова напряг мышцы, представив на миг, как его кулак врежется в красную рожу прораба.

– Давай шевели задницей! Это тебе не в дырочку на девочек пялиться!

Прораб мотнул головой в сторону работающей бригады, но ближе подойти не рискнул. Что ж, тем лучше. Боксер поискал глазами работяг. Те грузили кирпич в самосвал. Наверняка для того, чтобы загнать его за ближайшим углом какому-нибудь недоумку из числа яппи по пять баксов за штуку. Эта психованная братия просто обожает всякое старинное дерьмо. Боксер медленно двинулся к своим, всем видом давая понять прорабу, что отнюдь не торопится выполнять его указания.

Послышался крик, и скрежет ковша экскаватора мгновенно прекратился. Ковш машины проделал в стене фундамента рваную дыру, ведущую в глубокую черную полость. Экскаваторщик выпрыгнул из кабины. К нему подошел прораб, и парочка начала что-то горячо обсуждать.

– Боксер! – раздался голос прораба. – Поскольку тебе, похоже, нечем заняться, я придумал для тебя работу.

Боксер слегка изменил курс, опять же давая понять, что делает это не по указанию зануды-прораба, а по собственной инициативе. На слова начальника он не откликнулся ни кивком, ни тем более словом. Боксер остановился перед прорабом и посмотрел на покрытые пылью рабочие ботинки начальника. «Маленький размер ноги – маленький член», – подумал он и неспешно поднял глаза.

– Добро пожаловать в наш мир, Малыш. Взгляни-ка на это.

Боксер удостоил дыру лишь мимолетным взглядом.

– Дай-ка мне твой фонарь, – сказал прораб.

Боксер снял с пояса желтый фонарь и передал его прорабу. Тот нажал на кнопку и произнес:

– Надо же, а он, оказывается, даже работает.

Сказано это было таким тоном, словно случилось чудо. После этого прораб сунул голову в дыру. Он стоял на цыпочках на куче битого кирпича, скрывшись почти по пояс в проломе. Вид у него при этом был довольно идиотский. Затем прораб что-то пробурчал, но голос звучал настолько глухо, что никто ничего не услышал.

– Похоже на тоннель, – объявил он, вылезая из дыры. Он вытер ладонью лицо, размазав грязь, и добавил: – Ну и вонища!

– Царя Тута ты там, случайно, не видел?

Все, кроме Боксера, весело заржали. Кто, дьявол его побери, этот царь Тут?

– Надеюсь, что эта хреновина не имеет никакого отношения к археологии, – сказал прораб и, повернувшись к Боксеру, произнес: – Ты, Малыш, парень большой и сильный. Я хочу, чтобы ты посмотрел, что там.

Боксер взял свой фонарь и, не удостоив взглядом стоящих вокруг него уродов, начал подниматься по куче битого кирпича к сделанной экскаватором дыре. Встав на колени на вершине кучи, он направил луч фонаря в глубину. Его взору открылся длинный тоннель с низким потолком. Судя по виду, потолок был готов вот-вот обвалиться. Боксера начали одолевает сомнения.

– Ну, ты лезешь или нет? – послышался голос прораба.

– Но это же не предусмотрено моим контрактом. Профсоюз может рассердиться, – насмешливо произнес какой-то идиот, явно пытаясь имитировать голос Боксера.

Услышав всеобщее ржание, Боксер полез в пролом.

Битый кирпич за проломом образовал нечто вроде осыпи, и Боксер чуть ли не сполз по ней, подняв при этом тучу пыли. Когда под его ногами снова оказалась твердая земля, он выпрямился и направил свет фонаря в глубину тоннеля. Боксеру пришлось подождать, пока не осядет пыль, а глаза не приспособятся к темноте. Очень приглушенно и словно издалека до него доносились звуки разговора и смех.

Боксер сделал несколько шагов, водя перед собой фонарем. С потолка тоннеля свисали нитевидные сталактиты, а застоялый воздух был насыщен какой-то вонью. Дохлые крысы, видимо.

Тоннель, если не считать нескольких кусков угля, был абсолютно пуст. По его обеим сторонам когда-то длинным рядом шли ниши. Шириной примерно в три, а высотой в пять футов. Ниши имели форму арок и были небрежно заложены кирпичом. На стенах тоннеля поблескивала влага, и до слуха Боксера доносился дробный звук капли. В остальном там царила тишина – все звуки внешнего мира остались за пределами старинного сооружения.

Он сделал еще несколько шагов, направляя луч света на стену и потолок. Паутина трещин на потолке стала гуще, оттуда время от времени выстреливало камнем. Боксер осторожно попятился назад и снова обратил внимание на замурованные ниши вдоль стены.

Боксер подошел к ближайшей из них. Из кладки недавно вывалился один кирпич, а остальные, судя по их виду, едва держались. «Интересно, – подумал он, – что там может находиться? Еще один тоннель? А может быть, там что-то сознательно спрятали?»

Он посветил в образовавшуюся на месте выпавшего кирпича дыру, но так ничего и не смог разглядеть в черной пустоте. Затем, переложив фонарь в левую руку, взялся правой за нижний кирпич и потянул. Ошибки не было: кирпич сидел в кладке очень слабо. Боксер выдернул кирпич, следом за ним другой, а потом и третий. Из отверстия на него дохнуло запахом разложения.

Снова направив луч фонаря в глубину ниши, примерно в трех футах от себя он увидел вторую кирпичную стену. Затем Боксер осветил пол. Там находилось нечто похожее на белое блюдо. Неужели фарфор? Запах сероводорода теперь был настолько сильным, что у него заслезились глаза. Пришлось отойти на шаг от отверстия. Любопытство в нем боролось с чувством тревоги. Ведь там может находиться что-то старинное и очень ценное. Иначе зачем замуровывать нишу?

Боксер вспомнил о парне, который, занимаясь сносом старого дома, нашел мешочек редких серебряных долларов. Везунчик огреб за них пару тысяч баксов и купил себе классную газонокосилку фирмы «Кубота». Если там что-то ценное, то он это себе прикарманит, а те, кто остался на свежем воздухе, пусть сдохнут от зависти.

Боксер расстегнул верхнюю пуговицу рабочей куртки, вытянул из-под нее футболку и приложил к носу. После этого посветил фонарем в дыру, решительно просунул туда голову и внимательно осмотрелся.

На какой-то миг он окаменел. Затем инстинктивно дернул головой, сильно ударившись о верхний ряд кирпичей. Бросив фонарь, он стал вытаскивать голову из дыры, оцарапав лоб. Его ноги разъехались на влажном кирпичном полу, и, непроизвольно вскрикнув, он упал на колени.

Некоторое время в тоннеле царила полная тишина, а где-то очень далеко едва заметным пятном виднелся выход во внешний мир. Смерд становился невыносимым. Захватив полную грудь вонючего воздуха, Боксер с трудом встал на ноги и направился на свет, скользя по влажному полу. Оказавшись совершенно неожиданно для себя на свету, он нырнул головой вперед в пробитую экскаватором дыру и упал лицом вниз на кучу битого кирпича. Словно сквозь туман Боксер услышал смех, который сразу затих, как только он перекатился на спину. Вокруг него поднялась суeta, и чьи-то руки подняли его с горы кирпичного мусора.

– О боже, что с тобой?

Ему казалось, что все говорят одновременно.

– Он ранен. Весь в крови.

– Расступитесь! – донеслась до него чья-то команда.

Боксер пытался восстановить дыхание и хотя бы немного унять сердцебиение.

– Не трогайте его. Вызовите «скорую»!

Боксеру казалось, что эта бессмысленная сумятица будет продолжаться вечно. Когда ему удалось наконец отдышаться, он с трудом сел и выдавил в неожиданно наступившей тишине:

– Кости...

– Кости? Какие еще кости?

Боксер ощутил, что мозг начинает потихоньку проясняться. Он огляделся по сторонам, чувствуя, как по щекам катятся горячие струйки крови.

– Разные... Черепа... Кости... Навалом. Их там полно.

Пробормотав эти слова, он ощутил страшную слабость и снова улегся на спину под лучами яркого солнца.

2

Нора Келли стояла у окна своего кабинета. Кабинет находился на четвертом этаже, и под его окнами простиралась медная крыша Американского музея естественной истории, украшенная куполами, минаретами и башнями с горгульями. За башнями музея вплоть до Пятой авеню колыхалась листва деревьев Центрального парка. Из окна кабинета ряд домов на авеню казался монолитной стеной какого-то бесконечно большого замка. Но этот удивительный по красоте ландшафт Нору вовсе не радовал.

Приближалось время встречи. Девушка попыталась погасить неожиданно нахлынувший гнев, но передумала. Для предстоящего разговора ей понадобится вся ее злость. Расходы на научные разработки были заморожены вот уже восемнадцать месяцев. Между тем за это же время число вице-президентов в музее возросло с трех до двенадцати, и каждый из этих «вице» стоил учреждению двести тысяч в год. Полусонный отдел по связям с общественностью, в котором трудилась горстка милых, радушных старичков из бывших газетчиков, превратился за эти полтора года в притон для оравы юных горластых пижонов, ни дьявола не смысливших ни в археологии, ни в науке. В высших эшелонах музея оставалось все меньше и меньше известных ученых. На смену им появлялись крючкотворы-юристы и типы без образования, прекрасно умеющие выколачивать деньги из разного рода фондов. Каждый мало-мальски удобный угол музея был перестроен и превращен в кабинет для какого-нибудь чиновника. Все средства музея утекали на зарплату умельцев выколачивать деньги, которые тратились на наем новых добытчиков средств. И если говорить напрямик, то все это походило на какой-то финансовый онанизм.

Но тем не менее, внушала она себе, это по-прежнему был Американский музей естественной истории – величайшая в мире коллекция чудес природы. Ей страшно повезло, что она получила здесь работу. После всех неудач, связанных с археологической экспедицией в Юте, а затем неожиданным отказом музея Ллойда продолжать запланированную работу, она была готова на все, лишь бы закончить исследования. На сей раз, убеждала себя Нора, она будет действовать с холодной головой и так, как требует сложившаяся в музее система.

Она отвернулась от окна и обвела взглядом кабинет. Система или не система, но без денег она не сможет завершить работу, доказывающую связь между индейцами анасази и ацтеками. Для этого ей прежде всего требовалось провести радиоуглеродный анализ шестидесяти шести органических образцов, собранных во время летнего сезона в южной части Юты. Это будет стоить восемнадцать тысяч долларов, но без датировки ей работу не закончить. Она попросит деньги только на это. Все остальное может пока подождать.

Время. Нора вышла из своего кабинета и по узкой лестнице поднялась в роскошь пятого этажа. Перед дверью приемной первого вице-президента она на секунду задержалась, чтобы поправить свой костюм. Если эти типы не разбираются в науке, то в одежде они смыслят прекрасно. Отличный ручной крой и безукоризненный вид – это все, что им требуется. Придав своему лицу нейтральное, но в то же время доброжелательное выражение, Нора сунула голову в дверь.

Секретарша ушла на ланч. Нора решительно пересекла приемную и с колотящимся сердцем замерла перед дверью вице-президента. Она просто обязана получить деньги и не уйдет отсюда, пока этого не добьется. Зажав расшалившиеся нервы в кулачок, девушка изобразила на лице улыбку и постучала.

– Войдите, – прозвучал энергичный голос.

Угловой кабинет был залит ярким утренним солнцем. Первый вице-президент Американского музея естественной истории Роджер Брисбейн-третий восседал за сверкающим письменным столом фирмы «Баухаус». Нора видела фотографии этого места, сделанные в то

время, когда офис принадлежал таинственному доктору Фроку. Тогда это был кабинет подлинного ученого. Там царил полный хаос. Рабочее помещение было заполнено разнообразными окаменелостями, книгами, копьями племени масаи и креслами в викторианском стиле. Почетное место в кабинете отводилось чучелу дюгоня. Теперь же кабинет более всего походил на приемную дантиста. Единственным предметом, напоминавшим о музее, был стеклянный шкаф. За толстым стеклом в гнездах темного бархата переливались всеми цветами радуги как шлифованные, так и оставшиеся в своем первозданном виде первоклассные драгоценные камни. По музею ходили слухи, что Брисбейн в молодости мечтал заняться изучением природных драгоценностей, однако по настоянию своего более практичного папаши был вынужден податься в юристы. Норе хотелось, чтобы эти слухи соответствовали действительности, — они оставляли надежду на то, что первый вице-президент хотя бы немного разбирается в науке.

Брисбейн выглядел холемым и весьма уверенным в себе человеком. Его безукоризненно выбритая физиономия цветом и гладкостью кожи напоминала внутреннюю сторону морской раковины. Вице-президент был отутюжен, подтянут и наодеколонен. Прекрасно ухоженная шевелюра светилась здоровьем, хотя волосы, по мнению Норы, были все же чуть-чуть длинноваты.

Нора сделала все, чтобы придать своей улыбке максимальную искренность.

— Доктор Келли, — произнес Брисбейн, демонстрируя ряд великолепных зубов. — Располагайтесь как дома.

Нора осторожно опустилась на какую-то конструкцию из хрома, кожи и дерева. Сооружение было крайне неудобным и при малейшем движении издавало скрип.

Молодой вице-президент откинулся на спинку кресла и забросил руки за голову. Рукава его белоснежной рубашки были закатаны с ювелирной точностью, а узел шелкового английского галстука являл собой безукоризненный треугольник. «Неужели для того, чтобы скрыть морщинки, он носит под глазами грим?» — подумала Нора. Присмотревшись чуть внимательнее, она поняла, что не ошиблась.

— Как обстоят дела у старьевщиков? — спросил Брисбейн. — Как кости и тряпье?

— Превосходно, — ответила Нора. — Но мне хотелось бы обсудить с вами одну совсем крошечную проблему.

— Очень хорошо. Я и сам хотел с вами побеседовать.

— Мистер Брисбейн, — торопливо начала Нора, — я...

Мистер Брисбейн остановил ее движением руки:

— Не надо, Нора. Я знаю, почему вы здесь. Вам нужны деньги.

— Да, верно.

— И вы без них не сможете завершить свои исследования, — сочувственно кивая, продолжил вице-президент.

— Да, так, — сказала Нора удивленно и с некоторой опаской. — Нам страшно повезло, когда мы получили грант Мерчисона на исследования в штате Юта. Но я не смогу закончить работу без датировки, которую можно получить лишь при помощи серии радиоуглеродных анализов.

Она старалась говорить таким тоном, который подчиненные обычно употребляют в беседах с начальством, и очень надеялась, что это ей удастся.

Брисбейн кивнул. Полуприкрыв веки, он слегка покачивался в кресле. Несмотря ни на что, в сердце Норы зародилась надежда. Она никак не ожидала столь сочувственной реакции. Похоже, что у нее получается.

— И о какой же сумме идет речь? — поинтересовался Брисбейн.

– За восемнадцать тысяч долларов я смогу провести радиоуглеродный анализ шестидесяти шести образцов. Это будет сделано в Мичиганском университете, где расположена лучшая в стране масс-спектрографическая лаборатория.

– Восемнадцать тысяч долларов. Шестидесят шесть образцов...

– Верно. Я не прошу увеличения бюджета на постоянной основе. Это всего лишь разовая затрата.

– Итак, восемнадцать тысяч долларов... – медленно, словно в раздумье, протянул Брисбейн. – Ведь если хорошенько подумать, доктор Келли, это не так уж и много.

– Совсем немного.

– Да, деньги действительно небольшие.

– Именно. Особенно в сравнении с теми научными результатами, которые они позволят получить.

– Восемнадцать тысяч... Какое забавное совпадение.

– Совпадение? – переспросила Нора, ощутив беспокойство.

– Это как раз та сумма, на которую мы намерены урезать ваш бюджет в будущем году.

– Вы урезаете мой бюджет?!

– Да, – кивнул Брисбейн. – Общее сокращение на десять процентов. По всем научным подразделениям.

Почувствовав, что ее начинает бить дрожь, Нора изо всех сил вцепилась в подлокотники рахитичного кресла. Девушке захотелось как следует высказаться, но, вспомнив о своей клятве, она предпочла промолчать.

– Расходы на новый зал динозавров оказались значительно больше, чем мы предполагали. Поэтому я так обрадовался, услышав ваши слова о том, что это небольшие деньги.

Норе удалось восстановить дыхание, и, стараясь говорить как можно мягче, она произнесла:

– Мистер Брисбейн, подобное сокращение финансирования не позволит мне завершить исследование.

– Боюсь, что нам придется это сделать. Поймите, научно-исследовательская работа занимает лишь небольшую часть во всей деятельности музея. Мы связаны обязательствами по проведению выставок, необходимо открывать новые залы и развлекать публику.

– Но фундаментальные научные исследования являются основой этого учреждения. Лишившись научной базы, музей превратится в пустое шоу, – начав горячиться, сказала Нора.

Брисбейн поднялся с кресла, обошел стол и, остановившись перед стеклянным шкафом, сунул ключ в замочную скважину.

– Вам когда-нибудь доводилось видеть изумруд «Тев Мираби»?

– Видеть что?

Брисбейн открыл дверцу и снял с бархатной подложки изумруд без огранки размером с яйцо дрозда. Держа камень между большим и указательным пальцами, он сказал:

– «Тев Мираби». Безукоризненный камень. Как специалист по призванию, могу авторитетно заявить, что изумруды подобного размера всегда имеют недостатки. Все, кроме этого.

Он поднес прозрачный камень к глазу. Глаз сразу стал похож на орган зрения комнатной мухи под большим увеличением.

– Взгляните, – предложил Брисбейн.

Нора удержалась от едкого замечания и взяла изумруд.

– Поделikatнее, пожалуйста. Не надо его ронять. Изумруды очень хрупки.

Нора осторожно повертела камень в пальцах.

– Не стесняйтесь. Мир сквозь изумруд представляется совсем иным.

Она поднесла камень к глазам и увидела искаженный зеленый мир, в котором плавало создание, изрядно смахивающее на зеленую медузу. Брисбейн.

– Очень интересно, мистер Брисбейн. Но...

– Ведь правда безукоризненный камень?

– Вне сомнения. Но мы обсуждали иные материи.

– Сколько, по вашему мнению, он может стоить? Миллион? Пять? Десять? Это вещь уникальная, и, продав ее, мы можем разом решить все наши финансовые проблемы.

Он фыркнул и снова поднес изумруд к глазу. Увеличенный в десятки раз зрачок издательски смотрел на Нору.

– Но это, увы, невозможно, – закончил вице-президент.

– Простите, но я не совсем вас понимаю.

– Этим грешите не только вы, но и весь остальной научный персонал. Вернемся к вопросу о «банальном шоу», как вы изволили выразиться. Возьмем, к примеру, этот изумруд. С научной точки зрения в нем нет ничего такого, чего нельзя найти в камнях, в сотни раз уступающих ему по размерам. Но людей простые изумруды не интересуют. Они желают видеть только самый большой из них. Именно шоу, доктор Келли, являются плотью и кровью этого музея. Как долго продолжались бы, по вашему мнению, столь дорогие вашему сердцу научные исследования, если бы люди вдруг перестали сюда приходить и перестали давать нам деньги? Музею нужны собрания диковин и захватывающие дух выставки, нужны колоссальные метеориты, динозавры, золото, планетарии, вымершая птица дронг и гигантские изумруды. Только этим мы сможем привлечь внимание людей. Ваша работа, увы, не подпадает под эту категорию.

– Но моя работа представляет интерес.

– Здесь каждый, моя дорогая, думает, что на земле нет ничего интереснее его исследований, – широко раскинув руки, произнес Брисбейн.

Слова «моя дорогая» решили дело. Нора с побелевшими от ярости губами поднялась со стула.

– Должна сообщить вам, что моя работа не требует никаких дополнительных обоснований. Исследования в Юте покажут точно, когда впервые влияние ацтеков начало проявляться в юго-западном регионе. Мы узнаем...

– Если бы вы раскапывали динозавров, – прервал ее вице-президент, – дело обстоит бы совсем по-иному. В этом все видят реальное действие, и это приносит деньги. Беда в том, доктор Келли, что ваша куча старого тряпья и горстка черепков никого, кроме вас, не интересует.

– Беда в том, что вы в некотором роде сами являетесь недоделанным ученым! – взорвалась Нора. – Вы изо всех сил пытаетесь изобразить из себя бюрократа, но сильно переигрываете в этой роли.

Еще не закончив фразы, Нора поняла, что наговорила лишнего. На какой-то миг лицо Брисбейна превратилось в каменную маску. Однако, совладав с собой, он холодно улыбнулся и, достав из нагрудного кармана носовой платок, принялся нарочито медленно протирать изумруд. Затем он вернул камень на место, запер шкаф и начал столь же неторопливо протирать стекло. Вначале спереди, затем с боков. Покончив с этим занятием, он сказал:

– Вам надо беречь себя, доктор Келли. Излишнее волнение отрицательно воздействует на стенки артерий и весьма скверно сказывается на здоровье в целом.

– Я не хотела никого обидеть и прошу прощения. Однако буду выступать против всякого рода сокращений бюджета.

– Я сказал то, что обязан был сказать, – ласково произнес Брисбейн. – Если кто-то из научных сотрудников музея не может – или не захочет – изыскать резервы для сокращения, я буду счастлив сделать это за них.

Последняя фраза была произнесена даже без намека на улыбку.

Нора закрыла дверь приемной и остановилась в коридоре. В душе доктора Келли царило смятение. Она дала себе клятву не уходить, не добившись выделения средств, а получилось так, что ее финансовое положение теперь стало даже хуже, чем раньше. Может быть, имеет смысл обратиться к самому Коллопи? Но директор музея был человеком резким и недоступным. Кроме того, это наверняка выведет из себя Брисбейна. Она и без того дала слишком большую волю языку. Начав действовать через голову вице-президента, она рискует вообще потерять работу. А этого Нора допустить никак не могла. Если это произойдет, то ей, скорее всего, придется менять профессию. Может быть, ей все же удастся получить деньги на стороне? Выбить какой-нибудь грант. А через полгода грянет очередной пересмотр бюджета. Нельзя терять надежду...

Медленно шагая по ступеням лестницы, Нора спустилась на четвертый этаж. В коридоре она остановилась, заметив, что дверь ее кабинета распахнулась. Нора заглянула в дверь и увидела на фоне окна весьма странного на вид человека. Незнакомец неторопливо листал какую-то монографию. На нем был прекрасного покроя черный костюм, что придавало ему похоронный вид. Этот вид подчеркивался белизной кожи субъекта. Столь светлую кожу Норе видеть не доводилось. Волосы неизвестного были очень светлыми – почти белыми. А страницы монографии он перелистывал удивительно длинными, цвета слоновой кости пальцами.

– Простите, но что вы делаете в моем кабинете? – спросила Нора.

– Любопытно, – пробормотал человек, поворачиваясь к ней лицом.

– О чем вы?

В его руках находилась монография «Геохронология пещеры Сандия».

– Вам не кажется странным, что единственное место, где обнаружены все точки Фолсома¹, находится выше уровня Сандии?² Напрашиваются далеко идущие выводы, не так ли?

Незнакомец говорил с ярко выраженным акцентом южного аристократа, и слова из его уст текли словно мед.

Удивление, вызванное вторжением в ее кабинет, отступало, давая место гневу.

Незнакомец лениво подошел к полке и поставил монографию на прежнее место. После этого он принялся изучать содержимое полки, постукивая длинными пальцами по корешкам переплетов.

– Забавно, – произнес нахал, снимая другую книгу. – Насколько я могу заметить, результаты, полученные на Монте-Верде, уже подвергаются сомнению?

Нора подошла к незнакомцу, выдернула из его рук монографию, вернула том на полку и довольно резко заявила:

– Я в данный момент очень занята. Если вы хотите со мной встретиться, вам следует предварительно позвонить. Прошу вас, не забудьте закрыть дверь, когда будете уходить.

С этими словами Нора повернулась к бледному типу спиной, ожидая, когда тот удалится. «Десять процентов», – подумала она и покачала головой, словно не могла поверить в эту цифру.

Но бледный тип не собирался уходить. Вместо звука закрывающейся двери она снова услышала медоточивый голос плантатора с Юга:

– Если вы не возражаете, доктор Келли, то я предпочел бы поговорить с вами незамедлительно. Надеюсь, что вы не сочтете меня излишне навязчивым, если я осмелюсь поделиться с вами кое-какими проблемами. Мне очень нужен ваш совет.

¹ Фолсом – палеолитическая культура в Северной Америке (9–8-е тыс. до н. э.).

² Сандия – пещерная палеолитическая стоянка в горах Сандия, штат Нью-Мексико.

Она повернулась. Мужчина вытянул руку. На его ладони лежал небольшой коричневый череп.

3

Нора посмотрела на череп, а затем перевела взгляд на незнакомца.

– Кто вы? – спросила она, впервые обратив внимание на то, какие светлые, серебристо-серые у него глаза и какие утонченные черты лица.

– Специальный агент Пендергаст. Федеральное бюро расследований, – ответил незнакомец, изобразив нечто среднее между кивком и неглубоким поклоном.

Нора почувствовала, как ее сердце провалилось куда-то в район желудка. Неужели это отголоски экспедиции в Юту, во время которой ее постоянно преследовали неудачи?

– У вас есть значок? – спросила она тоскливо. – Или какое-нибудь удостоверение личности?

Специальный агент понимающе улыбнулся и достал из кармана пиджака бумажник. Бумажник раскрылся, и Нора нагнулась, чтобы внимательно изучить значок. Значок не выглядел фальшивкой – за последние полтора года ей пришлось на них насмотреться более чем достаточно.

– Хорошо, хорошо, я вам верю, специальный агент...

«Как, дьявол побери, его зовут?» – подумала она.

– ...Пендергаст, – закончил за нее незнакомец и добавил, словно прочитав ее мысли: – Мой визит не имеет никакого отношения к тому, что произошло в Юте. Я веду совсем другое дело.

Она снова обратила взгляд на странного посетителя. Тот являл собой этюд в черно-белых тонах и ничем не напоминал тех правительственных агентов, с которыми она сталкивалась на Западе. Этот человек выглядел необычным, если не сказать эксцентричным. В его невозмутимом лице присутствовало какое-то необъяснимое обаяние.

– Я не антрополог, – поспешно сказала Нора, обратив свое внимание на череп. – Кости не входят в сферу моих научных интересов.

Вместо того чтобы ответить, Пендергаст протянул ей череп. Нора осторожно взяла мертвую голову в руки. Ее, как это ни странно, начало разбирать любопытство.

– Но разве в ФБР нет судебных экспертов, которые могли бы вам помочь во всем разобраться? – спросила она.

Специальный агент улыбнулся, подошел к двери, закрыл ее и запер. Затем, подойдя к столу, он снял трубку телефона и осторожно положил рядом с аппаратом.

– Мы могли бы побеседовать так, чтобы нас не потревожили?

– Естественно. Если вам так угодно.

Нора чувствовала, что ее голос звучит слегка испуганно, и за это она злилась на себя. Ей никогда не приходилось встречать столь уверенного в себе человека.

Человек из ФБР расположился в деревянном кресле у стола и небрежно забросил одну из своих тощих ног на другую.

– Мне хотелось бы услышать, что вы думаете о черепе вне зависимости от ваших научных предпочтений.

Нора вздохнула. Может быть, ей вообще не стоит вступать в беседу с этим типом? Что скажет начальство? Скорее всего, они будут довольны, что один из сотрудников музея консультирует ФБР. Может быть, это как раз и есть то проявление «публичности», которой так жаждет Брисбейн?

Она повертела череп в руках и сказала:

– Начнем с того, что на долю этого ребенка выпала очень печальная судьба.

Пендергаст сложил пальцы обеих рук домиком и вскинул брови, явно ожидая пояснений.

– Отсутствие шовных сращений говорит о том, что мы имеем дело с юным существом. Второй коренной зуб прорезался только что. Это говорит о том, что ему (или ей) около тринадцати лет – плюс-минус один-два года. Судя по изящным надбровным дугам, это все же девочка. Очень скверные зубы, без каких-либо следов лечения. Это говорит по меньшей мере о небрежении. Два кольца на эмали указывают на замедление роста, вызванного либо двумя периодами затяжного голодания, либо серьезными заболеваниями. Череп достаточно стар, хотя по состоянию зубов его можно отнести к сравнительно недалекому историческому периоду. Во всяком случае, к временам доисторическим он отношения не имеет. В доисторических черепах зубной кариес подобного рода не обнаруживается. Более того, мы имеем дело с европейским, а не с туземным североамериканским типом черепа. Думаю, что представленный вами образец имеет возраст от семидесяти пяти до ста лет. Все это, естественно, является плодом умозрительных заключений. Многое зависит от того, где он был обнаружен и в каких условиях находился. Для точного определения возраста находки было бы полезно провести радиоуглеродный анализ.

Это напомнило Норе о ее собственных проблемах, и она замолчала.

Что касается специального агента Пендергаста, то он явно ждал продолжения. Чувствуя, как в ней нарастает раздражение, Нора подошла к окну, чтобы рассмотреть череп получше. Через несколько секунд она вздрогнула всем телом, ощутив приступ тошноты.

– В чем дело? – резко спросил Пендергаст и пружинисто поднялся на ноги, мгновенно уловив изменение в ее настроении.

– У основания затылочной кости имеются слабо различимые царапины... – Нора взяла висевшую на шее лупу, поднесла прибор к глазам и, повернув череп сводом вниз, всмотрелась в его основание.

– Продолжайте.

– Это следы ножа. Создается впечатление, что кто-то снимал мягкую ткань.

– Какого рода ткань?

– Такие следы остаются от скальпеля во время патолого-анатомического исследования, – ответила Нора, ощутив огромное облегчение. – Труп этого ребенка был подвергнут вскрытию. Следы остались при извлечении верхней части спинного или всего продолговатого мозга. – Нора положила череп на стол и продолжила: – Но я – археолог. За квалифицированным ответом, мистер Пендергаст, вам следует обратиться к кому-то другому. В штате музея есть весьма опытный антрополог доктор Вандеррайх.

Пендергаст взял череп, положил его в мешочек, и мешочек тут же исчез в складках его одежды. Это было очень похоже на фокус.

– Мне требуется именно ваша археологическая экспертиза. А теперь, – продолжил он, возвращая на место телефонную трубку и отпирая дверь, – я прошу вас проехать со мной в Нижний Манхэттен.

– В Нижний Манхэттен? В местное отделение ФБР?

Пендергаст отрицательно покачал головой.

Нора не знала, как быть.

– Я не могу уехать из музея. У меня еще масса дел.

– Это не займет много времени. Нам дорога каждая минута.

– Но в чем же все-таки дело?

Но Пендергаст молча вышел из дверей и двинулся по длинному коридору скользящей бесшумной походкой. Нора заторопилась следом, не успев придумать очередной отговорки. Агент уверенно прошел по узким лестницам и переходам, столь же уверенно пересек залы «Птицы мира», «Африка», «Млекопитающие плейстоценового периода» и наконец вышел в знаменитую Ротонду.

– Вы хорошо знакомы с музеем, – сказала Нора, стараясь не отставать.

– Да, – коротко бросил специальный агент.

Через несколько секунд они вышли из тяжелых бронзовых дверей и спустились по массивным ступеням на подъездную аллею. Пендергаст остановился у подножия лестницы и повернулся лицом к Норе. В лучах яркого солнца его глаза стали почти белыми, с едва заметным намеком на голубизну. Нора видела агента в движении и теперь знала, что под узким черным костюмом скрывается незаурядная физическая сила.

– Вы знакомы с «Актом об охране археологических и исторических ценностей Нью-Йорка»? – спросил он.

– Естественно.

Это был закон, запрещающий проводить раскопки или строительство, если во время работы обнаруживаются предметы, имеющие археологическую или историческую ценность. Работы возобновляются лишь после того, как профессионалы извлекут и опишут найденные образцы.

– В Нижнем Манхэттене строители вскрыли одно любопытное место. Вы приглашаетесь в качестве археолога-наблюдателя.

– Я? Но у меня нет ни опыта, ни полномочий...

– Опасаться не стоит, доктор Келли. Мне почему-то кажется, что срок вашего пребывания на этом посту окажется весьма недолгим.

– Но почему именно я? – недоуменно спросила Нора.

– Потому, что у вас есть опыт работы на раскопках подобного рода.

– И что же это за раскопки?

– Погребение.

Она молча подняла на него глаза.

– А теперь, – сказал он, показывая на «роллс-ройс», – нам пора в путь. Прощу. Только после вас.

4

Нора вылезла из «роллс-ройса», с раздражением ощущая, что является объектом всеобщего внимания. Что касается Пендергаста, то он закрыл за ней дверцу автомобиля с индифферентным видом, словно не замечая несовместимости элегантной машины с пылью и шумом строительной площадки.

Они перешли через улицу и остановились перед высокой изгородью из металлической сетки. За сеткой под ярким солнечным светом находились остовы старых зданий. По периметру стройки стояли загруженные кирпичом и кирпичной крошкой самосвалы. У тротуара были припаркованы два полицейских автомобиля, и Нора увидела полдюжины копов, склонившихся над дырой в остатках кирпичной стены. Неподалеку от полицейских стояли несколько мужчин в деловых костюмах.

На строительную площадку со всех сторон пялились пустыми глазницами окон давно брошенные дома.

– Группа «Моген – Фэрхейвен» возводит здесь жилую башню в шестьдесят пять этажей, – сказал Пендергаст. – Вчера, примерно в четыре дня, они сделали пролом в кирпичной стене, и в тоннеле под домом один из рабочих нашел череп, который я вам показал. Кроме черепа, там обнаружили множество костей.

– А что здесь находилось раньше? – спросила Нора.

– Квартал жилых домов, построенных в конце девяностых годов девятнадцатого века. Тоннель, видимо, был проложен еще раньше.

Когда они шли вдоль ограды, Пендергаст склонился к Норе и негромко произнес:

– Боюсь, что эта экспедиция может оказаться безрезультатной. В любом случае в нашем распоряжении очень мало времени. За несколько последних часов строительная площадка претерпела существенные изменения. «Моген – Фэрхейвен» одна из самых деятельных строительных компаний города и обладает потрясающим... как бы это лучше выразиться... влиянием. Вы обратили внимание на отсутствие представителей прессы? Они смогли вызвать полицию, не привлекая внимания средств массовой информации.

Пендергаст подвел ее к воротам, рядом с которыми дежурил полицейский. На поясе стража порядка болтались наручники, портативная рация, дубинка, револьвер и запасные обоймы. Под тяжестью этого снаряжения брючный ремень провис, создавая простор для скрытого под синей рубашкой необъемного брюха копа.

Пендергаст остановился у ворот.

– Проходите, – сказал коп. – Здесь не на что глазеть, приятель.

– Совсем напротив, – улыбнулся Пендергаст и достал свое удостоверение личности.

Коп с недовольным видом взглянул на фотографию, затем перевел взгляд на Пендергаста и снова посмотрел на фото. Повторив эту операцию несколько раз, коп наконец спросил:

– ФБР?

– Три буквы на удостоверении говорят, что вы не ошиблись, – сказал Пендергаст, возвращая бумажник во внутренний карман пиджака.

– А кто ваша спутница?

– Археолог. Она уполномочена провести обследование строительной площадки.

– Археолог? Подождите.

Коп двинулся в направлении кучки полицейских, стоявших неподалеку от пролома. Он произнес несколько слов, и от группы отпочковался один из блюстителей правопорядка, за которым затрусил мужчина в коричневом костюме. Мужчина был чрезвычайно толст и приземист. Его шея складками напознала на узкий воротник рубашки. Шаги, которые он пытался делать, были слишком велики для его коротких толстых ножек. При каждом шаге бедняге

приходилось подскакивать. Создавалось впечатление, что по строительной площадке прыгает шар.

– Что, дьявол побери, здесь происходит? – пропыхтел он. – Нам ничего не говорили о ФБР.

Нора обратила внимание, что на плечах полицейского золотятся капитанские знаки различия. У капитана был землистый цвет лица, редкие волосы и маленькие, глубоко сидящие глазки. Он был почти так же тучен, как и человек в коричневом костюме.

Капитан посмотрел на Пендергаста и сказал:

– Разрешите взглянуть на ваше удостоверение.

Голос у блюстителя закона оказался довольно писклявым, и говорил капитан с заметным напряжением.

Пендергаст снова достал бумажник. Капитан взял его, открыл, изучил удостоверение и протянул бумажник через решетку со словами:

– Прошу прощения, мистер Пендергаст, но это дело не подпадает под юрисдикцию ФБР, тем более – под юрисдикцию отделения Нового Орлеана. Вы должны хорошо знать порядки.

– Капитан?..

– Кастер.

– Капитан Кастер, я сопровождаю доктора Нору Келли, сотрудницу Американского музея естественной истории. Ей поручено провести археологическое обследование. А теперь, если позволите...

– Здесь идет строительство, – вмешался человек в коричневом костюме. – Мы возводим высотное здание. Сообщаю на тот случай, если вы этого не заметили. Кости уже осматривают. Господи, мы и так теряем сорок тысяч долларов в день, а тут еще и ФБР!

– С кем имею честь? – приятным голосом спросил Пендергаст.

– Эд Шенк, – ответил коричневый костюм, глядя почему-то в сторону.

– Мистер... э... Шенк? – Это было произнесено таким тоном, словно речь шла о каком-то примитивном инструменте. – А какой, простите, пост вы занимаете в фирме?

– Менеджер по строительству.

– Ах да, конечно. Как же я не сообразил. Было очень приятно познакомиться. – Пендергаст снова обратился к капитану, словно забыв о существовании Шенка: – Итак, капитан Кастер, если я правильно понял, вы не намерены открыть ворота и дать нам возможность приступить к работе?

– Эта стройка имеет огромное значение как для компании «Моген – Фэрхейвен», так и для этой части Манхэттена. Работы замедлились, что вызывает озабоченность в самых высоких сферах. Вчера вечером на стройке побывал сам мистер Фэрхейвен. Компания не может допустить дальнейшей задержки строительства. Об участии в деле ФБР мне не сообщали, и я ничего не слышал об археологических исследованиях... – Он замолчал, увидев, что Пендергаст достал свой мобильный телефон. – Кому вы собираетесь звонить?

Пендергаст улыбнулся и молча набрал номер, с удивительной скоростью нажимая на крошечные кнопки.

Взгляд капитана бегал с агента ФБР на Шенка и обратно.

– Салли? – произнес Пендергаст в трубку. – Говорит агент Пендергаст. Могу я поговорить с комиссаром Рокером?

– Послушайте... – начал капитан.

– Да, Салли, пожалуйста. Ты просто золото.

– Может, мы сможем обсудить все на площадке?

Послышался звон ключей. Капитан Кастер начал открывать замок.

– Я буду тебе очень благодарен, если ты попросишь его чуть отвлечься от своих дел ради меня.

– В этом нет никакой необходимости, мистер Пендергаст, – сказал Кастер, и ворота из металлической сетки широко распахнулись, открывая им путь.

– Я перезвоню позже, Салли, – сказал Пендергаст, захлопнул крышку мобильного и прошел через ворота, а следом за ним двинулась Нора.

Не говоря ни слова, специальный агент ФБР заторопился к отверстию в кирпичной стене. Все остальные поспешили следом. Казалось, что решительные действия сотрудника ФБР застали их врасплох.

– Поймите, мистер Пендергаст... – делая все, чтобы не отстать, начал капитан.

Шенк двигался, напоминая всем своим видом разъяренного быка. Споткнувшись, он выругался, но не остановился.

Когда они подошли к отверстию, Нора заметила в глубине пролома свечение. Затем последовала яркая вспышка. Затем еще одна. Кто-то делал снимки.

– Мистер Пендергаст... – позвал Кастер.

Но агент ФБР уже взбирался на гору битого кирпича. Все остальные, тяжело дыша, остановились у подножия кучи. Лишь Нора последовала за Пендергастом, уже успевшим скрыться в темной дыре. У самой стены она остановилась и заглянула в пролом.

– Прошу вас, входите, пожалуйста, – произнес Пендергаст.

Нора сползла по куче битого кирпича и оказалась на влажном полу тоннеля. Последовала еще одна вспышка света, и Нора увидела мужчину в белом лабораторном халате, что-то внимательно изучающего в неглубокой стенной нише.

Человек в белом халате выпрямился и посмотрел в их сторону. Седоватая взлохмаченная шевелюра мужчины в сочетании с круглой металлической оправой очков делала его слегка похожим на старого большевика из русских революционных времен.

– Кто вы такие, черт вас побери? И почему вваливаетесь без стука? – крикнул он, и недовольное эхо прокатилось по тоннелю. – Я не позволю, чтобы меня беспокоили!

– ФБР! – рявкнул в ответ Пендергаст.

Его резкий, повелительный, официальный тон ничем не напоминал тот сладкий голос, которым он беседовал с Норой.

Выхватив бумажник, он продемонстрировал значок.

– Ах вот как... – неуверенно протянул человек в халате. – Понимаю...

Нора переводила взгляд с одного мужчины на другого. Ее изумила способность Пендергаста мгновенно определять характер человека.

– Не могли бы вы покинуть тоннель до тех пор, пока моя коллега, доктор Келли, и я не завершим обследование?

– Послушайте... Моя работа сейчас в самом разгаре...

– Надеюсь, вы ничего здесь не трогали?

Вопрос специального агента ФБР прозвучал с явной угрозой.

– Нет... Ничего такого. Мне, конечно, пришлось прикоснуться к некоторым костям...

– Прикоснуться к костям?

– Поскольку я должен был определить причину смерти...

– Вы прикасались к некоторым из этих костей?! – Пендергаст с осуждением покачал головой и достал из пиджака тонкий блокнот и золотое перо. – Ваше имя, доктор?

– Ван Бронк.

– Я должен сделать заметку для слушания в суде. А теперь, доктор Ван Бронк, позвольте нам приступить к работе.

– Слушаюсь, сэр.

Пендергаст, дождавшись, когда медицинский эксперт и фотограф выберутся из тоннеля, повернулся к Норе и негромко сказал:

– Теперь это ваше поле деятельности. Я выиграл для нас всего лишь час или даже чуть меньше. Поэтому постарайтесь использовать это время с толком.

– С каким толком? – сказала Нора, впадая в панику. – Что мне надо делать? Я никогда...

– У вас есть подготовка, которой я не имею. Изучите тоннель. Я хочу знать, что здесь произошло. Помогите мне в этом разобраться.

– В течение часа? У меня нет инструментов. Мне негде хранить образцы...

– Мы и так почти опоздали. Вы обратили внимание на то, что они пригласили капитана местного полицейского участка? Как я уже сказал, фирма «Моген – Фэрхейвен» обладает огромным влиянием. И это наш единственный шанс. Мне нужно получить максимум информации за минимальный период времени. Это чрезвычайно важно.

Он вручил Норе блокнот и ручку, а затем достал из кармана два фонарика толщиной с карандаш и один из них передал ей.

Нора включила фонарь, который для своего размера оказался очень мощным. Девушка посмотрела по сторонам и впервые увидела, что ее окружает. В тоннеле царили тишина и холод. В потоке льющегося из пролома света плавали пылинки. Воздух был пропитан запахами грибницы, тухлого мяса и плесени. Несмотря на этот малоприятный аромат, Нора, чтобы сконцентрироваться, сделала глубокий вдох. Законы археологии требовали неторопливых и методичных действий. Время шло, а она не знала, с чего начать.

Поколебавшись еще несколько мгновений, Нора приступила к зарисовке тоннеля. В длину он был примерно восемьдесят футов и в своей верхней точке – около десяти. Покрытый трещинами потолок имел форму арки. Покрывающий пол налет был потревожен гораздо больше, чем это могли сделать один медицинский эксперт и один фотограф. «Интересно, сколько строительных рабочих и полицейских могли здесь побывать?» – подумала Нора.

В каждой из стен было по полдюжины ниш. Не прекращая делать зарисовки, Нора прошла по тоннелю, пытаясь как можно лучше прочувствовать место, в котором оказалась. Ниши когда-то тоже были заложены кирпичом, но теперь кирпич был разобран и сложен аккуратными штабелями рядом с углублениями в стене. Направляя луч фонаря в каждую из ниш, она заметила там практически одно и то же. Кучи человеческих черепов. Кости с остатками плоти на некоторых из них, обрывки одежды, хрящи и волосы.

Оглянувшись через плечо, Нора увидела, как Пендергаст проводит собственное исследование. В ярком луче света был виден его резко очерченный профиль. Даже было видно, как двигаются его зрачки, обращаясь поочередно то на один предмет, то на другой. Затем он вдруг присел и поднял что-то из слоя пыли.

Закончив обход тоннеля, Нора вернулась к нише, от которой начала путь. Теперь она хотела обследовать ее более внимательно. Девушка присела перед углублением в стене и, стараясь не обращать внимания на вонь, принялась вглядываться в это, выражаясь языком археологов, «захоронение».

В нише оказалось по крайней мере три черепа. Черепа не были соединены с позвоночником. Всех этих людей обезглавили. Однако грудные клетки сохранились полностью. Так же как и кости ног. Нижние конечности некоторых костяков были подогнуты. Отдельные позвонки останков имели какие-то весьма странные следы. Казалось, что их вскрывали с целью извлечь спинной мозг. Рядом с одним из черепов лежала кучка волос. Волосы были короткими, и это говорило о том, что они когда-то принадлежали мальчику. У Норы не было сомнения в том, что трупы расчленили и по частям переносили в нишу. В этом был смысл, поскольку размер ниш не позволял вместить их целиком. Но зато по частям...

Судорожно сглотнув, она обратилась к одежде. Тряпье валялось отдельно от фрагментов тел. Нора протянула руку к одежде, но тут же ее отдернула. Сработала вьевшаяся за годы работы профессиональная привычка. Вспомнив слова Пендергаста о нехватке времени, Нора вздохнула и начала разборку костей и одежды, фиксируя в памяти все свои действия. Три черепа, три пары обуви, три хорошей сохранности грудные клетки, многочисленные позвонки и разнообразные мелкие кости. Следы, имевшиеся на черепе, показанном Пендергастом, присутствовали лишь на одном из черепов, находящихся в нише.

Но многие позвоночники были вскрыты одинаковым образом, начиная от первого поясничного позвонка и кончая крестцом. Нора продолжала сортировку. Три пары штанов, пуговицы, гребенка, куски хрящей и высохшие остатки мягких тканей со следами надрезов, шесть комплектов костей ног без обуви на том, что когда-то было ступнями. «До чего же мне не хватает мешочков для сбора образцов», – думала Нора. Она выдернула несколько волосков из клубка волос, сохранившихся на остатках скальпа, и сунула их в карман. Это же чистое безумие – работать без надлежащих инструментов и элементарного оборудования! Все ее профессиональные привычки восставали против столь небрежного и бессистемного подхода к работе.

Закончив разборку, Нора приступила к более внимательному изучению тряпья. Все предметы одежды были крайне низкого качества и очень грязные. Часть ткани сгнила, но на ней, так же как и на костях, не было следов от зубов грызунов. Девушка взяла лупу и внимательно просмотрела одно из одеяний. Огромное количество вшей – естественно, дохлых. В ткани имелись дыры, говорившие о продолжительной и интенсивной носке. Одежду много раз зашивали и штопали. Обувь была разбита, а каблуки в некоторых случаях оказались стертыми до основания. На подошвах зияли дыры. Нора проверила карманы брюк и обнаружила там гребешок и кусок бечевки. Карманы других штанов были пусты. В кармане третьей пары лежала монета. Когда Нора начала ее извлекать, ткань расползлась под пальцами. В руках оказался медяк довольно большого диаметра достоинством в один цент и датированный 1877 годом. Монета отправилась в карман вслед за образчиком волос.

После этого Нора переместилась в другую нишу и снова рассортировала останки, стараясь действовать как можно быстрее. Общая картина здесь была примерно такой же, как и в первой нише. Три черепа, три расчлененных скелета с соответствующим набором одежды. Обыскав карманы брюк, Нора обнаружила согнутую булавку и еще два пенни, выпущенных в 1872 и 1880 годах. На позвоночниках всех трех скелетов были те же странные следы, как и на тех, что находились в первой нише. Нора еще раз прибегла к помощи лупы. Поясничный позвонок (постоянно поясничный) был тщательно, почти хирургически вскрыт и разят на две части. Один из позвонков также отправился в карман.

Она двинулась дальше по тоннелю, осматривая каждую нишу и занося результаты своих наблюдений в блокнот Пендергаста. Во всех нишах оказалось по три скелетированных трупа. Все скелеты были расчленены в совершенно одинаковой манере. В районе шеи, в плечах и в бедрах. На некоторых образцах имелись те же следы, что и на черепе, показанном ей Пендергастом. У всех останков нижняя часть позвоночника была сильно повреждена. Поверхностное изучение морфологии черепов говорило о том, что здесь собраны останки людей примерно одной возрастной группы. От тринадцати до двадцати лет. Или что-то в этом роде. Останки принадлежали как женщинам, так и мужчинам – с некоторым преобладанием последних. «Интересно, что сумел обнаружить медицинский эксперт?» – подумала Нора. Но это можно было выяснить и позже.

Двенадцать ниш, по три трупа в каждой... У предпоследней ниши она задержалась на несколько секунд, а затем отступила к середине тоннеля, пытаясь осмыслить значение того, что успела увидеть. Работа в тоннеле ничем не отличалась от других раскопок. А при любых археологических исследованиях очень важно побыть некоторое время в покое,

чтобы немного успокоить работу мысли и дать возможность мозгу просто усвоить увиденное и прочувствовать место раскопок. Она осмотрелась по сторонам. Итак, имеется тоннель, сооруженный до 1890 года, с двенадцатью тщательно заложёнными кирпичом нишами и тридцатью шестью скелетами молодых мужчин и женщин. С соответствующим числом комплектов обуви и одежды. Надо понять, что это все может означать. Нора посмотрела на Пендергаста, который изучал стену тоннеля, ковыряя ее перочинным ножом.

Затем девушка вернулась к предпоследней нише и тщательно отметила в блокноте расположение костей и частей одежды. После этого она приступила к осмотру. Карманы двух пар брюк оказались пустыми. Изношенное грязное платье вызвало у нее чувство жалости. Его носила молодая девушка – невысокая, но стройная. Нора подняла с пола валяющийся рядом с платьем коричневый череп. Череп совсем юной женщины. В момент смерти ей было не больше шестнадцати-семнадцати лет. Нора испытала леденящий ужас, увидев, что сохранившиеся на черепе длинные золотистые локоны все еще перевязаны розовой кружевной лентой. За гигиеной рта эта юная особа явно не следила. Всего шестнадцать лет, а кариес захватил уже несколько зубов. Лента в волосах была из шелка и по качеству значительно превосходила платье. Возможно, это украшение было самым большим достоянием несчастного ребенка. От этого соприкосновения с личностью давно умершего человека Нора на миг окаменела.

Когда она осматривала карман платья, под пальцами что-то хрустнуло. Бумага. Быстро прощупав ткань, Нора поняла, что листок зашит под подкладку.

– Что-то интересное, доктор Келли? – услышала она голос медицинского эксперта.

Тон Ван Бронка заметно изменился, теперь он говорил с явным вызовом.

Увлечшись работой, Нора не слышала, как подошел медик. Оглянувшись, она увидела, что Пендергаст стоит у самого входа в тоннель и ведет оживленную дискуссию с полицейскими.

– Вряд ли подобные вещи вообще можно назвать интересными, – уклончиво ответила Нора.

– Поскольку вы не работаете в Бюро судебно-медицинской экспертизы, я пришел к заключению, что вы являетесь патологоанатомом ФБР.

– Я вовсе не медик, – слегка покраснев, сказала Нора. – Я доктор археологии.

Брови доктора Ван Бронка взлетели вверх, а его крошечный ротик обрел такую форму, которую можно встретить на портретах периода Ренессанса.

– Ах вот как! Не медик, значит... – просиял Ван Бронк белозубой улыбкой. – Выходит, я не совсем правильно понял слова вашего коллеги. Археология. Как мило.

Получилось так, что в ее распоряжении не оказалось и часа. Ей предоставили всего лишь тридцать минут.

Она незаметно сунула платье в темную глубину ниши и небрежно спросила:

– А вам, доктор, удалось найти что-нибудь интересное?

– Я направлю вам свое заключение, – сказал он. – Однако боюсь, что вы мало что в нем поймете. Профессиональный жаргон и все такое...

Ван Бронк произнес это с улыбкой, но улыбка была вовсе не дружелюбной.

– Я еще не закончила, – сказала Нора. – Позже я с огромным удовольствием с вами поболтаю, а сейчас простите. – С этими словами она направилась к последней нише.

– Вы сможете продолжить свои исследования после того, как я вывезу отсюда останки.

– Вы ничего отсюда не вывезете до тех пор, пока я не закончу осмотр.

– Скажите это им, – ответил медэксперт, кивнув в сторону входа в тоннель. – С какой стати вы решили, что это место имеет отношение к археологии? По счастью, теперь все встало на свои места.

Нора увидела, что в проем один за другим сползают полицейские. В их руках были запирающиеся ящики для хранения вещественных доказательств. Тишину тоннеля нарушила какофония проклятий, шумного сопения и громких голосов. Пендергаста она не увидела.

Последними сползли в тоннель Эд Шенк и капитан Кастер. Увидев Нору, капитан двинулся к ней, старательно обходя валяющиеся под ногами кирпичи. За капитаном шествовала целая орава лейтенантов.

– Доктор Келли, – торопливо начал он своим писклявым голосом, – мы получили приказ из нашего штаба. Передайте вашему боссу, что он, к сожалению, сильно напутал. Вынужден согласиться, что данное место преступления носит несколько необычный характер, но современные силы правопорядка оно совершенно не интересует. И в первую очередь это относится к ФБР. Преступление произошло более ста лет тому назад.

«А нам здесь надо возводить небоскреб», – подумала Нора, глядя на Шенка.

– Мне неизвестно, кто вас пригласил, но ваша миссия закончена. Останки мы отправляем в Управление медицинской экспертизы. Все остальное будет тщательно учтено и упаковано.

Полицейские бросали ящики на влажный пол, каждый бросок сопровождался глухим ударом. Медицинский эксперт натянул на руки резиновые перчатки и принялся собирать кости, отправляя их в ящик для вещдоков. Одежда патологоанатома не интересовала. Лучи множества фонарей рассекали тьму, в тоннеле стоял непрерывный гул голосов. Объект исследований исчезал на глазах.

– Вы позволите моим людям проводить вас к выходу, доктор Келли? – вежливо поинтересовался капитан Кастер.

– Я сама найду дорогу, – не совсем учтиво ответила Нора.

Солнечный свет на какое-то время ее ослепил. Она глубоко вздохнула и раскашлялась. Когда приступ кашля миновал, Нора огляделась по сторонам. «Роллс-ройс» все еще находился на улице, а Пендергаст стоял, привалившись к сверкающему боку машины. Агент ФБР смежил веки и отвернул лицо от солнца, кожа его казалась белой и полупрозрачной, словно алебастр.

– Капитан полиции прав, не так ли? – спросила она, подойдя к автомобилю. – Этот случай не под юрисдикцией ФБР?

Пендергаст медленно кивнул. Он был явно встревожен. Нора вдруг почувствовала, как испаряется ее гнев. Специальный агент ФБР вытащил из кармана шелковый носовой платок и аккуратно промокнул выступившие на лбу капельки пота. Пока она наблюдала за этим, лицо Пендергаста снова обрело присущее ему безразличное выражение, и он сказал:

– На то, чтобы действовать по обычным бумажным каналам, часто не хватает времени. Если бы мы стали ждать до завтра, то от захоронения не осталось бы и следа. Теперь вы видите, как быстро может действовать фирма «Моген – Фэрхейвен». Если бы было объявлено, что это место имеет археологическую ценность, строительство прекратилось бы на несколько недель.

– Но оно действительно представляет интерес для археологов!

– Совершенно верно, – кивнул Пендергаст. – Но сражение проиграно. Впрочем, я это предвидел.

Как бы в подтверждение его слов раздался громкий выхлоп экскаватора, мотор машины вначале чихнул, а затем глухо заурчал. Из трейлеров и бытовок вылезали строительные рабочие и шли на площадку. Копы вытаскивали из пролома ящики с костями и грузили их в санитарный автомобиль. Экскаватор зарычал громче и неуклюже двинулся к пролому.

– Что вам удалось узнать? – спросил Пендергаст.

Нора ответила не сразу. Она не знала, стоит ли говорить о бумаге за подкладкой платья. Скорее всего, листок не имел никакого значения, да и само платье, видимо, исчезло.

Она торопливо вырвала из блокнота исписанные листки, а блокнот передала ему.

– Свои общие наблюдения я суммирую для вас сегодня вечером, – сказала она и добавила: – Поясничные позвонки у всех жертв вскрыты. Один из них я сунула в карман.

Пендергаст кивнул:

– В отложениях на полу я обнаружил множество осколков стекла и захватил несколько для анализа.

– В одежде я нашла монеты, датированные тысяча восемьсот семьдесят вторым, семьдесят седьмым и восьмидесятым годами. Кроме того, там были и еще кое-какие предметы.

– И это означает, что тысяча восемьсот восьмидесятый год был конечным для этого места, – мрачно произнес Пендергаст, словно беседуя с самим собой. – Жилые дома здесь были построены в тысяча восемьсот девяносто седьмом, и этот год является конечным уже для нас. Итак, мы имеем временное окно по меньшей мере в семнадцать лет, в течение которых... мм... развивалась эта ситуация.

У тротуара затормозил длинный черный лимузин. Тонированные стекла автомобиля ярко блестели на солнце. Из машины появился высокий мужчина в элегантном костюме цвета маренго. Вслед за ним из лимузина вылезли еще несколько человек. У мужчины было узкое, длинное лицо с широко расставленными глазами, черные волосы и угловатые, высокие скулы. Создавалось впечатление, что их вырубili топором. Он огляделся по сторонам, задержав на несколько мгновений взгляд на Пендергасте.

– А вот и мистер Фэрхейвен собственной персоной, – сказал Пендергаст. – Желает лично убедиться в том, что никаких новых задержек в строительстве не случится. Думаю, нам пора уезжать.

Он распахнул дверцу машины, пропустил вперед Нору, а затем сел сам.

– Позвольте выразить вам мою благодарность, доктор Келли, – сказал он, давая знак шоферу, что можно двигаться. – Завтра мы снова встретимся, и, как я надеюсь, наше randevu будет носить более официальный характер.

Когда «роллс-ройс» влился в поток машин в Нижнем Ист-Сайде, Нора повернулась к Пендергасту и спросила:

– А как вы вообще узнали о существовании этого места? Ведь кости обнаружили только вчера.

– Я располагаю кое-какими связями, что при моей работе приносит большую пользу.

– Не сомневаюсь. Кстати, о связях. Почему вы не попытались еще раз связаться со своим другом, комиссаром полиции? Он бы наверняка вас поддержал.

«Роллс-ройс» плавно свернул на скоростную дорогу, и его мощный мотор заурчал чуть громче.

– Комиссаром полиции? – удивленно посмотрел на нее Пендергаст. – Я не имею чести быть знакомым с этим достойным джентльменом.

– Куда же вы в таком случае звонили?

– К себе домой, – едва заметно улыбнулся он.

5

Уильям Смитбек-младший остановился на пороге «Кафе художников» и с высокомерным видом оглядел полутемный зал. Его новый костюм из темно-синего итальянского шелка приятно шелестел при каждом движении. Обычно он сутулился, но сейчас, пытаясь придать себе аристократический вид, держался прямо, как шомпол. Смитбек полагал, что подобная выправка придает ему особое достоинство. Костюм от Армани обошелся ему в целое состояние, но, стоя в дверях кафе, он знал, что эти затраты всегда оправдываются. Журналист чувствовал себя изысканной и утонченной личностью. Он тешился мыслью, что немного походит на Тома Вулфа, хотя на полную имитацию (белая шляпа и все такое) не осмеливался. Платочек из цветастого шелка в нагрудном кармане пиджака был чудесной, хотя, возможно, и несколько экстравагантной деталью туалета. Ну и что из того? Ведь он был знаменитым писателем. Во всяком случае, мог стать таковым, если бы его последнее творение получило еще пару очков и оказалось в этом проклятом списке бестселлеров. Одним словом, он вполне заслужил право носить в кармане такую прелестную вещицу. Смитбек повернулся, как ему казалось, с небрежной элегантностью и поприветствовал метрдотеля легким движением бровей. Тот с широкой улыбкой на лице направился к журналисту.

Смитбек любил этот ресторан больше, чем все остальные нью-йоркские заведения подобного рода. «Кафе художников» чуралось всяких новомодных вывертов. Кухня в нем была просто превосходной, и здесь не водились подозрительные типы, которых можно встретить в ресторане «Ле Сирк 2000». Настенная живопись Говарда Чандлера Кристи, с легким налетом китча, придавала «Кафе художников» особый шарм.

– Мы рады видеть вас сегодня, мистер Смитбек. Ваша гостыя только что прибыла.

Смитбек ответил важным кивком. Приятно, когда тебя с первого взгляда узнает метрдотель первоклассного ресторана. Очень приятно, несмотря на то что это внимание обошлось тебе в несколько двадцаток. Но главную роль в этом сыграли не деньги, а небрежное упоминание о принадлежности к «Нью-Йорк таймс».

Нора ждала его, сидя за угловым столиком. Смитбек улыбнулся. Хотя в Нью-Йорке Нора жила уже более года, ей удалось сохранить цветущий вид, совсем несвойственный жителям этого города. И это очень нравилось Смитбеку. Похоже, она так и не потеряла приобретенного в Санта-Фе загара. Смитбек и Нора познакомились в Юте во время археологической экспедиции. Ситуация, при которой произошло знакомство, была настолько опасной, что они оба едва не расстались с жизнью. В то время Нора открыто дала ему понять, что считает его назойливым и бесцеремонным типом. И вот теперь, двумя годами позже, они собираются начать жизнь под одной крышей. Смитбек не мыслил и дня без того, чтобы с ней не повидаться.

Нора выглядела просто потрясающе – впрочем, как и всегда. Ее медные волосы ниспадали на плечи, карие, с зелеными точками, глаза поблескивали в свете свечей, а россыпь веснушек на носу придавала ей независимый, мальчишеский вид. Однако наряд для данного случая можно бы подобрать и получше. Одежда была ужасающе грязной.

– Ты просто не поверишь, если я расскажу, как провела день, – начала она.

– Хм, – произнес Смитбек, поправив узел галстука и развернувшись так, чтобы подчеркнуть элегантный покрой пиджака.

– Держу пари, Билл, что ты мне ни за что не поверишь. Но запомни, это должно остаться между нами.

Смитбек ощутил легкую обиду. И не только потому, что она не обратила внимания на его новый костюм. В замечании о том, чтобы их беседа осталась секретом, не было ни малейшей необходимости.

– Нора, все, что происходит между нами, остается...

Но она не дала ему закончить:

– Во-первых, этот мерзавец Брисбейн на десять процентов урезал мой бюджет.

Смитбек издал сочувственный звук. Ее музею вечно не хватает денег.

– А затем в моем кабинете появился ужасно странный человек.

На сей раз Смитбек издал звук, призванный показать его заинтересованность, и переставил локоть поближе к бокалу на столе. Не может же она, в конце концов, не заметить переливы темно-синего шелка на фоне белой скатерти.

– Он читал мои книги и вообще вел себя так, словно это его офис. В своем черном костюме он очень смахивал на гробовщика. Кроме того, у него страшно белая кожа. Нет, он не альбинос. Просто кожа светлая.

У Смитбека зародилось смутное чувство дежавю, но он тут же отмахнулся от него.

– Человек сказал, что он из ФБР, и потащил меня в южную часть Манхэттена к зданию, где нашли...

На Смитбека неожиданно нахлынули воспоминания.

– Ты сказала, что из ФБР? Не может быть. Только не он. Это невозможно.

– Да, из ФБР. Специальный агент...

– Пендергаст, – закончил за нее журналист.

Пришло время удивляться Норе.

– Ты его знаешь?

– Знаю ли я его?! Да он же присутствует в моей книге об убийствах в музее. Той книге, которую ты, по твоим словам, читала!

– Ах да. Конечно. Как я могла забыть?

Смитбек машинально кивнул. То, что он услышал, настолько его заинтересовало, что он забыл выразить свое возмущение. Итак, Пендергаст снова возник в Нью-Йорке. Конечно, явно не с визитом вежливости. Этот специальный агент ФБР появляется только тогда, когда возникает какая-то угроза. Впрочем, не исключено, что он сам несет с собой неприятности. Как бы то ни было, но Смитбек очень надеялся, что на сей раз последствия его появления окажутся не столь ужасными, как в прошлый раз.

Перед ними возник официант, чтобы принять заказ. Смитбек, собиравшийся ограничиться рюмкой хереса, заказал для себя полноценный сухой martini. Значит, все-таки Пендергаст. Великий Боже! Как бы Смитбек ни восхищался этим человеком, он бы предпочел, чтобы специальный агент и его черный костюм не покидали Нового Орлеана.

– Расскажи мне о нем, – сказала Нора, откидываясь на спинку стула.

– Он... – начал Смитбек, испытывая столь нехарактерную для него нехватку слов. – Он, мягко говоря, несколько необычен. Южный, полный очарования аристократ с кучей денег. Семейный капитал. Фармацевтика или что-то в этом роде. Какое место он занимает в ФБР, мне, по правде говоря, неизвестно. Похоже, что ему позволено совать нос во все дела, которые ему нравятся. Он работает в одиночку, и при этом очень-очень хорошо. Как о личности я о нем ничего не знаю. Этот парень – сплошная тайна. Никогда не знаешь, о чем он на самом деле думает. Да что говорить, если я даже имени его не знаю.

– Не думаю, что он обладает большой властью. Сегодня по нему проехали катком.

– Что произошло? – вскинул брови Смитбек. – Чего он хотел?

Нора рассказала журналисту о поспешном посещении захоронения на строительной площадке. Повествование закончилось в тот момент, когда прибыли их кнели с черными трюфелями и сморчками.

– «Моген – Фэрхейвен», – произнес Смитбек, помешивая вилкой густую подливу, чтобы насладиться запахом мускуса и леса. – Это не та команда, у которой возникли про-

блемы, когда она начала снос зданий без разрешения – в то время, когда там еще оставались жильцы?

– Одна комната на Восточной Первой улице? Кажется, она.

– Отвратительная банда.

– Когда мы уезжали, прибыл сам Фэрхейвен. На лимузине длиной в милю.

– А у вас был «роллс-ройс», говоришь? – рассмеялся Смитбек.

Когда расследовали убийства в музее, у Пендергаста был «бьюик». Появление «роллса» должно было что-то обозначать. Просто так Пендергаст ничего не делал.

– Выходит, что ты путешествовала с шиком. Но все это, как мне кажется, не должно было интересовать Пендергаста.

– Почему?

– Захоронение, конечно, потрясающее. Но преступления произошли более сотни лет назад. С какой стороны древняя история может интересовать ФБР или иные правоохранительные органы?

– Это не обычное преступление. Убиты три десятка молодых людей. Их тела расчленены и замурованы в подземном тоннеле. Это одно из самых массовых серийных убийств в истории США.

Вернулся официант и поставил перед Смитбеком бифштекс с кровью.

– Брось, Нора, – сказал он, хватаясь за нож. – Убийца давно умер. Теперь это всего-навсего исторический курьез. Для газеты из него можно слепить классную статью. Но хоть убей, я не понимаю, с какой стати всей этой историей может заинтересоваться ФБР.

– Билл, по-моему, мы договорились, что это не для печати, – обожгла его взглядом Нора.

– Но это же почти доисторические времена, Нора. У меня получится сенсационный материал. Какой вред он может...

– Не для печати!

– Но хотя бы предоставь мне право первой ночи, когда наступит время, – со вздохом пробурчал Смитбек.

– Ты же знаешь, Билл, что всегда имеешь это право, – фыркнула Нора.

Смитбек усмехнулся и отрезал нежный уголок бифштекса.

– И что же вы там нашли?

– Ничего особенного. Самые обычные вещи. Старинные монеты, гребенку, булавки, бечевку, пуговицы... – Она немного помолчала и добавила: – Правда, там было еще кое-что.

– Выкладывай!

– Это был листок бумаги, зашитый в подкладку девичьего платья. Я никак не могу его забыть.

– И что же там написано? – спросил Смитбек с внезапно обострившимся интересом.

– Не знаю. Мне пришлось спрятать платье, прежде чем я успела посмотреть.

– Ты полагаешь, что платье еще там?

Нора утвердительно кивнула.

– И как они намерены поступить со всем этим бараклом?

– Медэксперт забирает кости, а все остальное, как говорят копы, будет учтено и упаковано. Мне кажется, что они сделают все, чтобы потерять след вещей на каком-нибудь складе. Чем скорее они от них избавятся, тем меньше вероятность того, что территория будет объявлена имеющей археологический интерес. Я знаю, что строители иногда сознательно перекапывают всю площадку, чтобы археологам нечего было исследовать.

– Но это же незаконно. Разве они не должны останавливать строительство, если там обнаружено что-то важное?

– Но если все перерыто с самого начала, то как доказать существование чего-то археологически значимого? Строители каждый день уничтожают десятки подобных памятников.

Смитбек пробормотал несколько слов, призванных продемонстрировать его справедливое негодование столь безнравственными действиями строительных магнатов, и принялся за бифштекс. Он умирал от голода. Нигде в Америке не готовят бифштексы лучше, чем в «Кафе художников». Да и порции здесь приличного мужского размера, не идущие ни в какое сравнение с крошечными, слегка обрызганными соусом сооружениями в центре гигантской тарелки...

– Как ты думаешь, почему девушка зашила письмо в платье?

Смитбек оторвал глаза от тарелки, отпил из бокала красного вина, отрезал кусочек от божественного бифштекса и сказал:

– Любовное письмо, наверное.

– Чем больше я о нем думаю, тем более важным оно мне кажется. По меньшей мере оно может помочь нам узнать, кем были эти люди. Если одежда исчезнет, а тоннель перестанет существовать, нам этого никогда не выяснить. – Нора внимательно смотрела на журналиста, не притрагиваясь к еде. – Теперь я абсолютно уверена, что находка имеет археологическое значение, черт бы их всех побрал!

– Скорее всего, как ты сказала, там уже ничего не осталось.

– Рабочий день шел к концу, а я спрятала платье в глубине ниши.

– Они увезли его вместе со всеми остальными вещдоками.

– Не думаю. В дальней стене ниши было углубление. Туда я и затолкала платье. Они могли его и не заметить.

В глазах Норы загорелся огонек, который ему, увы, доводилось видеть и раньше.

– И не помышляй, Нора! – торопливо заявил он. – Стройка наверняка охраняется, а света там больше, чем на театральной сцене. Даже не думай об этом.

– Ты пойдешь со мной. Ночью. Я должна добыть это письмо.

– Перестань. Тебе даже неизвестно, письмо ли это. Может быть, там всего лишь квитанция из прачечной...

– Даже квитанция может послужить важным ключом.

– Нас там арестуют.

– За себя не ручаюсь, а тебя – точно нет.

– Как это?

– Я буду отвлекать охрану, пока ты будешь перелезать через забор. Твой вид не вызовет никакого подозрения. – По мере того как она говорила, огонек в ее глазах разгорался все ярче. – Да. Ты будешь одет как бездомный бродяга, который... ну, скажем... копается в мусоре. Если тебя поймут, то в худшем случае слегка намылят шею, а в лучшем – просто выбросят с площадки.

Идея Норы возмутила журналиста до глубины души.

– Я – бездомный бродяга?! Ни за что! Бродягой будешь ты.

– Нет, Билл, это не работает. Я буду проституткой.

Вилка с последним кусочком бифштекса замерла у губ Смитбека.

Нора посмотрела на его изумленную физиономию и сказала:

– Ты закапал соусом всю грудь своего нового прекрасного итальянского костюма.

6

Слегка дрожа от холода, Нора выглянула из-за угла дома на Генри-стрит. Ночь выдалась прохладной, а ее мини-юбка и топик в обтяжку, мягко говоря, не очень согревали. И лишь толстый слой краски на лице придавал ей стойкости. Со стороны Чатам-сквер до нее доносился приглушенный шум уличного движения, а чуть впереди зловеще темнела громада Манхэттенского моста. Шел третий час ночи, и улицы Нижнего Ист-Сайда были пустынные.

- Ну и что же ты там увидела? – спросил стоящий за ее спиной Смитбек.
- Площадка хорошо освещена. Но охранник, как мне кажется, всего один.
- Что он делает?
- Сидит на стуле и читает книгу.

Смитбек недовольно поморщился. Его очень огорчила та легкость, с которой он смог превратиться в бездомного бродягу. На всегда элегантном журналисте был лоснящийся от времени длинный черный плащ. Под плащом скрывалась не первой свежести ковбойка. Грязные синие джинсы пришли на смену безукоризненно отутюженным брюкам, а ноги украшали изрядно разбитые кеды. Переодеться не составило труда, поскольку в стенном шкафу Смитбека хранилась порядочная коллекция старого тряпья. Дополняли общую картину несколько мазков сажи на физиономии, смазанные оливковым маслом волосы и несколько пластиковых пакетов с грязным бельем.

- Как он выглядит?
- Большой и ужасный.
- Перестань валять дурака, – сказал Смитбек.

Ему было вовсе не до шуток. Остановить в таком одеянии такси в районе Верхнего Уэст-Сайда было невозможно, и им пришлось воспользоваться подземкой. Подвалить к Норе никто не пытался, но многие провожали парочку взглядами, явно не понимая, как дорогая девица по вызову оказалась в обществе опустившегося бродяги.

– Твой план никуда не годится, – сердито сказал Смитбек. – Ты уверена, что справишься?

– У нас сотовые телефоны. Если мне будет что-то угрожать, я начну вопить как недо-резанная, а ты тогда позвонишь по номеру девять-один-один. Но не дрейфь. До этого дело не дойдет.

– Точно. Он весь уйдет в лицезрение твоих сисек, – произнес Смитбек с несчастным видом. – На тебе такой топик, что ты вполне могла вообще ничего не надевать.

– Не сомневайся. Я смогу за себя постоять. Запомни: платье – в предпоследней нише справа. Найди щель в задней стене. Оно наверняка еще там. Как только выберешься со стройки, сразу звони. А теперь – вперед.

Нора вышла в свет уличного фонаря и двинулась по тротуару по направлению к входу на строительную площадку. Ее туфли громко стучали по асфальту, а пышные груди при ходьбе слегка покачивались. Неподалеку от запертой железной цепью калитки она остановилась, порылась в маленькой золотой сумочке и издала негромкий, но хорошо слышный стон разочарования. Нора чувствовала, что взгляд охранника уже прилип к ней. Она выронила губную помаду и нагнулась, давая возможность стражу оценить все достоинства ее наряда. Чуть подкрасив губы, девушка снова порылась в сумке, выругалась и огляделась по сторонам, задержав взгляд на охраннике, который, в свою очередь, неотрывно пялился на нее. Книга валялась на земле рядом со стулом.

- Вот дерьмо. Оставила сигареты в баре, – сказала она, сверкнув улыбкой.
- Возьмите мою, – сказал охранник и поспешно поднялся со стула.

Нора подошла к калитке и взяла через ячейку сетки предложенную сигарету. При этом она встала так, чтобы охранник оказался спиной к строительной площадке. Оставалось надеяться, что Смитбек будет действовать достаточно быстро.

Охранник достал зажигалку:

– Подождите, я отопру калитку.

Нора ждала с сигаретой в пальцах.

Парень распахнул калитку и щелкнул зажигалкой. Нора склонилась над язычком племени и затянулась, надеясь, что не закашляется.

– Спасибо.

– Не за что, – сказал охранник.

Это был молодой человек с песочного цвета шевелюрой. Не толстый, но и не худой. Силачом он не выглядел, а вид у него был слегка обалделый. Ее внешность явно его смущала. Вот и хорошо.

– Чудная ночь, – сказала Нора, сделав вторую затяжку.

– Вам, наверное, холодно.

– Немного.

– Возьмите это. – Он стянул с себя куртку и галантно накинул на плечи Норы.

– Спасибо.

Парень выглядел так, словно не мог поверить свалившемуся на него счастью. Нора знала, что выглядит очень привлекательно и что ее фигура благодаря многолетним странствиям по пустыням с рюкзаком за спиной обрела прекрасную форму. Яркий макияж внушал ей чувство уверенности. Парень никогда не узнает в сотруднице Музея естественной истории девушку легкого поведения.

Одним словом, она в этом наряде казалась себе развязной, смелой и сексуальной. Это ощущение, как ни странно, ей очень нравилось.

До ее слуха долетело какое-то дребезжание. Смитбек, видимо, начал карабкаться через ограду.

– Вы работаете здесь каждую ночь? – спросила она.

– Пять ночей в неделю, – сказал охранник. Парень так нервничал, что его кадык судорожно двигался под кожей. – После того, как началось строительство. А вы... э... живете где-нибудь поблизости?

Нора мотнула головой в направлении реки и спросила:

– А вы?

– В Куинсе.

– Женаты?

Нора увидела, как его рука, на которой она уже успела заметить обручальное кольцо, скрылась под кобурой пистолета.

– Пока нет.

Она кивнула и еще раз затянулась сигаретой. Голова начинала кружиться. И как только люди вдыхают такую гадость?! Ей хотелось, чтобы Смитбек побыстрее закруглился.

Затем Нора улыбнулась, бросила окурочек и растерла его ногой.

Перед ее носом мгновенно возникла пачка сигарет.

– Еще одну?

– Пожалуй, не стоит, – сказала она. – Стараюсь сократиться.

Девушка видела, что парень не может оторвать взгляда от ее груди, затянутой в серебристую материю.

– Работаете в баре? – спросил он и залился краской, так как вопрос, видимо, показался ему нескромным.

– В некотором роде, – ответила она, потуже затягивая на плечах куртку.

Парень кивнул. Создавалось впечатление, что он понемногу начинал смелеть.

– Вы очень симпатичная, – сказал охранник.

– Спасибо, – ответила она.

Господи, куда подевался этот Смитбек? Ведь там работы всего на полминуты.

– А позже вы будете свободны?

– Неужели вы хотите со мной встретиться? – произнесла она, демонстративно оглядывая его с головы до ног.

– Да. Очень.

Послышался еще один, теперь гораздо более сильный дребезжащий звук, и ограда слегка задрожала. Охранник обернулся на шум.

– И какого же рода свидания ты хочешь? – спросила Нора.

Он посмотрел на нее, не скрывая охватившей его похоти. Девушке казалось, что она стоит перед ним совсем голая. Снова послышалось дребезжание, и на сей раз охранник, оглянувшись, увидел Смитбека. Журналист висел на ограде, пытаясь освободить зацепившиеся за нее полы грязного плаща.

– Эй! – заорал охранник.

– Наплюй, – остановила его Нора. – Это всего лишь какой-то бродяга.

Смитбек бился, как угодившая в сеть рыба. Теперь он пытался вылезти из плаща. Это кончилось тем, что он запутался еще сильнее.

– Он не должен здесь находиться!

Увы, перед ней оказался человек, который слишком серьезно относился к своей работе.

– Эй, ты! – гаркнул охранник, хватаясь за кобуру. – Эй! – завопил он громче и сделал шаг в сторону висящего на ограде журналиста.

Смитбек отчаянно сражался с плащом.

– А иногда я делаю это бесплатно, – решила на отчаянный шаг Нора.

Охранник с округлившимися глазами повернулся к ней, забыв о болтающемся на изгороди бродяге.

– Неужели?

– Конечно. Почему бы и нет? Особенно с таким парнем...

Его губы растянулись в идиотской улыбке. Жалкий негодяй, готовый тут же изменить жене. Главное, чтобы подешевле!

– Может быть, прямо сейчас? – спросил он.

– Очень холодно. Давай завтра.

Она услышала звук раздираемой ткани, за которым последовал глухой удар о землю.

– Завтра? – с обескураженным видом переспросил он. – А почему не сейчас? У тебя, например.

– Я никогда не занимаюсь этим дома, – сказала Нора, снимая с плеч и передавая ему куртку.

– Здесь за углом есть гостиница. – Охранник сделал шаг вперед и попытался обнять ее за талию. – Пойдем.

Нора с улыбкой увернулась, и в этот миг раздался сигнал мобильного. Она с облегчением откинула крышку аппарата.

– Миссия окончена, – прозвучал голос Смитбека. – Можешь сваливать от этого уroda.

– Да, мистер Макнелли. С огромным удовольствием, – своим самым сердечным тоном произнесла она. – Мне ваша идея нравится, – закончила Нора и, громко чмокнув крышку, закрыла аппарат. – Прости, – сказала она охраннику. – Бизнес есть бизнес.

– Постой. Но ты же сказала... – В голосе стража слышалось отчаяние.

Отойдя на шаг, она захлопнула перед его носом калитку и бросила:

– Завтра... Обещаю.

– Нет. Постой!

Нора повернулась и быстро зашагала по тротуару.

– Постой! Подождите! Прошу вас, леди!

Этот отчаянный вопль долго витал между домами.

За углом ее уже ждал Смитбек.

– Этот урод за тобой не потащился? – спросил журналист, легонько обняв девушку.

– Не останавливайся, – сказала она.

Они побежали по тротуару. Нора в туфлях на высоких каблуках чувствовала себя очень неустойчиво. Лишь перебежав через улицу и свернув за угол, они, тяжело пыхтя, остановились. Охранник за ними не последовал.

– Боже! – простонал Смитбек, привалился к стене и приподнял руку. – Боюсь, что, свалившись с проклятого забора, я сломал лапу.

Его плащ и рубашка были разорваны, а из дыры торчал кровоточащий локоть.

– Ты в полном порядке, – сказала Нора, осмотрев его конечность. – Платье удалось достать?

Смитбек горделиво похлопал по пластиковому пакету.

– Замечательно.

Смитбек покрутил головой и произнес со стоном:

– Такси здесь, похоже, ни за что не найти.

– Оно в любом случае не остановилось бы. Вспомни, на кого ты похож. Давай мне свой плащ. Я умираю от холода.

Смитбек накинул на нее грязное одеяние и сказал:

– Ты... хм... выглядишь весьма соблазнительно.

– Кончай болтать. Пошли, – бросила Нора и двинулась к станции подземки.

Смитбек потянулся следом. У входа в подземку журналист остановился и произнес, изображая охранника:

– А как насчет свидания? Эй, леди, ну пожалуйста!

Нора посмотрела на журналиста. Его волосы беспорядочно торчали в разные стороны, а лицо стало еще грязнее, чем было до этого. От одежды разило плесенью и влажной, лежащей землей. Более нелепый вид и представить было трудно.

– Я барышня не дешевая, – сказала она. – Тебе это дело обойдется в большие бабки.

– Все, что угодно, детка! Алмазы. Жемчуга. Грины. И даже ночные танцы в пустыне при луне под вой койотов.

– Вот такие клиенты мне по душе, – рассмеялась Нора и взяла его за руку.

7

Нора заперла дверь кабинета, положила пакет на стул и освободила стол от бумаг и высоких стопок книг. Пошел всего лишь девятый час утра, и музей, казалось, еще не проснулся. Тем не менее она глянула на застекленную дверь, подошла и задернула занавеску. После этого она тщательно прикрыла стол листом специально обработанной бумаги, прикрыв его клейкой лентой. Положив на первый лист еще один, Нора разместила на нем вдоль края стола несколько мешочков для сбора образцов, специальные щипцы и пинцеты. После этого она выдвинула ящик и выложила на стол все добытые в нишах тоннеля предметы: монеты, гребенку, волосы, бечевку и позвонок. Самым последним на стол Нора положила платье. Она обращалась с ним бережно, почти благоговейно. Словно извинялась за то небрежение, которое этому предмету из прошлого пришлось пережить за последние двадцать четыре часа.

Смитбек был вне себя, когда она прошлой ночью категорически отказалась немедленно вскрыть подкладку и посмотреть, что за ней скрыто. Она снова увидела его таким, каким он предстал перед ней в ту минуту. Смитбек, все еще в одеянии бродяги, негодовал так, как может негодовать лишь журналист, у которого отнимают сенсацию. Но его стенания Нору не тронули. Она хотела выжать из платья максимум информации, и это следовало сделать по всем правилам археологической науки.

Нора отступила на шаг от стола. В ярком свете можно было рассмотреть платье в мельчайших деталях. Длинное, простого покроя. Сшито из грубой шерстяной ткани зеленого цвета. Округлый разрез воротника, узкий лиф и длинная юбка гофре определенно указывали на принадлежность вещи к девятнадцатому веку. Лиф и юбка имели некогда белую, а теперь пожелтевшую подкладку.

Нора провела пальцами вдоль складок и чуть ниже линии талии нащупала хрустящий листок бумаги. «Еще не время, – сказала она себе и села за стол. – Будем действовать последовательно и методично».

Платье было покрыто темными пятнами, определить их характер без химического анализа не представлялось возможным. Некоторые из них могли быть пятнами крови, другие выглядели как следы обычного загрязнения. Там присутствовали жир, уголь и, возможно, воск. Кромка подола была изрядно потрепана и кое-где надорвана. В самой ткани платья имелись разрывы, самые крупные из которых были аккуратно зашиты. Нора взяла лупу и тщательно изучила пятна и разрывы. Ремонт осуществлялся с помощью цветных нитей, среди которых совсем не было зеленых. Бедная девочка использовала тот материал, который оказывался под рукой.

Ткань не носила следов повреждений, сделанных грызунами или насекомыми, поскольку оставалась плотно замурованной в нише. Нора сменила лупу и, взглядевшись более внимательно, увидела пыль и черные, похожие на частицы угля крупинки. Она взяла пинцет и поместила несколько черных крошек в прозрачный пластмассовый пакет. В складках ткани имелись какие-то еще более мелкие фрагменты, и, чтобы изучить их, ей пришлось прибегнуть к помощи бинокулярного микроскопа.

Как только она отрегулировала фокус, ее взгляду открылись десятки высохших трупиков вшей, вцепившихся в грубые нити ткани. Среди армии дохлых вшей имелись останки нескольких гигантских блох и еще каких-то неизвестных ей мелких насекомых. Это неаппетитное зрелище заставило ее непроизвольно оторваться от микроскопа.

Посмеявшись в душе над своей неожиданной брезгливостью, Нора снова прильнула к окулярам, чтобы продолжить исследование. Платье являло собой подлинный кладезь чуждых человеку биологических объектов и микроскопических предметов, на полное изучение

которых у химика-криминалиста ушло бы несколько недель. «Интересно, какую пользу, учитывая его стоимость, мог бы принести подобный анализ?» – подумала она.

Тишина в офисе вдруг показалась Норе настолько глухой, что по спине поползли мурашки. Она повернулась, и от изумления у нее отвалилась челюсть. Над ней, держа руки за спиной, возвышался специальный агент ФБР Пендергаст.

– Господи! – воскликнула Нора, вскакивая со стула. – Вы меня до смерти напугали!

– Приношу все свои извинения, – слегка поклонившись, ответил Пендергаст.

– Мне казалось, что я заперла дверь.

– Вы это действительно сделали.

– Может быть, вы волшебник, агент Пендергаст? Или вы просто вскрыли мой замок?

– И то, и другое. Понемногу, – улыбнулся он. – Но замки в музее настолько примитивны, что слово «вскрыть» по отношению к ним вряд ли уместно. Однако я здесь достаточно известен, и это вынуждает меня действовать тайно.

– Вас не затруднило бы впредь предупреждать меня о своем появлении?

– Вчера у вас этой вещи не было, – произнес Пендергаст, показывая на платье.

– Вы правы, не было.

– Вы очень предприимчивы, доктор Келли.

– Вчера ночью я вернулась...

– Умоляю. Никаких подробностей о вашей сомнительной деятельности. Тем не менее разрешите вас поздравить.

Невооруженным глазом было заметно, насколько доволен Пендергаст.

– Продолжайте, прошу вас.

Нора вернулась к работе, и через некоторое время Пендергаст снова заговорил:

– В тоннеле имелось много предметов одежды. Почему вы выбрали именно это платье?

Не говоря ни слова, Нора раздвинула складку и указала на грубый шов в хлопчатобумажной ткани подкладки. Пендергаст тут же шагнул к столу.

– Там зашит клочок бумаги, – пояснила она. – Я наткнулась на платье в тот момент, когда нас начали изгонять с площадки.

– Не мог бы я позаимствовать вашу лупу?

Она, не поворачиваясь, протянула ему лупу. Агент склонился над платьем и внимательно его осмотрел. Профессионализм, с которым это было сделано, произвел на Нору сильное впечатление.

– Чрезвычайно поспешная работа, – сказал он. – Обратите внимание, что все остальные стежки и штокпа выполнены очень аккуратно, чуть ли не любовно. Платье, вне сомнения, было лучшим нарядом девочки. Однако этот разрыв зашит нитью, выдернутой из ткани платья, и проколы имеют неровные края. Думаю, что они сделаны древесной щепкой. Итак, у нее не было ни времени, ни иглы.

Нора навела линзы бинокля на шов и включила вмонтированную в прибор фотокамеру, чтобы сделать снимки при разном увеличении. После этого она поставила макролинзы и произвела еще серию снимков. Нора работала уверенно и точно, зная, что Пендергаст наблюдает за всеми ее действиями.

Покончив с фотографированием, Нора отодвинула микроскоп в сторону и взялась за пинцет.

– Открываю шов.

Она захватила кончик нити и начала осторожно извлекать нить из ткани. Через несколько минут кропотливой работы шов открылся.

Нора поместила нить в одну из пробирок и отвернула ткань подкладки.

Под ней оказался дважды сложенный клочок бумаги, явно оторванный от книжной страницы.

Девушка осторожно развернула его при помощи двух пар щипцов с широкими каучуковыми губками. На внутренней стороне листка оказалась надпись, сделанная грубыми, корявыми буквами. Часть слов была смазана или слегка выцвела, но все остальное можно было прочитать без всякого труда.

ня завул Мэри Грин возраст 19 № 16 Уоттер-стрит

Нора положила листок под линзы микроскопа и взглянула на запись при небольшом увеличении. Через несколько мгновений она отступила в сторону, давая возможность Пендергасту посмотреть на записку. Пендергаст надолго приткнулся к окулярам. Лишь через несколько минут он оторвался от микроскопа и сказал:

– Начертано, как мне кажется, той же щепкой.

Нора кивнула, соглашаясь. Буквы были неровными, и на бумаге виднелись царапины.

– Вы позволите мне кое-что проверить? – спросил он.

– Что именно?

Пендергаст извлек из кармана небольшой пузырек с притертой пробкой и сказал:

– Для этого мне придется взять с записки совсем крошечный образец чернил и поместить его в этот раствор.

– Что это такое?

– Сыворотка крови кролика.

– Действуйте.

«Забавно, что Пендергаст таскает с собой набор химикатов, используемых в криминальных расследованиях, – подумала она. – Интересно, что еще скрывается в бездонных недрах его черного костюма?»

Пендергаст вынул из пузырька пробку, на которой оказался крошечный волосной ежик. Он прикоснулся ежиком к краю письма и тут же вернул пробку на место. Затем агент ФБР слегка встряхнул сосуд и поднес его к окну. Через миг жидкость в нем посинела.

– Итак? – спросила Нора, хотя по выражению его лица сразу все поняла.

– Записка, доктор Келли, написана человеческой кровью, и я не сомневаюсь в том, что это кровь самой девушки.

8

В кабинете повисла мертвая тишина. Нора вдруг ощутила, что ей необходимо присесть. Некоторое время никто из них не произнес ни слова. До Норы из какого-то немыслимого далека доносились шум уличного движения, телефонные звонки, шаги в коридоре. Перед ее мысленным взором постепенно вставала полная картина их открытия: тоннель, тридцать шесть расчлененных трупов и страшное послание из позапрошлого века.

– Что это, по-вашему, может означать? – спросила она.

– Есть лишь одно объяснение. Девушка знала, что не выйдет из подвала живой, и не хотела умереть в неизвестности. Поэтому она написала свое имя, возраст, домашний адрес, а затем тщательно спрятала записку. Это ее эпитафия. В единственно доступной для нее форме.

– Как это ужасно, – содрогнувшись всем телом, сказала Нора.

Пендергаст подошел к полке, а она взглядом следила за его действиями.

– С кем мы имеем дело? – спросила она. – Неужели с серийным убийцей?

Пендергаст не ответил, а на его лице появилось то же самое тревожное выражение, которое она уже видела во время раскопок. Агент ФБР молча стоял у книжной полки.

– Вы позволите задать вам вопрос? – спросила Нора.

Пендергаст кивнул.

– Почему вы так заинтересовались этим делом? Серийные убийства, случившиеся сто тридцать лет назад, вряд ли попадают в сферу интересов ФБР.

Пендергаст снял с полки глиняный сосуд работы индейцев анасази, повертел его в руках и произнес:

– Какая прекрасная черно-белая керамика в стиле Кайента. Как, кстати, продвигается ваше исследование?

– Не очень хорошо. Музей не дает мне денег на производство радиоуглеродного анализа. А без анализа я не смогу закончить датировку. Но все же, что это...

– Отлично.

– Отлично?

– Доктор Келли, вам знаком термин «кабинет диковин»?

Нора еще раз подивилась способности этого человека неожиданно менять тему.

– По-моему, это своего рода коллекция различных курьезов природы?

– Именно. И эти кабинеты явились предтечами современных музеев естественной истории. Многие образованные джентльмены восемнадцатого и девятнадцатого веков колесили по миру, собирая по пути необычные экспонаты: древние окаменелости, кости, сушеные человеческие головы, чучела птиц и все такое. Первоначально они, чтобы позабавить своих друзей, выставляли свои находки в кабинетах. Позже, когда стало ясно, что на этом можно зарабатывать деньги, некоторые из этих кабинетов редкостей превратились в коммерческие предприятия. Их по-прежнему называли кабинетами, хотя коллекции уже размещались в нескольких залах.

– Но какое отношение это все имеет к убийствам?

– В тысяча восемьсот сорок восьмом году богатый молодой человек из Нью-Йорка – его звали Александр Мэрисас – отправился в охотничью экспедицию по земному шару, начиная с южных районов Тихого океана и кончая Огненной Землей. Он умер на Мадагаскаре, но его коллекция – одна из самых лучших в то время – вернулась в Нью-Йорк в трюме принадлежавшего покойному корабля. Коллекция была целиком скуплена предпринимателем по имени Джон Кэнади Шоттам. Этот Шоттам и открыл в тысяча восемьсот пятьдесят втором году Кабинет природных диковин и иных редкостей.

– И что же из этого следует?

– Кабинет Шоттама находился в здании, стоявшем над тоннелем, в котором были обнаружены скелеты.

– Как вы это узнали?

– Мой хороший друг работает в публичной библиотеке Нью-Йорка. Через тоннель, который вы обследовали, подавался уголь в котельную дома. Это было трехэтажное здание в неоготическом стиле, весьма популярном в пятидесятых годах девятнадцатого века. На первом этаже находился сам Кабинет и что-то еще, имевшее название «Циклорама». На втором был офис Шоттама, а весь третий этаж сдавался. Кабинет, кажется, пользовался большим успехом, несмотря на то что район Пяти углов, или Пяти улиц, если хотите, считался в то время самыми отвратительными трущобами Манхэттена. Дом сгорел в тысяча восемьсот восемьдесят первом году, а Шоттам погиб в огне. Полиция подозревала поджог, но предполагаемого поджигателя так и не нашли. Место оставалось пустырем все время до возведения жилого квартала в тысяча восемьсот девяносто седьмом году.

– А что там было до Кабинета Шоттама?

– Небольшая свиная ферма.

– Значит, все эти люди были убиты в то время, когда там находился Кабинет?

– Именно.

– И вы считаете, что убил их Шоттам?

– Этого пока мы не знаем. Битое стекло, которое я нашел в тоннеле, состояло в основном из пробирок и частей аппарата для дистилляции. На осколках я обнаружил следы различных химикатов, и их состав еще предстоит проанализировать. Нам следует узнать как можно больше о мистере Шоттаме и о его Кабинете диковин. А сейчас не хотите ли вы составить мне компанию?

Он галантно открыл дверь кабинета, и Нора машинально вышла в коридор. Пендергаст не умолкал, пока они шли по коридору и поднимались в лифте на пятый этаж. Когда двери кабины с шипением раздвинулись, Нора наконец пришла в себя:

– Подождите. А куда, собственно говоря, мы идем? Меня ждет работа.

– Как я сказал, мне требуется ваша помощь.

Это было произнесено с такой самоуверенностью, что Нора почувствовала раздражение. Неужели агент ФБР считает, что купил ее время?

– Простите, но я археолог, а не детектив.

– А разве между занятием археологией и сыском имеется различие? – спросил Пендергаст, вскинув брови.

– Почему вы решили, что это дело меня может заинтересовать?

– Оно уже вас интересует.

Самоуверенность этого типа была просто возмутительной, хотя то, что он сказал, полностью соответствовало истине.

– И каким образом я объясню все это в музее?

– Именно с этой целью, доктор Келли, у нас и назначена встреча.

С этими словами он указал на дверь в конце коридора с именем владельца кабинета, начертанным на деревянной панели золотыми буквами.

– Только не это! – простонала Нора. – Ни за что!

Роджер Брисбейн по-прежнему восседал в кресле фирмы «Баухаус», и рукава его белоснежной рубашки от «Тернболл и Ассер» по-прежнему были закатаны с ювелирной точностью. Первый заместитель президента с ног до головы был живым воплощением образа идеального юриста. Драгоценные камни мирно покоились за стеклом в своих бархатных гнездах. Они были единственным источником тепла в этом стерильном кабинете. Первый

зам кивком головы указал на пару кресел. Судя по всему, Брисбейн пребывал в дурном расположении духа.

– Специальный агент Пендергаст... – протянул Брисбейн, заглянув в свой календарь и полностью игнорируя присутствие Норы. – Почему мне знакомо ваше имя?

– Мне уже приходилось работать в музее, – ответил Пендергаст.

– На кого вы работали?

– Вы меня не совсем поняли. Я сказал «в», а не «на».

– Не имеет значения, – махнул рукой Брисбейн. – Понимаете, мистер Пендергаст, я люблю проводить утро дома. Простите, но я не уловил, какие чрезвычайные обстоятельства потребовали моего присутствия на рабочем месте в столь ранний час.

– Преступление никогда не дремлет, мистер Брисбейн, – сказал Пендергаст, и Норе показалось, что она уловила в голосе агента легкую насмешку.

Брисбейн посмотрел на Нору и тут же снова отвел глаза.

– Доктор Келли трудится в музее. Мне показалось, что об этом я смог вам достаточно ясно сказать по телефону. Музей всегда рад оказать помощь ФБР, но я не вижу, чем мы можем быть вам полезными именно в этом деле.

Вместо того чтобы ответить, Пендергаст взглянул на драгоценные камни и сказал:

– А я и не знал, что знаменитый сапфир «Звезда Индии» снят с экспозиции. Ведь это же «Звезда Индии», не так ли?

– Мы регулярно меняем экспозицию, – чуть поерзав в кресле, ответил Брисбейн. – Публика должна видеть, что хранится в наших запасниках.

– И как я вижу, вы храните... мм... избыточные запасы у себя.

– Мистер Пендергаст, я все же не понимаю, каким образом мы можем быть вам полезны.

– Данное преступление по своему характеру является уникальным, а вы со своей стороны располагаете уникальными ресурсами. Этим ресурсом я и намерен воспользоваться.

– Преступление, о котором вы говорите, произошло в музее?

– Нет.

– На принадлежащей музею собственности?

Пендергаст отрицательно покачал головой.

– В таком случае боюсь, что мой ответ будет отрицательным.

– И это ваше последнее слово?

– Абсолютно. Мы не можем допустить, чтобы музей, пусть даже косвенно, занимался полицейской деятельностью. Наше участие в сыскной работе, разного рода исках или иных сомнительных мероприятиях может неоднозначно отразиться на репутации музея. И это, мистер Пендергаст, вам прекрасно известно.

Пендергаст достал из кармана жилета какую-то бумагу и положил на стол перед Брисбейном.

– Что это? – спросил Брисбейн, не взглянув на листок.

– Устав музеев города Нью-Йорка.

– Какое отношение устав имеет к этому делу?

– Там сказано, что служащие музея должны оказывать безвозмездную помощь городу Нью-Йорку. Это входит в круг их обязанностей.

– Мы это делаем, организуя работу музея.

– В этом и состоит суть проблемы. До сравнительно недавнего времени отдел антропологии вашего учреждения на регулярной основе помогал полиции в проведении экспертиз. Это было прямой обязанностью отдела. Я не сомневаюсь, что вы помните печально знаменитое убийство, получившее название «Мусорный бачок». Оно произошло седьмого ноября тысяча девятьсот тридцать девятого года.

– Очень сожалею, но боюсь, что как раз в тот день я не очень внимательно читал «Нью-Йорк таймс».

– Один из научных сотрудников музея стал главным лицом в раскрытии того преступления, – продолжал Пендергаст, не обращая внимания на сарказм Брисбейна. – Он обнаружил обгорелые остатки надбровной дуги в мусорном бачке. Экспертиза установила, что крошечный обломок является частью человеческого черепа, а это, в свою очередь...

– Мистер Пендергаст, я здесь не для того, чтобы выслушивать лекции по истории, – сказал Брисбейн и, поднявшись с кресла, стал надевать пиджак. – Мой ответ – «нет». Меня уже ждут неотложные дела. А вас, доктор Келли, я попросил бы вернуться на рабочее место.

– Мне очень грустно это слышать. Как ни печально, но ваш отказ отрицательно отразится на репутации музея.

Брисбейн на мгновение замер, а затем с ледяной улыбкой сказал:

– Должен ли я рассматривать ваши слова как угрозу, мистер Пендергаст?

Пендергаст, словно не услышав вопроса, продолжил в своей добродушной манере южанина:

– Дело в том, что устав прямо говорит об услугах городу за пределами обычной музейной работы. Вот уже более десяти лет ваш музей нарушает условия контракта с Нью-Йорком, несмотря на то что получает десятки миллионов из средств налогоплательщиков этого города. Музей не только не оказывает услуг городу, мистер Брисбейн. Он даже пошел на то, что закрыл свою библиотеку для всех граждан города, не имеющих степени доктора наук. Доступ к вашим запасникам имеет лишь избранный круг ученых мужей, и, ссылаясь на так называемые «авторские права», вы за все требуете деньги. Вы даже вознамерились взимать плату за вход, несмотря на то что в уставе прямо сказано: «Созданный в Нью-Йорке Музей естественной истории должен быть открыт для публики бесплатно и без каких-либо ограничений...»

– Разрешите взглянуть.

Брисбейн прочитал документ, и на его безупречно гладком лбу возникли едва заметные морщинки.

– Старые документы могут причинять большие неприятности, мистер Брисбейн. Не так ли? Конституция, например. Возникает каждый раз, когда вам меньше всего хочется о ней слышать.

Брисбейн уронил документ на стол, а его слегка покрасневшие щеки снова обрели присущий им здоровый розовый колер.

– Я должен вынести этот вопрос на совет.

– Отличное начало, – улыбнулся Пендергаст. – Однако я, если позволите, предложил бы музею решать свои маленькие проблемы самостоятельно и без огласки. При условии, что доктор Келли мне поможет. Что скажете на это, мистер Брисбейн?

На некоторое время воцарилось молчание. Затем Брисбейн поднял на агента ФБР взгляд (теперь он смотрел на него как-то по-иному) и протянул:

– Понимаю...

– Заверяю, что не отниму у доктора Келли ни секунды лишнего времени.

– Не сомневаюсь.

– В основном ей придется заниматься архивной работой. Она останется на территории музея и в случае необходимости будет доступна по первому вызову.

Брисбейн ответил кивком.

– Таким образом мы избежим неприятной огласки. Все, как вы понимаете, останется между нами.

– Естественно. Это представляется мне наилучшим выходом.

– Кроме того, считаю своим долгом сообщить, что доктор Келли не искала никаких контактов со мной. Боюсь, что это я навязал ей свое общество. Она уже успела мне заявить, что предпочла бы работать со своими черепками.

– Понимаю.

Лицо Брисбейна стало непроницаемым, и Нора не могла понять, что он на самом деле думает. Она опасалась, что схватка между первым заместителем и специальным агентом ФБР скверно отразится на ее дальнейшей карьере. Подумав об этой печальной перспективе, девушка осуждающе посмотрела на Пендергаста.

– Вы сказали, что прибыли из Нового Орлеана, мистер Пендергаст? Я не ошибся?

– Не ошиблись. Хотя я вам этого не говорил.

Брисбейн уселся, откинулся на спинку кресла и произнес:

– Да, конечно. Новый Орлеан. Я должен был сразу догадаться об этом по вашей манере речи. Вам пришлось уехать далеко от дома, мистер Пендергаст.

Пендергаст отвесил легкий поклон и, открыв дверь, пропустил Нору первой. Девушка была вне себя от злости. Оказавшись в коридоре, она сказала:

– Вы использовали меня вслепую. Ведь я совершенно не представляла, с какой целью мы отправляемся к Брисбейну. Все это мне крайне не нравится.

– Методы моей работы нельзя назвать ортодоксальными, – сказал Пендергаст, обращая на нее взгляд своих светлых глаз. – Но они имеют свои преимущества.

– Какие же именно, если не секрет?

– Мои методы весьма действенны.

– Да. Но как быть с моей карьерой?

– Хотите выслушать предсказание? – улыбнулся Пендергаст.

– Почему бы и нет, если оно того стоит?

– Когда наше расследование закончится, вас повысят в должности.

– Точно, – фыркнула Нора. – Особенно если учесть, что вы все время шантажировали и унижали моего босса.

– Боюсь, что я плохо выношу мелких бюрократов. Вредная привычка, от которой никак не могу избавиться. Тем не менее, доктор Келли, вы скоро поймете, что шантаж и унижение, если ими правильно пользоваться, могут приносить прекрасные результаты.

Часть вторая Люди науки

1

Бесконечно большой Центральный архив музея располагался глубоко в подвале. Лишь прошагав по извилистым коридорам и сменив несколько лифтов, можно было добраться до него. Нора не только никогда не бывала в архиве, но и не знала никого, кто его когда-либо посещал. Спускаясь глубже и глубже в чрево музея, она все сильнее опасалась, что заблудилась, пропустив какой-то поворот.

До того как согласиться на работу в музее, Нора приняла участие в одной из экскурсий по его бесконечным галереям и узнала множество фактов. Это был самый большой в мире музей естественной истории. Два десятка сооруженных в девятнадцатом веке и соединенных переходами зданий являли собой лабиринт из трех тысяч комнат. Общая длина коридоров и разного рода переходов составляла примерно две сотни миль. Но знание статистики не спасало от приступов клаустрофобии, которые порождал вид бесконечных пустынных коридоров. «В этом месте, – подумала Нора, – даже у самого Минотавра поехала бы крыша».

Она остановилась, посмотрела на план и вздохнула. Перед ней тянулся длинный и совершенно прямой коридор с кирпичными стенами. Освещали его электрические лампы, защищенные металлической сеткой. От этого коридора под прямым углом уходил другой, столь же длинный и прямой. Пахло пылью. Срочно требовалось найти какую-то веху – точку, которая позволила бы определить ее местонахождение. Нора огляделась.

На находящейся поблизости от нее металлической двери висел замок, а на панели имелась надпись: «Гигантозавры». На двери, расположенной чуть дальше, было написано: «Каликотерии и тапироиды». Нора снова обратилась к подробному плану и нашла, хотя и не сразу, место, в котором находилась. Оказывается, она не заблудилась. Вход в архив был чуть впереди, за очередным углом. Нора зашагала по коридору, слушая перестук своих каблучков по бетонному полу.

Девушка остановилась перед массивными двустворчатыми дверями. На дубовой, несущей на себе следы времени дверной панели значилось: «Центральный архив». Нора постучала, прислушиваясь к негромкому стуку в помещении за дверью. Послышался шорох бумаги, звук от удара брошенной на стол книги и громкое отхаркивание, а через пару секунд она услышала чей-то довольно писклявый голос:

– Минуточку...

Затем до нее донеслось неторопливое шарканье, за которым последовал звук множества открываемых замков и запоров. Дверь открылась, и перед Норой оказался маленький, но довольно тучный старичок. У старца был крючковатый красный нос, а на плечи ниспадали космы седых волос, полукружием обрамлявших сверкающий купол черепа. Как только старик поднял глаза, на его покрытом склеротическими прожилками меланхоличном лице появилась приветственная улыбка.

– Входите, входите, – сказал он. – И пусть вас не пугают эти многочисленные запоры. Я хоть и старый человек, но не кусаюсь. *Fortunate senex!*³

Нора шагнула через порог. Все вокруг нее было покрыто пылью. Слой пыли лежал даже на изрядно потертых лацканах пиджака старикана. На допотопном письменном столе

³ Счастливая старость! (лат.)

стояла лампа с зеленым абажуром, бросая пятно света на заполонившие стол бумаги. На краю стола располагалась старинная пишущая машинка марки «Ройял», которая, пожалуй, оставалась единственным свободным от пыли предметом. В глубине комнаты виднелись загруженные книгами и коробками полки из кованого железа. Эти бесконечно длинные полки растворялись в темноте, словно в мрачных глубинах океана. Сумрак не позволял Норе определить подлинные размеры помещения.

– Вы, наверное, Рейнхарт Пак? – спросила она.

Старик закивал настолько энергично, что его щеки и галстук-бабочка заколебались в унисон.

– К вашим услугам, – произнес он и низко поклонился.

Норе даже показалось, что старец вознамерился приложиться к ее руке. Но этого не случилось. Старик выпрямился и начал хрипло откашливаться.

– Мне нужна информация о... о кабинетах диковин, – протянула Нора, не будучи уверенной в том, что правильно назвала интересующие ее объекты.

Старик, уже приступивший к процессу запираания замков, поднял голову, а его слезящиеся глаза запыхали энтузиазмом.

– Ах вот как! В таком случае вы не ошиблись и пришли куда надо! Музей поглотил почти все кабинеты диковин старого Нью-Йорка. Мы получили их коллекции и документы. Итак, с чего начнем?

– В свое время в Нижнем Манхэттене имелся Кабинет диковин Шоттама.

– Шоттам... – наморщил лоб старец. – Ах да! Этот парень Шоттам пользуется в последнее время большой популярностью. Но начнем по порядку. Распишитесь в журнале посещений, и мы двинемся в путь.

Он знаком пригласил ее проследовать к письменному столу и извлек из него на свет переплетенный в кожу грессбух. Потертая кожа переплета была такой древней на вид, что у Норы возникло желание потребовать гусиное перо. Однако ей пришлось ограничиться простой шариковой ручкой, при помощи которой она написала на линованной странице свое имя и название отдела.

– К чему все эти замки и щеколды? – спросила она, возвращая ручку. – Мне казалось, что все наиболее ценные предметы – например, золото, алмазы – содержатся в специально охраняемой зоне.

– Все это – затеи наших новых начальников. Устроили эту ерунду после неприятностей, случившихся в музее несколько лет назад. Вообще-то, дел у нас здесь не много. У нас в основном бывают исследователи да соискатели докторской степени. Иногда, правда, нас удостаивают своим посещением и богатые спонсоры, почему-то интересующиеся историей науки.

Старик вернул журнал регистрации в стол и направился к батарее старинных электрических выключателей из слоновой кости. Их рукоятки были настолько большими, что походили на вешалки для одежды. Старец щелкнул выключателями, и где-то в темной глубине архивов загорелись огоньки. Пак медленно пошел на свет, шаркая ногами по полу. Нора двинулась следом, вглядываясь на ходу в темнеющие по сторонам стеллажи. Ей казалось, что она бредет через темный лес на свет далеких окон гостеприимной хижины.

– Кабинеты диковин – один из моих самых любимых предметов, – говорил Пак, не оборачиваясь. – Как вам, несомненно, известно, первый кабинет редкостей был создан в тысяча восемьсот четвертом году Делакуртом. Это была отличная коллекция. Законсервированный в виски глаз кита, набор зубов гиппопотама, найденный в Нью-Джерси бивень мастодонта. И там было последнее яйцо птицы дронг. Яйцо было доставлено еще жизнеспособным, но после того, как его выставили на обозрение, оно оказалось разбитым, и... Ага! А вот мы и на месте. – Старик замер, постоял немного, а затем снял с полки коробку и открыл ее.

Однако вместо материалов из коллекции Шоттама Нора увидела три куска скорлупы огромного птичьего яйца.

– Яйцо не находится в главной коллекции музея только потому, что не имеется точных данных о его происхождении, – пояснил старец и, облизав губы, почтительно добавил: – Кабинет естественной истории Делакурта... Они брали за вход двадцать пять центов. Деньги по тем временам совсем немалые.

Вернув коробку на место, он подошел к соседней полке и спросил:

– Итак, что же вы хотели узнать о собрании Делакурта?

– Вообще-то, меня интересует Кабинет природных диковин Шоттама. Джона Кэнади Шоттама, – сказала Нора, стараясь ничем не выдать своего нетерпения.

Торопить мистера Пака было делом бесперспективным.

– Да-да, Шоттама, – сказал старец, продолжая копаться в ряду коробок, папок и книг.

– Как музей получил все эти коллекции? – спросила Нора.

– Когда музей открыл бесплатный доступ к своим собраниям, большинство кабинетов разорилось. Значительная часть их экспонатов, да будет вам известно, была поддельной.

– Поддельной?

– Именно, – напыщенно кивнул мистер Пак. – Телята с двумя головами, одна из которых была, как вы понимаете, пришта. Кости кита, выкрашенные в коричневый цвет и выдаваемые за останки динозавров. У нас здесь имеются образцы.

Он двинулся к следующей полке, а Нора стала размышлять о том, как направить этот поток информации в нужное русло.

– В то время кабинеты были повальным увлечением. Даже Барнум начал свою карьеру, прикупив кабинет, известный под названием Американский музей Скаддера. Барнум первым добавил в коллекцию живые экспонаты. А это, юная леди, положило начало цирку.

– Живые экспонаты?

– Первым экспонатом стала Джойс Хет – усохшая старая негритянка. Барнум утверждал, что даме сто шестьдесят один год и что она когда-то была нянькой Джорджа Вашингтона. Наш Тинбери Макфадден уличил Барнума во лжи.

– Тинбери Макфадден? – переспросила начинавшая впадать в панику Нора.

Ей стало казаться, что она отсюда никогда не выберется.

– Тинбери Макфадден. Хранитель музея в семидесятых и восьмидесятых годах позапрошлого века. Страшно увлекался кабинетами диковин. Станный парень. Однажды взял и исчез.

– Меня интересует Кабинет Шоттама, – сказала Нора. – Джона Кэнади Шоттама.

– Мы туда и направляемся, юная леди, – сказал Пак, начиная проявлять некоторые признаки раздражения. – От него, надо сказать, мало что осталось, поскольку он сторел в тысяча восемьсот восемьдесят первом году.

– Значительная часть предметов была собрана человеком по имени Мэрисас. Александр Мэрисас, – сказала Нора в надежде удержать старика в рамках заданной темы.

– Вот кто действительно был странным парнем! – обрадовался Пак. – Из богатого нью-йоркского семейства. Умер на Мадагаскаре. Насколько мне помнится, туземный вождь сделал из его кожи зонт, чтобы защитить своего младенца-внука от солнца...

Они шли в лабиринте полок, прогибавшихся под тяжестью папок с бумагами, картонных коробок и множества странных предметов. Пак пощелкал выключателями, и перед ними вспыхнули очередные лампы, образуя островки света в окружающем их океане тьмы. Довольно скоро они вышли на свободное от стеллажей пространство, где на дубовых платформах стояли крупные экспонаты. Там были покрытый шерстью, слегка усохший, но все еще огромный мамонт, белый слон и безголовый жираф. Пак снова остановился, и сердце Норы опять куда-то ухнуло.

– Кабинеты в старину шли на все, чтобы привлечь публику. Взгляните на этого детеныша мамонта. Его нашли в вечной мерзлоте на Аляске.

Старикан запустил руку под брюхо великана и на что-то нажал. Послышался негромкий щелчок, и в животе открылась крышка люка.

– Это входило в представление, – продолжал Пак. – На стенде рядом с экспонатом было написано, что мамонт был заморожен сто тысяч лет тому назад и что ученый на глазах почтенной публики попытается вернуть его к жизни. Еще до начала шоу в брюхо мамонта залезал человек небольшого роста. Когда другой парень, изображавший ученого, после короткой лекции начинал разогревать тушу с помощью жаровни, сидящий в брюхе малыш принимался шевелить хоботом и издавать странные звуки. Зал после этого, как вы понимаете, очень быстро освобождался. Люди в то время были гораздо наивнее и чище, чем теперь, – фыркнул Пак и аккуратно закрыл крышку люка.

– Да-да, – сказала Нора. – Все это, мистер Пак, чрезвычайно интересно, и я высоко ценю вашу экскурсию. Но у меня, к сожалению, очень мало времени, и мне очень хотелось бы поскорее увидеть материалы Шоттама.

– Мы уже на месте, – заявил Пак, подкатил к стеллажу стремянку, поднялся по ней в темноту и тут же спустился с небольшой коробкой в руках. – Ах, какое счастье! Получите своего мистера Шоттама. Боюсь, что это был не самый интересный кабинет. И поскольку он сгорел, от него мало что осталось... Всего лишь эти бумаги. Ну и беспорядок! – возмутился Пак, заглянув в коробку. – Не понимаю, если учитывать... Ах да! Когда вы покончите с этим, я покажу вам материалы Делакурта. Гораздо более полные, чем эти.

– Боюсь, что у меня на это нет времени. Во всяком случае, сегодня.

Пак печально вздохнул, а Нора посмотрела на старика, непроизвольно испытывая к нему чувство жалости.

– А это письмо от Тинбери Макфаддена, – продолжал говорить старик, извлекая из коробки выцветший листок. – Макфадден помогал вашему Шоттаму классифицировать млекопитающих и птиц. Он консультировал многих держателей кабинетов. Сам задавал себе работу. – И, порывшись в коробке, Пак добавил: – Макфадден и Шоттам были хорошими друзьями.

– Могу я познакомиться с содержимым коробки? – спросила Нора после некоторого раздумья.

– Знакомьтесь, но только в исследовательской комнате. Из архива ничего нельзя выносить.

– Понимаю... – протянула Нора и добавила: – Значит, Макфадден и Шоттам были добрыми друзьями... Скажите, а материалы Макфаддена тоже хранятся у вас?

– И вы еще спрашиваете, здесь ли они? Великий боже! Да у нас здесь горы его документов. И предметов из его коллекции! У него был превосходный кабинет, но публику туда не допускали. Оставил все музею, но, поскольку предметы не имели атрибуции, их поместили в архив. Как свидетельство истории. Там, наверху, утверждают, – презрительно фыркнул Пак, – что научной ценности его собрание не имеет и для экспозиции не годится.

– Могу я взглянуть на материалы Макфаддена?

– Конечно! – радостно воскликнул Пак и, если так можно выразиться, сорвался с места. – Они здесь рядом. За углом.

Старый архивист и Нора остановились у двух стеллажей. Они были заполнены коробками и папками. К одной из коробок был прикреплен листок бумаги. Выцветшая надпись говорила, что в коробке содержатся предметы, переданные мистером Дж. К. Шоттамом мистеру Т. Ф. Макфаддену в качестве вознаграждения за оказанные последние услуги. Пояснительную надпись сопровождал перечень переданных предметов. Нижняя полка была уставлена разнообразными любопытными предметами. Там находились завернутые в воше-

ную бумагу чучела животных, весьма подозрительного вида окаменелости, двухголовый, плавающий в здоровенной винной бутылке поросенок, свернувшаяся в узел высушенная гигантская анаконда и чучело цыпленка с шестью ногами и четырьмя крыльями. Особое внимание Норы привлек странный на вид ларец, сделанный из ноги слона.

Пак трубно высморкался, вытер заслезившиеся глаза и сказал:

– Бедняга Тинбери в гробу перевернулся бы, если бы узнал, что его бесценная коллекция закончит свое существование здесь. Он-то считал, что она имеет огромную научную ценность. Конечно, то было время, когда многие сотрудники музея были дилетантами без достаточной научной базы.

– Получается, что Шоттам передавал Макфаддену предметы из своей коллекции в качестве оплаты за работу? – решила уточнить Нора, показывая на пояснительную надпись.

– Весьма распространенная в то время практика.

– Следовательно, некоторые из этих предметов первоначально находились в Кабинете Шоттама?

– Вне всякого сомнения.

– Не могла бы я познакомиться и с ними?

– Я перенесу все это добро в исследовательскую комнату и помешу на столы, – не скрывая восторга, ответил Пак. – Как только все будет готово, я вас извещу.

– Сколько времени на это уйдет?

– Один день. – От удовольствия старик даже покраснел. Он был счастлив, что смог оказаться полезным.

– Может быть, вам нужна помощь?

– Да, конечно. Мой помощник Оскар будет рад помочь.

– Оскар? – переспросила Нора, оглядываясь по сторонам.

– Оскар Гиббс. Вообще-то, он работает в хранилище скелетов. У нас здесь не так много посетителей. Когда требуется помощь, я его вызываю.

– Огромное вам спасибо, мистер Пак. Вы очень добры.

– Пустяки. Встреча с вами, милая девочка, доставила мне огромное удовольствие.

– Я приду с коллегой.

По лицу мистера Пака пробежало легкое облачко.

– С коллегой? У нас введены новые правила безопасности и все такое... – Он замолчал, явно испытывая смущение.

– Правила?

– В архивы допускаются только сотрудники музея. Раньше они были открыты для всех, а теперь ими могут пользоваться только сотрудники. И члены попечительского совета, естественно.

– Специальный агент Пендергаст имеет отношение к музею.

– Агент Пендергаст? Звучит знакомо... Пендергаст. Да, я его помню. Джентльмен с Юга. О боже... – На лице старика промелькнуло выражение ужаса. – Что ж, как вам будет угодно. Я жду вас завтра в девять утра.

2

Патрик Мерфи О'Шонесси сидел в кабинете капитана и ждал, когда начальник отлипнет от телефонной трубки. Он томился в ожидании добрых пять минут, но за все это время Кастер даже не взглянул в его сторону. Впрочем, Патрика это вполне устраивало. О'Шонесси без всякого интереса изучал стены кабинета, начиная с висевших на видном месте сверкающих металлических призов, полученных участком за успехи в стрельбе, и кончая картиной на самой дальней стене. На картине была изображена стоящая на краю болота крошечная хижина. В ночном небе сияла полная луна, а из окон строения на воду лились желтые полосы света. Сотрудники седьмого участка не переставали удивляться тому, что их капитан, при всей своей манерности и претензиях на высокую культуру, повесил на стене кабинета столь унылое произведение. Кое-кто даже выступил с предложением скинуться и приобрести для офиса капитана нечто более жизнерадостное. О'Шонесси веселился вместе со всеми, но сейчас он вдруг прочувствовал настроение картины. В ней присутствовало что-то живое и очень трогательное.

Стук возвращенной на место телефонной трубки вернул его к действительности. Он поднял глаза и увидел, что капитан нажимает кнопку интеркома.

– Сержант Нойес, зайдите ко мне.

О'Шонесси отвел взгляд в сторону. Приглашение сержанта не сулило ему ничего хорошего. Нойес совсем недавно пришел в участок из службы собственной безопасности, где прославился своим умением лизать задницу начальству. Кастер явно готовил какую-то гадость.

Нойес возник в кабинете практически мгновенно. Создавалось впечатление, что он стоял под дверью. Скорее всего, так оно и было. Сержант, полностью проигнорировав О'Шонесси, вежливо кивнул капитану и уселся на ближайшее к столу кресло, не прекращая при этом жевать резинку. Сделано это было так аккуратно, что красная кожа кресла почти не промялась. К морде сержанта была, как всегда, приклеена подобострастная улыбка.

Лишь после этого Кастер счел возможным обратить свое внимание на О'Шонесси.

– Скажи мне, Пэдди, – начал он своим писклявым голосом, – как поживает последний в роду коп ирландского происхождения?

О'Шонесси, выдержав паузу, достаточно длинную для того, чтобы капитан мог почувствовать в его словах вызов, произнес:

– Меня зовут Патрик, сэр.

– Патрик, Патрик. Но мне казалось, что все называют тебя Пэдди, – продолжил Кастер, утратив значительную часть напускной сердечности.

– И кроме того, сэр, в полиции Нью-Йорка все еще очень много ирландцев.

– Это точно. Но скажи, сколько среди них тех, кого величают Патрик Мерфи О'Шонесси? Это же типично ирландское имя. Такое же, как Хаим Мойше Финкельштейн для евреев или Винни Скарпетта Готти делла Гамбино для итальянцев. Этническое, можно сказать. Весьма этническое. Но пойми меня правильно, я лично ничего против этнических меньшинств не имею. Все народы хороши.

– Даже очень, – подхватил Нойес.

– Более того, я постоянно подчеркиваю необходимость национального разнообразия в личном составе. Разве не так?

– Так точно, сэр, – ответил О'Шонесси.

– Как бы то ни было, Патрик, но у нас возникла небольшая проблема. Несколько дней назад на строительной площадке нашли тридцать шесть скелетов, а строительная площадка,

как это ни печально, расположена на территории нашего участка. Руководжу расследованием лично я, а строительство ведет фирма «Моген – Фэрхейвен». Ты слышал о такой?

– Еще бы! – ответил О’Шонесси, со значением глядя на гигантский золотой колпачок вечного пера, торчащий из нагрудного кармана Кастера.

На прошлое Рождество мистер Фэрхейвен осчастливил этими дорогими ручками начальников всех полицейских участков Нью-Йорка.

– Крупное предприятие. Куча денег, масса друзей. Весьма достойные люди. И вот, Патрик, на их пути встают скелеты, которым больше сотни лет. Насколько мы понимаем, какой-то маньяк девятнадцатого века прикончил всех этих людей, а трупы укрывал в подвале. Ты улавливаешь?

О’Шонесси молча кивнул.

– Ты когда-нибудь имел дело с ФБР?

– Никак нет, сэр.

– ФБР имеет склонность видеть в полицейских дураков и делает все, чтобы держать нас в неведении. Это их радует.

– Да, они ведут именно такую игру, – вмешался Нойес, склонив голову.

Волосы на голове сержанта были пострижены коротко, на армейский манер, но он каким-то образом ухитрился набриолить их до блеска.

– Видишь, и сержант так считает, – сказал Кастер. – Надеюсь, ты понимаешь, Патрик, что мы имеем в виду?

– Так точно, сэр.

Он прекрасно понимал, что его собираются втравить в какое-то тухлое дело, связанное с ФБР.

– Вот и хорошо. По какой-то совершенно непонятной для нас причине вокруг стройплощадки шляется агент ФБР. О причинах своего интереса он нам не говорит. Он даже не здешний. Прибыл в Нью-Йорк откуда-то из Нового Орлеана. Но у него имеются связи. Я их сейчас проверяю. Ребята из местного отделения конторы любят его не больше, чем мы. Они о нем кое-что рассказали, и то, что я услышал, мне очень не понравилось. Где бы он ни появлялся, там сразу возникают неприятности. Ты меня слушаешь?

– Так точно, сэр.

– Парень сует свой нос повсюду. Желает видеть кости. Требуется ознакомить его с выводами патологоанатома. Одним словом, жаждет получить все на свете. Отказывается понять, что преступление давно принадлежит истории. Мистер Фэрхейвен начинает проявлять беспокойство и не желает, чтобы эта история раздувалась сверх меры. Он уже звонил мэру. Мэр, в свою очередь, связался с комиссаром Рокером. Комиссар обратился к командеру, а тот позвонил мне. Все это означает, что история со скелетами стала моей заботой.

«Теперь это дерьмо буду разгребать я», – подумал О’Шонесси, согласно кивая.

– Первоочередной заботой, – вставил Нойес.

О’Шонесси постарался придать своему лицу максимально равнодушное выражение.

– Итак, слушай план действий. Я намерен назначить тебя офицером связи между департаментом полиции города Нью-Йорка и специальным агентом ФБР, прибывшим в наш город из Нового Орлеана. Ты прилипнешь к нему, как муха к гов... хм... меду. Я хочу знать, что парень делает, куда ходит, но в первую очередь то, на что он нацеливается. Формально ты откомандирован ему в помощь. Но это только формально, так что можешь не надрываться. Парень уже успел достать множество людей. Вот, почитай сам, – закончил капитан, протягивая О’Шонесси бумагу.

– Вы хотите, чтобы я работал в форме? – спросил ирландец, принимая из рук шефа листок.

– В этом-то вся штука! Присосавшийся к нему, как пиявка, коп в форме нанесет существенный урон его дешевому снобизму. Ты усекаешь?

– Так точно, сэр.

Капитан откинулся на спинку кресла и, окинув О'Шонесси скептическим взглядом, спросил:

– Ты сможешь сделать это, Патрик?

– Без сомнения, – сказал полицейский и поднялся с кресла.

– Я спрашиваю об этом, поскольку обратил внимание на то, как ты с недавнего времени стал относиться к работе, – сказал Кастер, почесывая кончик носа. – Послушай дружеский совет. Побереги это настроение для агента Пендергаста. И никаких личных отношений. Это последнее, что тебе может потребоваться.

– Никаких отношений, сэр. Я, сэр, служу лишь для того, чтобы охранять покой общества. – Слово «служу» он произнес со своим наилучшим ирландским акцентом. – Желаю успешно провести остаток утра, капитан.

О'Шонесси направился к себе, но, находясь еще на пороге, услышал, как капитан сказал Нойесу:

– Высокомерная задница... Слишком много о себе думает.

3

– Прекрасный день для посещения музея, – сказал Пендергаст, поглядывая на сгущающиеся облака.

Патрик Мерфи О’Шонесси промолчал, так как не был уверен в том, шутит агент или нет. Коп, вперив взгляд в пустоту, стоял на ступенях, ведущих к дверям его полицейского участка на Элизабет-стрит. Шуткой ему казалась вся эта затея. Причем шуткой глупой. Агент ФБР в черном костюме больше всего смахивал на гробовщика и ничем не напоминал сотрудника правоохранительных органов. А его акцент южанина уже давно стал затасканным клише в третьеразрядных фильмах. «Интересно, как эта светловолосая и белоглазая задница вообще ухитрилась проскочить через академию ФБР в Квантико?» – удивлялся ирландец.

– Музей «Метрополитен», сержант, – грандиозное культурное явление. Это один из величайших художественных музеев мира. Но вам это, безусловно, уже известно. Не пора ли в путь?

О’Шонесси пожал плечами. Музеи или не музеи, но он был обязан оставаться с этим парнем. До чего же дерьмовое задание!

Когда они спустились по ступеням, к ним тут же подкатил длинный серебристый автомобиль, стоявший до этого с включенным двигателем на углу улицы. О’Шонесси не мог поверить своим глазам. «Роллс-ройс»!

Пендергаст предупредительно распахнул для него дверцу.

– Конфискован у наркодельцов? – спросил О’Шонесси.

– Нет. Личная машина.

Все сходится. Новый Орлеан. Они там все такие. Все на крючке у мафии. Теперь ирландец понял, что представляет собой этот парень. Прибыл в Нью-Йорк с заморочками, связанными с наркотиками. Кастер решил встрять в дело и из всех подчиненных посадил на хвост этому типу его, О’Шонесси. С каждой минутой ситуация становилась все более хреновой.

– После вас, – сказал Пендергаст, удерживая дверцу.

О’Шонесси скользнул в автомобиль и мгновенно утонул в белой и нежной, словно сливки, коже. Пендергаст уселся рядом.

– Музей Метрополитен, – бросил он шоферу.

Когда автомобиль двинулся, О’Шонесси увидел, что на ступенях стоит Кастер и пялится на «роллс». У ирландца вдруг возникло сильное искушение сделать капитану ручкой, и лишь ценой больших усилий он сумел сдержаться.

О’Шонесси внимательно посмотрел на Пендергаста и произнес:

– Желаю успеха, мистер специальный агент ФБР.

Он отвернулся к окну. Попутчик сидел молча.

– Моя фамилия Пендергаст, – наконец представился агент.

– А мне это без разницы. – О’Шонесси не отрывал взгляда от окна. Выдержав паузу продолжительностью не менее минуты, полицейский спросил: – Зачем нам музей? Любопытаться мертвыми мумиями?

– Мне ни разу не доводилось встречать живой мумии, сержант. Но в любом случае мы направляемся не в отдел Древнего Египта.

«Умник хренов!» – подумал сержант. Интересно, сколько раз ему придется выполнять подобные задания? Из-за единственной, совершенной пять лет назад ошибки он навсегда остался для всех мистером Никчемным. Каждый раз, когда появлялось какое-нибудь совершенно абсурдное дело, он слышал: «У нас возникли кое-какие проблемы, О’Шонесси, ты как раз тот человек, который сможет их решить». Обычно это была какая-нибудь дешевка.

Но парень в «роллс-ройсе», похоже, рыба крупная. И дело, в которое его втравили, было, судя по всему, не совсем законным. О'Шонесси вспомнил о своем давно покинувшем этот мир отце, ощутив при этом легкое чувство стыда. Пять поколений О'Шонесси честно служили в полиции, а теперь все пошло коту под хвост. Ирландец сомневался, что сможет протянуть еще одиннадцать лет. Это позволило бы ему отправиться в раннюю отставку с пенсией, доплатами и привилегиями.

– Что за игру вы затеяли? – спросил О'Шонесси.

Хватит. Он уже давно не сосунок и впредь будет действовать с открытыми глазами. Нельзя допустить, чтобы на него опять полилось дерьмо, как только он поднимет глаза на начальство.

– Сержант...

– Да?

– Никаких игр я не веду.

– Еще бы! Конечно не ведете, – фыркнул О'Шонесси, решив, что подобную вольность он может себе позволить. – Игр вообще никто никогда не ведет, – добавил сержант и почувствовал на себе внимательный взгляд агента ФБР.

Сам же он продолжал упорно смотреть в сторону.

– Боюсь, сержант, что у вас сложились несколько ложные представления, – пропел агент своим южным акцентом. – Но мы эту ошибку без труда исправим. Я прекрасно понимаю, почему вы пришли к подобному умозаключению. Пять лет назад вы оказались на пленке, якобы зафиксировавшей факт получения вами двухсот долларов от проститутки. Вы приняли эти деньги в обмен на ее свободу. Насколько я помню, в ваших кругах подобные действия называются «вымогательство». Я не ошибся?

О'Шонесси вдруг почувствовал слабость во всем теле, на смену которой тут же пришел гнев.

Сержант ничего не ответил. Да и что здесь можно сказать? Было бы гораздо лучше, если бы они тогда сразу уволили его из полиции.

– Пленку направили в службу собственной безопасности, и сотрудники службы нанесли вам визит. Но доклады о том, что произошло, существенно разнились, и доказать вашу прямую вину они не смогли. Однако ущерб так или иначе был нанесен, и ваша карьера с тех пор приобрела статический характер.

О'Шонесси следил, как за окном машины убегают назад дома Нью-Йорка. «Статический характер». Это означает, что он с тех пор вообще не продвинулся по службе.

– И с той поры вам доверяли только весьма сомнительные дела. Мальчик на побегушках в серой зоне. Не сомневаюсь, что именно так вы смотрите и на текущее дело.

О'Шонесси, не отрывая взгляда от окна, произнес нарочито усталым тоном:

– Я не знаю, какие игры вы ведете, Пендергаст. Но слушать ваши рассуждения у меня нет ни малейшего желания.

– Я видел запись.

– Значит, вам повезло.

– Между прочим, я слышал, что проститутка умоляла вас ее отпустить и при этом утверждала, что сутенер ее изобьет, если вы этого не сделаете. Затем, как мне сказали, дама настаивала на том, чтобы вы взяли двести долларов и что, если вы этого не сделаете, сутенер решит, что она сдала его полиции. Если вы возьмете деньги, говорила она, сутенер подумает, что ей удалось откупиться. Я не ошибся? Значит, вы взяли эти доллары?

О'Шонесси, наверное, тысячу раз прокручивал в уме эту сцену. Какая теперь разница? Он не должен был брать бабки. Более того, приняв две сотни, он не пожертвовал их на благотворительные цели. Сутенеры ежедневно колотят проститутку, и ему следовало оставить ее плыть по течению.

– С тех пор вы приобрели несвойственный вам ранее цинизм. Вы устали. Вы решили, что сама идея «защиты правопорядка и служения обществу» – не более чем фарс. Особенно на улицах этого города, где невозможно отличить правых от виноватых, где никто не заслуживает защиты и определенно недостоин того, чтобы ему служили.

– Вы, надеюсь, закончили анализ моей личности? – после продолжительного молчания спросил О’Шонесси.

– На данный момент закончил. Хочу добавить лишь одно: вы совершенно правы, вы снова получили весьма сомнительное задание. Но совсем не в том смысле, как вам это представляется.

Последовавший за этим период молчания растянулся на несколько минут.

«Роллс-ройс» остановился перед светофором, и О’Шонесси воспользовался этим, чтобы исподтишка изучить Пендергаста. Но агент, словно почувствовав, что за ним наблюдают, мгновенно поймал его взгляд. О’Шонесси чуть не подпрыгнул от изумления. Ведь всего лишь за миг до этого парень смотрел совсем в другую сторону.

– Да, кстати, вам удалось побывать в прошлом году на выставке «История одежды»? – спросил Пендергаст.

Это было сказано непринужденным и весьма располагающим тоном.

– Где?

– Из этого я заключаю, что вы пропустили эту великолепную выставку. «Метрополитен» имеет прекрасную коллекцию одежды, начиная с образцов раннего Средневековья. Большая часть костюмов находится в запасниках. Но в прошлом году они организовали выставку, показывающую, какую эволюцию претерпела одежда за последние шесть веков. Потрясающая выставка! Вы знаете, что все дамы в Версале при дворе Людовика Четырнадцатого должны были иметь талию не более тринадцати дюймов? Меньший объем, естественно, допускался. А известно ли вам, что платья этих изящных дам весили тридцать – сорок фунтов?

О’Шонесси обнаружил, что у него нет ответа на эти вопросы. Станный и неожиданный поворот в теме беседы привел ирландца в состояние полного замешательства.

– Я также с интересом обнаружил, что в пятнадцатом веке гюльфики у мужчин...

Рассказ об этом открытии безжалостно прервал визг тормозов. Водитель «роллс-ройса» с трудом избежал столкновения с такси, пытавшимся пересечь три полосы движения.

– Ох уж мне эти варвары-янки! – беззлобно произнес Пендергаст. – Так о чем это я? Ах да. О гюльфиках...

«Роллс» влился в поток машин центральной части Манхэттена, и О’Шонесси с тоской подумал, что путешествие может затянуться.

Стены Большого зала музея были облицованы мрамором и украшены цветами, а сам зал был забит посетителями чуть ли не под завязку. О’Шонесси болтался без дела, пока странный агент ФБР вел беседу с одной из добровольных помощниц музея, восседавшей в бюро справок. Девица подняла трубку телефона, произнесла в нее несколько слов и с крайне недовольным видом бросила трубку на место. О’Шонесси не имел ни малейшего понятия, что затевает Пендергаст. За все время довольно продолжительного путешествия он так и не услышал ничего, что могло бы пролить свет на намерения агента.

Ирландец огляделся по сторонам. В Большом зале в основном толпились обитатели Верхнего Ист-Сайда. Разодетые с ног до головы дамочки стучали каблуками по каменным плитам пола. Облаченные в форму школьники вели себя чинно и тихо. По залу с задумчивым видом бродили престарелые ученые мужи в твидовых пиджаках. О’Шонесси то и дело ловил на себе неодобрительные взгляды, словно посещение «Метрополитена» в полицейском мун-

дире было проявлением дурного вкуса. Подобное отношение к защитникам порядка только усилило мизантропию ирландца. «Лицемеры», – подумал он.

Пендергаст сделал знак рукой, и, миновав строй билетеров, они оказались в самом музее. Затем, пройдя мимо шкафа с монетами Древнего Рима, они вступили в анфиладу залов, заполненных статуями, вазами, картинами и иными разнообразными предметами искусства. Пендергаст говорил не закрывая рта, но в переполненных посетителями залах стоял такой шум, что О'Шонесси с трудом улавливал лишь отдельные слова.

Толпа заметно поредела, когда они вошли в отдел искусств народов Азии. Миновав еще несколько залов, Пендергаст и О'Шонесси оказались перед дверями из серого металла. Пендергаст без стука распахнул их, и перед ними открылась небольшая приемная. За столом из светлого дерева сидела девица потрясающей красоты. При виде полицейской формы глаза красотки слегка округлились. О'Шонесси одарил девицу устрашающим взглядом.

– Чем могу вам помочь, джентльмены? – спросила она у Пендергаста, не сводя глаз с ирландца.

– Сержант О'Шонесси и специальный агент Пендергаст желают повидаться с доктором Уэллсли.

– У вас с ней назначена встреча?

– Увы, нет.

– Простите, специальный агент... – неуверенно начала девица.

– Пендергаст. Федеральное бюро расследований.

Лицо секретарши залилось краской.

– Минуточку, – сказала она и подняла трубку. Звонок телефона в кабинете был прекрасно слышен в приемной. – Доктор Уэллсли, – сказала девица, – здесь находятся специальный агент Пендергаст из ФБР и полицейский офицер. Они хотят с вами встретиться.

Голос доктора Уэллсли можно было услышать в приемной. Голос звучал сухо, сурово и настолько по-английски, что сержант О'Шонесси непроизвольно ошетинился.

– Если они не явились, чтобы меня арестовать, то пусть джентльмены договорятся с вами о времени встречи. Как и все остальные. А сейчас я занята.

После этого из кабинета донесся громкий стук брошенной на аппарат трубки.

Секретарша растерянно подняла глаза на посетителей и пролепетала:

– Доктор Уэллсли...

Но Пендергаст уже шагал к двери, за которой обретался источник голоса. «Вот это уже похоже на дело», – подумал сержант, когда Пендергаст, резко распахнув дверь, шагнул через порог. Похоже, что парень, несмотря на свою субтильность, терпеть не может, когда на него начинают давить. Он умеет переступать через всякое дерьмо.

И в этот момент ирландец услышал полный сарказма голос:

– А вот и тот легендарный полицейский, о котором говорят, что он «в нужный момент всегда у порога твоего дома». Жаль, что дверь не была заперта и я не могла увидеть, как вы взламываете ее с помощью вашей дубинки.

Пендергаст, как показалось О'Шонесси, пропустил эту тираду мимо ушей. Его южный говор наполнил кабинет необыкновенным теплом.

– Доктор Уэллсли, – сказал он, – я посмел побеспокоить вас только потому, что вы являетесь непревзойденным авторитетом в истории одежды. И надеюсь, что вы позволите мне высказать восхищение тем, как вы провели атрибуцию греческого пеплоса из Вергины. Лично меня ваше открытие просто потрясло.

– Эта лесть, мистер Пендергаст, по крайней мере открывает для вас путь в мой кабинет, – сказала доктор Уэллсли после некоторой паузы.

О'Шонесси вошел вслед за Пендергастом в небольшой, но очень приятный кабинет, говоривший о прекрасном вкусе его владелицы. Мебель, казалось, перекочевала сюда пря-

миком из залов музея, а стены были украшены превосходными акварелями восемнадцатого века с изображением оперных костюмов. Ирландцу показалось, что это были костюмы Фигаро, Розины и графа Альмавивы из «Севильского цирюльника». Оперное искусство было единственной тайной страстью и слабостью О'Шонесси.

Полицейский сел и скрестил ноги. Но от этой позы ему сразу пришлось отказаться, поскольку антикварное кресло оказалось чрезвычайно неудобным. Впрочем, вполне могло быть и так, что он сам занимал слишком много места. В этой утонченной обстановке его синий мундир казался страшно вульгарным. Он снова посмотрел на акварели, и в его голове зазвучали отрывки хорошо знакомых арий.

Доктор Уэллсли была весьма привлекательной дамой лет за сорок, а стиль ее одежды не мог не вызвать восхищения.

– Мне кажется, что мои картины пришлись вам по вкусу, – сказала она, окинув ирландца пронизательным взглядом.

– Очень, – подтвердил О'Шонесси. – Но если учесть, что им приходилось петь и танцевать в париках, бальных туфлях и узких камзолах, смахивающих на смиренные рубашки, то этим парням не позавидуешь.

– У вашего коллеги весьма своеобразное чувство юмора, – произнесла ученая дама, обращаясь к Пендергасту.

– Несомненно.

– Итак, чем могу быть вам полезной, джентльмены?

Агент ФБР извлек из недр своего костюма небольшой и не очень тугий сверток.

– Я хотел бы, чтобы вы исследовали это платье, – сказал он, разворачивая бумагу над столом специалистки по костюмам.

Увидев предмет предстоящего исследования, дама в ужасе отшатнулась. Состояние платья ввергло ее в шок.

О'Шонесси же, напротив, встрепенулся. Он уловил специфический запах платья. Весьма специфический. Ему даже показалось, что этот парень Пендергаст занимается действительно серьезным делом.

– О боже! Умоляю... – сказала дама, отступая от стола и поднося к носу ароматный платочек. – Я не веду полицейской работы. Немедленно уберите эту отвратительную вещь.

– Эта отвратительная вещь, доктор Уэллсли, принадлежала девятнадцатилетней девушке, убитой больше ста лет назад. Ее тело препарировали, расчленили и замуровали в стене угольного тоннеля в Нижнем Манхэттене. В платье оказалась записка, которую девушка написала собственной кровью. Там было ее имя, возраст и адрес. Больше ничего. Чернила подобного рода не располагают к многословию. Это была записка ребенка, который знал, что скоро умрет. Она понимала, что никто ей не поможет, ничто не спасет. Она хотела лишь, чтобы ее тело опознали: девочка страшилась быть забытой. В то время я не мог ей помочь и хочу сделать это сейчас. Именно поэтому я здесь.

Платье в руках Пендергаста едва заметно дрожало, и О'Шонесси вдруг понял, что это дрожат руки агента, не способного обуздать свои эмоции. Во всяком случае, так ирландцу показалось. И это было для него откровением. Оказывается, даже в ФБР есть сотрудники, не лишенные человеческих чувств.

После этого страстного выступления Пендергаста в комнате повисла мертвая тишина.

Не говоря ни слова, Уэллсли склонилась над платьем, потеревала материю пальцами, посмотрела изнанку и осторожно растянула ткань в разных направлениях. Затем вздохнула и опустилась в кресло.

– Это типичная одежда рабочего дома, – сказала она. – Стандартная вещь конца девятнадцатого века. На внешнюю сторону пошла дешевая шерстяная ткань – грубая, ворсистая, но достаточно теплая. Для подкладки взяли некрашеный хлопчатобумажный материал.

По характеру раскроя и манере шитья можно предположить, что девочка шила его своими руками, используя ткань, выданную ей в работном доме. Там, как правило, использовали ткань нескольких основных цветов – зеленого, голубого, серого и черного.

– Вы не определите, о каком работном доме может идти речь?

– Это невозможно. В Манхэттене в девятнадцатом веке их было достаточно много. Официально эти учреждения называли «промышленными домами». Туда принимали брошенных детей, сирот и приводили тех, кто убежал из дома. Суровые, порой жестокие заведения, управляемые так называемыми «глубоко верующими».

– Не могли бы вы датировать платье более точно?

– О точной дате не может быть и речи. Но оно похоже на жалкую имитацию стиля, популярного в начале восьмидесятых годов позапрошлого века, – так называемый стиль Мод, или, если точнее, стиль Магдалины Мейкин. Девушки работных домов, как правило, пытались копировать приглянувшиеся им модели из дешевых журналов и грошовых рекламных изданий. И это все, что я могу сказать, – закончила со вздохом доктор Уэллсли.

– Если вам что-то придет на ум, меня всегда можно найти через сержанта О’Шонесси. Доктор Уэллсли бросила взгляд на грудь полицейского и кивнула.

– Благодарю вас за то, что вы согласились потратить на нас свое время, – сказал агент ФБР, начиная скатывать платье. – Выставка, которую вы курировали в прошлом году, была просто великолепной.

Доктор Уэллсли снова ответила ему молчаливым кивком.

– В отличие от многих выставок в ней присутствовали и мысль, и юмор. В первую очередь это относится к разделу гильфиков. Он оказался таким забавным...

Завернутое в бумагу, платье лишилось своей способности внушать ужас. Воцарившаяся в кабинете мрачная атмосфера начала постепенно исчезать. Однако О’Шонесси, повторяя капитана Кастера, задавал себе вопрос, с какой стати агент ФБР заинтересовался преступлением, случившимся сто тридцать лет назад.

– Очень признательна вам за то, что вы заметили тонкости, которые прошли мимо внимания профессиональных критиков, – ответила дама. – Да, мне хотелось, чтобы публика немного позабавилась. Когда начинаешь разбираться в проблеме, то становится ясно, что человеческая одежда – за пределами требований комфорта и скромности – может быть до абсурда нелепой.

– Доктор Уэллсли, – сказал, поднимаясь с кресла, Пендергаст, – ваша экспертиза оказалась для нас чрезвычайно ценной.

– Зовите меня София, – ответила ученая дама, тоже вставая.

О’Шонесси заметил, что она смотрит на Пендергаста с новым интересом.

Пендергаст с улыбкой поклонился и повернулся, чтобы направиться к выходу. Дама обошла вокруг стола и проводила его через всю приемную. У дверей, ведущих в коридор, София Уэллсли остановилась и сказала, залившись краской:

– Надеюсь на новую встречу, мистер Пендергаст. И очень скорую. Возможно, даже за ужином.

Пендергаст промолчал.

– Что же, – после нескольких мгновений неловкого молчания сухо произнесла доктор Уэллсли, – вы знаете, где меня можно найти.

Они снова прошли через кишасящие людьми и забитые бесценными предметами искусства залы, не обращая внимания на кхмерские ритуальные одежды, инкрустированные драгоценными камнями погребальные раки, греческие скульптуры и аттические краснофигурные вазы. Спустившись по широким каменным ступеням, они оказались на Пятой авеню. О’Шонесси машинально насвистывал мелодию хора из «Аиды». Если Пендергаст и слышал его свист, то виду не подал.

Спустя минуту О'Шонесси скользнул в белый кожаный кокон «роллс-ройса». Когда дверца машины захлопнулась, к нему вернулась благословенная тишина. Сержант так и не смог до конца понять, что такое агент Пендергаст. Не исключено, что, несмотря на весь свой утонченный вкус, парень все же на уровне. Как бы то ни было, решил ирландец, но в обществе агента следует держать глаза открытыми, а ухо остро.

– Через парк к Музею естественной истории, пожалуйста, – сказал Пендергаст водителю. Как только машина отъехала от тротуара, агент ФБР повернулся к О'Шонесси и спросил: – Как получилось, что ирландец-полицейский стал любителем итальянской оперы?

О'Шонесси от неожиданности вздрогнул. Разве он упоминал об опере?

– Вы скверно умеете скрывать свои мысли, сержант. Я обратил внимание на то, что, рассматривая акварели костюмов «Севильского цирюльника», вы машинально выстукивали указательным пальцем правой руки ритмику арии Розины из первого акта.

– За кого вы себя принимаете? – спросил О'Шонесси. – Неужто за самого Шерлока Холмса?

– Не часто встречаются полицейские, которые любят оперу.

– А как вы? Вы-то оперу любите?

– Терпеть не могу. Опера была своего рода телевизором девятнадцатого века: такая же горластая, вульгарная и безвкусная, с сюжетами, рассчитанными на интеллект ребенка. Причем ребенка дебильного.

Впервые за все время знакомства с агентом О'Шонесси позволил себе слегка улыбнуться.

– Пендергаст, на это я могу сказать лишь то, что ваша интеллектуальная мощь не столь велика, как вам представляется. Боже, какой же вы филистер!

Его улыбка стала шире, когда на физиономии Пендергаста на миг появилась гримаса недовольства. Все-таки он сумел его достать!

4

Нора провела Пендергаста и унылого полицейского через двери Центрального архива. Она была страшно рада, что сумела добраться до цели, не сбившись с пути. Пендергаст чуть задержался на пороге, глубоко вздохнул и сказал:

– Дух истории. Упивайтесь им, сержант.

Он вытянул руки и пошевелил пальцами, словно разогревая их для встречи со старинными документами.

Рейнхарт Пак, тряся головой, двинулся навстречу Пендергасту. Старик вытер вспотевшую плешь носовым платком и сунул платок в карман плохо повинующимися пальцами. Появление специального агента доставляло ему радость, но в то же время и тревожило.

– Доктор Пендергаст, – сказал старик, – новая встреча с вами доставляет мне огромное удовольствие. Боюсь, что мы не встречались с вами со времени больших неприятностей тысяча девятьсот девяносто пятого года. Вам удалось тогда отправиться в путешествие на Тасманию?

– Да, конечно, – ответил Пендергаст. – Весьма тронут тем, что вы это помните. Мои познания в сфере австралийской флоры существенно возросли.

– А как продвигается исследовательская работа в вашем отделе?

– Превосходно, – ответил Пендергаст и добавил: – Позвольте мне представить вам сержанта О’Шонесси.

Сержант выступил из-за спины Пендергаста, и старик сразу приуныл.

– О боже... Ведь у нас есть правило. Только сотрудники музея...

– Я готов за него поручиться, – сказал Пендергаст не терпящим возражения тоном. – Офицер О’Шонесси – один из наиболее выдающихся представителей замечательной полиции нашего города.

– Понимаю, понимаю, – с несчастным видом пробормотал Пак и принялся запирать замки. – Но вам всем придется записаться в журнале. – Отвернувшись от дверей, он добавил: – А это мистер Гиббс.

Оскар Гиббс приветствовал их коротким кивком. Это был невысокий афроамериканец с гладко выбритой головой. При своем небольшом росте он был так плотно сбит, что казался вырезанным из деревянной колоды. Мистера Гиббса с ног до головы покрывала пыль, и пребывание в архиве, судя по его виду, удовольствия ему не доставляло.

– Мистер Гиббс оказался настолько добр, что перенес все интересующие вас предметы в исследовательскую комнату, – сказал Пак. – Как только мы завершим формальности, я вас туда провожу.

Они расписались в журнале и двинулись в темноту. Пак, как и в прошлый раз, пощелкал лишь некоторыми выключателями. После путешествия, показавшегося им бесконечным, они оказались у самой дальней стены архива. В стене находилась дверь с закрытым проводочной сеткой окошком. Громко звеня ключами, Пак деловито открыл замок и распахнул дверь, пропуская вперед Нору.

Девушка переступила через порог и, как только загорелся свет, замерла в изумлении.

Стены от мраморного пола до роскошного потолка в стиле рококо были покрыты дубовыми панелями. В центре комнаты господствовали массивные дубовые столы с ножками в форме мощных звериных лап с выпущенными когтями. Столы были окружены опять же дубовыми стульями, с сиденьями и спинками, обитыми красной кожей. Над каждым столом находились люстры из кованой меди с хрустальными подвесками. На двух столах были расставлены различные предметы, а на третьем разложены книги, документы, папки, стояли какие-то коробки. В дальней стене комнаты находился огромный, обрамленный мрамором

камин с очагом из красного кирпича. На всей обстановке и даже в самом духе помещения чувствовался налет времени.

– Невероятно! – прошептала Нора.

– Да, – согласился Пак. – Это одно из самых красивых помещений музея. В свое время историческим исследованиям придавалось большое значение. Времена изменились. О *tempora*, о *mores*!⁴ И так далее и тому подобное. – Он печально вздохнул и продолжал: – Прошу вас извлечь из карманов все пишущие инструменты и надеть на руки вот эти льняные перчатки. Кроме того, мне придется, доктор, изъять на время ваш атташе-кейс.

Старик с явным неудовольствием посмотрел на револьвер и наручники, свисающие с пояса О’Шонесси, но ничего не сказал.

Они отдали ручки и натянули белоснежные, без единого пятнышка, перчатки.

– А теперь я удаляюсь. Когда вы захотите уйти, позвоните мне по местному номеру четыре-два-четыре-ноль. Если вам потребуются фотокопии, заполните один из этих бланков.

Старик вышел и прикрыл за собой дверь. Через мгновение послышался звук запираемого замка.

– Неужели он нас закрыл? – изумился О’Шонесси.

– Стандартная процедура, – кивнул Пендергаст.

О’Шонесси отошел в глубину комнаты. «Какой странный человек, – подумала Нора. – Спокойный, непроницаемый и по-ирландски красивый. Пендергасту он, похоже, нравится. Что же до самого ирландца, то ему, судя по его виду, вообще никто не нравится».

Агент ФБР заложил руки за спину и медленно обошел первый стол, рассматривая поочередно все предметы. Прodelав то же самое у второго стола, он перешел к третьему, заваленному бумагами, папками и книгами.

– Пора взглянуть на перечень, о котором вы упоминали, – произнес он, обращаясь к Норе.

Девушка молча показала на листок со списком предметов, найденный ею за день до этого. Пендергаст взял бумагу и повторил обход столов. Глядя на чучело окапи, он сказал:

– Эта вещь поступила от Шоттама. И эта тоже. – Он показал на ларец из ноги слона. – Так же как три чехла для пениса и высушенная человеческая голова. Все это было передано Макфаддену в качестве оплаты за его услуги Шоттаму. – Он наклонился, внимательно посмотрел на сушеную голову и добавил: – Фальшивка. Не человек, а обезьяна. Доктор Келли, не могли бы вы заняться бумагами, пока я буду изучать экспонаты?

Нора заняла место за третьим столом. Там находилась небольшая коробка с перепиской Шоттама, еще один ящик больших размеров и пара папок – видимо, с бумагами Макфаддена. Первым делом она открыла коробку Шоттама. Как и сказал Пак, документы в ней пребывали в полнейшем беспорядке. Все находящиеся там письма имели примерно одно и то же содержание – вопросы, связанные с классификацией и идентификацией, дискуссии с другими учеными по различным, порой загадочным для нее, темам. Переписка проливала свет на любопытные сюжеты в развитии естественно-исторических взглядов конца девятнадцатого века, но в ней не было ничего, что могло бы помочь найти разгадку совершенного в то время ужасающего преступления. Нора читала короткие письма, и перед ней постепенно вставал образ Дж. К. Шоттама, и этот образ никак не соответствовал ее представлениям о серийном убийце. Он казался ей безобидным человеком, немного взбалмошным, чуть-чуть уzkолобым в своих взглядах. Может быть, даже вздорным, когда дело касалось научных проблем. Все его интересы вращались вокруг естественной истории. «Впрочем, ни в чем нельзя быть уверенной», – думала Нора, перекладывая чуть отдающие плесенью листки.

⁴ О времена, о нравы! (*лат.*)

Не обнаружив ничего интересного, девушка переключилась на большую коробку, в которой содержались корреспонденция и иные документы Тинбери Макфаддена. В основном это были написанные фантастически мелким почерком короткие заметки давно умершего хранителя. Темы самые разные, порой весьма странные. Там был лист с классификацией растений и животных и несколько, по большей части очень приличных, зарисовок цветов. На самом дне ящика оказался довольно толстый пакет с письмами различных ученых и коллекционеров. Письма были стянуты древней резинкой, которая рассыпалась от первого прикосновения. Нора быстро перебирала корреспонденцию до тех пор, пока не дошла до пакета с письмами Шоттама. Первое из них начиналось словами: «Мой достойный коллега», за которыми следовало:

С настоящим направляю Вам любопытную реликвию, которая, как утверждают, происходит с острова Кут в Индокитае. Это вырезанная из слоновой кости фигурка обезьяноподобного существа, находящегося в процессе совокупления с одной из индуистских богинь. Не могли бы Вы помочь мне в идентификации обезьяноподобного создания?

Ваш коллега Дж. К. Шоттам.

Нора взяла следующее письмо.

Дорогой коллега!

Во время нашей последней встречи в лицее профессор Бикмор продемонстрировал окаменелость, которая, по его словам, восходит к девонскому периоду. По утверждению профессора, окаменелость является собой один из видов древнего иглокожего, обнаруженного в доломитах, именуемых доломитами Монморанси. Как это ни печально, но профессор Бикмор ошибается. Сам Ла Флев отнес данный тип доломитов к пермскому периоду. В этой связи считаю необходимым поместить в следующем номере «Бюллетеня лицея» соответствующее пояснение.

Нора быстро просмотрела остальные письма. Там оказались послания, адресованные и другим людям. Это была небольшая группа ученых-единомышленников, в которую входил и Шоттам. Во всяком случае, все они хорошо знали друг друга. Вполне могло оказаться, что в этот кружок входил и убийца.

Нора решила составить список корреспондентов с учетом характера их деятельности. Не исключено, что это была пустая трата времени, поскольку убийца мог быть сборщиком мусора или угольщиком. Но, вспомнив, с какой почти хирургической точностью были препарированы и расчленены тела, она эту возможность отвергла. Кроме того, следы на костных останках были оставлены скальпелем. Из этого следовало, что убийца имел прямое отношение к науке.

Вынув блокнот, она принялась за составление списка.

Письма к Тинбери Макфаддену и от него

Корреспондент: Дж. К. Шоттам.

Предмет переписки: естественная история, антропология, лицей.

Род занятий: владелец Кабинета природных диловин (Нью-Йорк).

Даты: 1869–1881.

Корреспондент: проф. Алберт Бикмор.

Предмет переписки: лицей, музей.

Род занятий: основатель Нью-Йоркского музея естественной истории.

Даты: 1865–1878.

Корреспондент: д-р Эйза Стоун Джилкриз.
Предмет переписки: птицы.
Род занятий: орнитолог (Нью-Йорк).
Даты: 1875–1887.

Корреспондент: полк. сэр Генри К. Трокмортон, баронет, член
Королевского общества.
Предмет переписки: африканские млекопитающие (крупная дичь).
Род занятий: коллекционер, охотник (Лондон).
Даты: 1879–1891.

Корреспондент: проф. Енох Ленг.
Предмет переписки: классификация.
Род занятий: таксидермист, химик (Нью-Йорк).
Даты: 1872–1881.

Корреспондент: мисс Джиневра Ларю.
Предмет переписки: христианская миссия в Африканском Конго, в
Боррибула-Га.
Род занятий: филантроп (Нью-Йорк).
Даты: 1870–1872.

Корреспондент: Дюмон Бёрли.
Предмет переписки: окаменелости динозавров, лицей.
Род занятий: нефтяник, коллекционер (Колд-Спринг, Нью-Йорк).
Даты: 1875–1881.

Корреспондент: д-р Фердинанд Хант.
Предмет переписки: антропология, археология.
Род занятий: хирург, коллекционер (Остербей, Лонг-Айленд).
Даты: 1869–1879.

Корреспондент: проф. Хайрам Хьюлетт.
Предмет переписки: рептилии и амфибии.
Род занятий: герпетолог (Стормхэвен, Мэн).
Даты: 1871–1873.

Предпоследнее имя в списке заставило Нору задуматься. Хирург. Кто такой доктор Фердинанд Хант? В коробке оказалось несколько его писем, написанных размашистым почерком на плотной бумаге с удивительно красивым тиснением по верху листа. Нора принялась за чтение этих писем.

Мой дорогой Тинбери!

У туземцев одинга все еще широко практикуется варварский обычай так называемого «мужского участия». Во время путешествия в бассейне Вольты я имел возможность наблюдать процесс родов. Оказать помощь роженице мне, естественно, не позволили, но я прекрасно слышал вопли супруга, которые он издавал в тот момент, когда роженица в конвульсиях дергала за веревку, привязанную к мошонке мужчины. Позже мне как хирургу пришлось заняться полученными мужем повреждениями. Это были весьма серьезные разрывы...

Мой дорогой Тинбери!

Нефритовый фаллос ольмеков, который я Вам посылаю с этим письмом, был приобретен мною в Лавенте (Мексика) и предназначается для музея. Насколько мне известно, у Вас крайне мало предметов весьма любопытной культуры древних мексиканских индейцев...

Девушка прочитала остальные письма хирурга, которые оказались на удивление разнообразными. Доктор Хант описывал в них странные и довольно жуткие медицинские обычаи, свидетелем которых он был во время своих путешествий по Центральной Америке и Африке. Эти письма, судя по всему, сопровождали различные экспонаты, отправленные им в музей. Создавалось впечатление, что доктор испытывал нездоровый интерес к сексуальным обычаям туземцев. Это, по мнению Норы, делало его главным кандидатом в преступники.

Ощувив чье-то присутствие, она резко обернулась. За ее спиной стоял Пендергаст. Агент смотрел на записи с таким мрачным и печальным видом, что по спине девушки поползли мурашки.

– Почему вы всегда следите за мной? – устало спросила она.

– Что-нибудь интересное?

Вопрос был задан явно для проформы. Судя по мрачному виду агента, Нора поняла, что тот уже успел увидеть в ее списке нечто очень важное, нечто ужасное, но не хотел делиться с ней своим открытием.

– Ничего особенного. Вы слышали когда-нибудь о докторе Фердинанде Ханте?

Пендергаст без всякого интереса бросил взгляд на упомянутое Норой имя. Девушку поразило то, что у Пендергаста отсутствовал какой-либо запах. От него не пахло ни табаком, ни лосьоном, ни одеколоном. Абсолютно ничем.

– Хант, – сказал он наконец. – Известная на Восточном побережье семья. Одни из первых спонсоров музея. Я изучил все, кроме ларца из ноги слона. Не могли бы вы мне помочь?

Она прошла следом за ним к столу, на котором находились предметы из собрания Тинбери Макфаддена – весь запыленный ассортимент. Лицо Пендергаста снова обрело присущее ему непроницаемое выражение. Из темноты, не скрывая своего скептического отношения к происходящему, вынырнул сержант О’Шонесси. Нора недоумевала, какое отношение к Пендергасту имеет этот полицейский.

– Итак, это нижняя часть ноги слона, – произнес О’Шонесси. – И что же следует из этого неопровержимого факта?

– Это не просто нога, сержант, – ответил Пендергаст. – Перед нами ларец, или, если хотите, шкатулка, сделанная из ноги слона. Весьма популярная в позапрошлом веке вещь среди охотников на крупную дичь и коллекционеров. Прекрасный образец, хотя слегка и потертый. Открываем? – спросил он, обращаясь к Норе.

Нора открыла бронзовые застёжки и откинула крышку. Сероватая кожа казалась грубой и шероховатой даже под затянутыми в перчатки пальцами. По помещению начал растекаться неприятный запах. Шкатулка была пуста.

Нора посмотрела на Пендергаста. Если агент и был разочарован, то ничем этого не выдал.

Некоторое время вся небольшая группа пребывала в растерянности. Пендергаст склонился над открытой шкатулкой и несколько секунд изучал ее, оставаясь совершенно неподвижным. Двигались только его бледно-голубые глаза. Затем он запустил пальцы в шкатулку и принялся ощупывать стенки, нажимая то в одном, то в другом месте. Вдруг раздался щелчок, и откуда-то снизу, подняв клуб пыли, выскочил длинный ящичек. Нора от неожиданности даже отпрянула.

– Весьма разумно, – сказал Пендергаст, извлекая из ящичка слегка выцветший и немного помятый конверт.

Рассмотрев конверт со всех сторон, агент ФБР запустил затянутый в перчатку палец под клапан конверта, вскрыл его и достал несколько свернутых листков кремового цвета. Осторожно развернув листки, Пендергаст разгладил ладонью верхний из них и приступил к чтению.

5

Моему коллеге Тинбери Макфаддену

12 июля 1881 года

Уважаемый коллега!

Я пишу эти строки с искренней надеждой на то, что у Вас никогда не возникнет необходимости их прочитать, что я порву эти листки и брошу в ведерко для угля как продукт утомленного мозга и воспаленного воображения. Но в то же время в глубине души я чувствую, что мои самые худшие опасения соответствуют истине.

Все, что мне удалось обнаружить, вне всяких сомнений, указывает на этот факт. Я всегда стремился видеть в человеческих существах только хорошее. Ведь все мы, в конце концов, вылеплены из одинаковой глины, не так ли? Древние считали, что жизнь зародилась спонтанно в плодородном иле Нила, и кто я такой, чтобы ставить под вопрос подобный символизм? Эту, пусть даже и далекую от науки, веру? Но тем не менее, Макфадден, произошли такие ужасные события, которые не позволяют мне дать им невинное объяснение.

Вполне возможно, что те подробности, которые я привожу в этом послании, заставят Вас усомниться в состоянии моего разума. Поэтому, прежде чем продолжить, позвольте заверить, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Это послание должно послужить подтверждением как моей ужасающей теоремы, так и тех доказательств, которые я собрал для ее подтверждения.

Я уже делился с Вами своими постоянно возрастающими сомнениями относительно занятий Ленга. Вам, конечно, прекрасно известны причины, в силу которых я позволил ему занять комнаты на третьем этаже моего Кабинета. Выступления профессора Ленга в лицее продемонстрировали глубину его познаний в сфере науки и медицины. В области систематики и химии ему нет равных. Меня согревала мысль, что под крышей моего дома будут ставиться опыты, которые не только послужат делу просвещения, но и позволят нам всем заглянуть в будущее науки. Да и с практической точки зрения дополнительные финансовые поступления были для меня вовсе не лишними.

На первых порах моя вера в этого человека только укрепилась. Его деятельность в качестве хранителя моего Кабинета можно охарактеризовать только в превосходной степени. Несмотря на то что Ленг работал крайне нерегулярно, он был безупречно вежлив, хотя, на мой взгляд, излишне сдержан. Деньги в оплату за помещение профессор вносил регулярно и даже предлагал мне свои медицинские услуги, когда я стал жертвой гриппа в зимний период 73-го и 74-го годов.

Я затрудняюсь с точностью определить то время, когда во мне зародились первые искры подозрения. Как мне кажется, это было вызвано все большей степенью секретности, с которой Ленг вел свои дела. Хотя профессор первоначально обещал делиться со мной результатами своих экспериментов, он ни разу не пригласил меня на третий этаж. Первоначальный осмотр помещения во время подписания договора об аренде, как Вы понимаете, учитывать нельзя. Год шел за годом, он, как мне представлялось, все глубже и глубже погружался в свои исследования, а мне пришлось все больше и больше взваливать на себя заботы, связанные с Кабинетом диковин.

Я всегда считал, что Ленг весьма щепетильно относится к своим трудам.

Вы, без сомнения, помните весьма эксцентричное сообщение о некоторых комических чертах человеческого организма, сделанное им в лицее. Сообщение было принято довольно холодно, а некоторые ученые мужи оказались столь невоспитанными, что позволили себе хихикать как во время выступления, так и позже. Профессор Ленг больше никогда не возвращался к этой теме. С тех пор все его презентации в лицее имели строго научную ори-

ентацию. Поэтому вначале я объяснял его нежелание делиться плодами своей работы все той же присущей ему осторожностью. Однако по прошествии времени я начал понимать, что в своих действиях он руководствуется не профессиональной сдержанностью, а активным желанием скрыть характер своих научных занятий.

Как-то этой весной мне пришлось допоздна задержаться в Кабинете, чтобы привести в порядок накопившиеся документы и подготовить место для экспонирования моего последнего приобретения – ребенка с двумя мозгами. Если помните, мы с Вами уже имели возможность обсудить это весьма любопытное явление. Работа с экспонатом оказалась более увлекательной, чем скучная разборка документов, и я был немало удивлен, когда услышал колокольный звон, возвестивший о наступлении полуночи.

В тот момент, когда я стоял, прислушиваясь к замирающему звону колокола, моего слуха коснулся совсем иной звук. Звук раздавался над моей головой. Это было тяжелое шарканье. Создавалось впечатление, что наверху кто-то переносит большой груз. У меня нет разумного объяснения, Макфадден, но в этом звуке было нечто такое, что заставило меня содрогнуться от ужаса. Я напряг слух. Звук постепенно стихал и окончательно исчез где-то в дальней комнате.

Как Вы понимаете, в тот момент я ничего не мог предпринять. Утром, вспомнив об этом странном явлении, я обвинил во всем свои утомленные нервы. У меня не было никакого основания тревожить Ленга, если я не получу доказательств того, что шаги эти были вызваны причинами зловещего свойства. Последнее, следует признать, представлялось мне маловероятным. Я посчитал, что просто перенапрягся. Мне тогда удалось создать совершенно потрясающий фон для экспозиции трупики младенца с двумя мозгами, что в совокупности с поздним часом не могло не пробудить к жизни самые мрачные призраки, населяющие мое воображение. Одним словом, в конечном итоге я решил оставить странный шум на третьем этаже без всякого внимания.

Однако случилось так, что несколько недель спустя – а если быть точным, то на прошлой неделе, 5 июля, – произошло еще одно событие, к которому я хочу привлечь Ваше внимание со всей серьезностью. Обстоятельства, при которых это произошло, были примерно такими же, как и во время первого инцидента. Я готовил статью для журнала лицей и засиделся допоздна. Как Вам хорошо известно, составление письменных презентаций для научных учреждений, каким является лицей, дело для меня нелегкое, и я, чтобы хоть немного облегчить эту работу, обычно следую некоторым правилам. Старинный письменный стол из тикового дерева, прекрасная веленевая бумага (на которой, кстати, пишу и это послание) и чернила цвета фуксии, изготовленные в Париже мсье Дюпенем, делают сочинительство не столь обременительным для меня занятием. В тот вечер вдохновение посетило меня раньше, нежели обычно, и примерно в половине одиннадцатого, чтобы продолжить работу, у меня возникла необходимость заточить несколько перьев. Чтобы совершить это, мне пришлось на несколько мгновений отвернуться от стола. Когда я снова обратил взор на стол, то, к немалому своему изумлению, увидел, что страница, на которой я только что писал, покрыта чернильными кляксами. Пятен, надо сказать, было не много.

Я всегда чрезвычайно осторожен в обращении с пером, и происхождение пятен явилось для меня неразрешимой загадкой. Лишь после того, как я использовал промокательную бумагу, чтобы устранить кляксы, я осознал, что они по цвету отличаются от цвета моих чернил. Таинственные пятна были несколько светлее. А взглянув внимательнее на промокательную бумагу, я увидел, что они по консистенции гуще, чем мои французские чернила, и имеют при этом гораздо более зловещий вид.

Представьте весь мой ужас, дорогой коллега, который я испытал, когда на мое запястье упала свежая капля. Это случилось в тот момент, когда я отрывал промокательную бумагу от листа.

Я тут же обратил взгляд на потолок над моей головой. С какой сатанинской выходкой я столкнулся? На потолке между досок я увидел небольшое, но уже расплывающееся темно-красное пятно.

Через несколько мгновений я оказался на третьем этаже и принялся колотить кулаками в дверь Ленга. Я не могу с точностью передать последовательность промелькнувших в моем сознании мыслей. Однако доминировала среди них мысль о том, что доктор стал жертвой преступления. В последнее время здесь циркулировали слухи о том, что в округе подвизается злобный и безжалостный убийца. Но кто обращает внимание на сплетни низших слоев общества, особенно в свете того, что убийства в округе Пяти углов – явление, увы, заурядное?

Ленг из-за дверей откликнулся на мой стук и крики, и мне показалось, что он говорит слегка запыхавшись. Профессор пояснил, не открывая двери, что он во время проведения опыта сильно рассек руку. Мое предложение о помощи Ленг отверг, сказав, что уже самостоятельно наложил швы. Затем он выразил сожаление в связи с тем, что ему пришлось меня потревожить, но дверей так и не открыл. Мне ничего не оставалось, кроме как спуститься к себе. Я остался при этом в состоянии недоумения и раздираемый сомнениями.

Следующим утром на моем пороге появился Ленг. Он никогда раньше не посещал моей резиденции, и я был крайне удивлен его ранним визитом. Я сразу обратил внимание на то, что одна его рука перевязана. Профессор еще раз принес свои глубочайшие извинения за то беспокойство, которое доставил мне прошлой ночью. Я пригласил его зайти, но он отказался. Повторно извинившись, профессор удалился.

Я с беспокойным сердцем следил из окна за тем, как он вышел из дома и поднялся в омнибус. Я молю Бога о том, чтобы Вы оказали мне честь, поняв меня, почему посещение Ленга следом за столь подозрительными событиями произвело на меня впечатление, обратное тому, на которое профессор рассчитывал. Теперь я был убежден больше, чем когда-либо, что дела, которые он вершит по ночам, не выдержат проверки при дневном свете.

Боюсь, что в этот вечер я уже не в силах писать. Я спрячу это послание в шкатулке из ноги слона, которая через два дня будет отправлена в Ваш музей наряду с иными любопытными предметами. Надеюсь, что с Божьей помощью мне удастся завершить это послание завтра.

13 июля 1881 года

Теперь, чтобы закончить это повествование, я должен призвать на помощь всю свою волю.

После визита Ленга я почувствовал, что нахожусь в тисках ужасной внутренней борьбы. Свойственный мне научный идеализм вкупе с природной сдержанностью требовали, чтобы я принял объяснение Ленга за чистую монету. Но другой внутренний голос говорил, что я, как джентльмен и человек чести, должен лично убедиться в их истинности.

В конечном итоге я решил узнать характер тех экспериментов, которые проводит профессор. Если эксперименты окажутся вполне благопристойными, я рискую лишь тем, что меня обвинят в излишнем любопытстве.

Возможно, Вы решите, что я пал жертвой необоснованных опасений. В свое оправдание я могу сказать, что эти темно-красные капли оставили в моем сознании точно такие же пятна, которые возникли на моем запястье и на писчей бумаге. В том взгляде, который обратил на меня с порога Ленг, было нечто очень странное. Под этим взором я вдруг ощутил себя чужим в своем собственном доме. В глубине его безразличных глаз я вдруг увидел лед. Мне показалось, что он что-то хладнокровно взвешивает в уме, и кровь застыла в моих

жилах. Я не мог далее терпеть этого человека под крышей моего дома, не имея полного представления о его деятельности.

В силу какого-то каприза, который оставил меня в полном недоумении, Ленг с недавнего времени стал оказывать медицинские услуги некоторым промышленным домам нашей округи и вследствие этого обстоятельства не бывал дома всю вторую половину дня. В прошлый понедельник, 11 июля, я увидел из окна своего Кабинета, как он пересекает улицу, явно направляясь к Парк-роу, где и расположен рабочий дом.

Я понял, что это не случайность. Сама судьба предоставила мне шанс.

Испытывая некоторый трепет, я поднялся на третий этаж. Ленг заменил замок на двери, ведущей в его жилище, но у меня имелась отмычка, с помощью которой я вскрыл запоры. Дверь распахнулась, и я вступил в обиталище Ленга.

Обстановка передней комнаты напоминала в некотором роде обстановку гостиной. Но интерьер, не скрою, меня поразил. Стены были украшены безвкусными литографиями охотничьих сцен, а на столе валялось множество бульварных газет и других грошовых, но столь же отвратительных изданий. Это показалось мне весьма странным. Ленг всегда был для меня образцом утонченного и изысканного джентльмена, а вся обстановка его комнаты тем не менее отвечала вкусам некультурной молодежи. Я оказался в помещении, которое могло бы показаться очень привлекательным для девицы или молодого человека, не получивших в силу обстоятельств должного воспитания. А бездомному бродяге эта комната представилась бы подлинным раем. На всех предметах лежал слой пыли, и это говорило о том, что в последнее время сам Ленг редко навещал свою «гостиную».

Дверь, ведущая в другие помещения, скрывалась за тяжелыми парчовыми порттьерами. Я отодвинул занавес своей тростью, и, хотя, как мне казалось, был готов ко всему, моему взору открылась картина, которую я никак не ожидал узреть.

Все комнаты в глубине квартиры оказались практически пустыми, если не принимать во внимание пяти или шести расставленных в разных местах столов. Глубокие царапины на их поверхности были немymi свидетелями того, что на этих столах проводились эксперименты. Никаких других предметов мебели в помещении не было. Атмосфера этих комнат была насыщена столь густым запахом аммиака, что я едва не задохнулся. В одном из выдвижных ящичков стола я обнаружил несколько затупленных скальпелей. Все остальные ящички были пусты, если не считать небольшого количества пыли и пауков.

Проведя более внимательный осмотр, я нашел ту щель в досках пола, через которую несколько дней назад просочилась кровь. Судя по всему, это место тщательно промыли кислотой. Запах говорил о том, что для этой цели использовали царскую водку. Я осмотрел стены и заметил пятна. Некоторые совсем маленькие, а другие побольше. Стены в этих местах также подверглись чистке.

Должен признаться, что в тот момент я ощущал себя круглым дураком. Ничего из того, что я обнаружил, не могло вызвать тревоги даже у самого проникательного полисмена. Однако ощущение чего-то ужасного отказывалось меня покидать. Возможно, это ощущение порождали странная обстановка гостиной, запах химикатов, тщательно вычищенные стены и пол. Почему Ленг держит в чистоте скрытые от людских взоров помещения, позволяя парадной комнате накапливать пыль?

И в этот момент я вспомнил о подвале.

Несколько лет назад Ленг походя поинтересовался, не мог бы он использовать старый угольный тоннель для хранения излишнего лабораторного оборудования. После того как в доме несколько лет назад установили новый котел, тоннель вышел из употребления и стал мне совсем не нужен. Я передал Ленгу ключи и тут же об этом забыл.

Чувства, которые охватили меня, когда я спускался по ступеням, трудно передать словами. На половине пути я даже остановился, размышляя, не пригласить ли себе эскорт.

Но здравый смысл снова одержал верх. Никаких признаков чего-то противозаконного не имелось, и я продолжил путь самостоятельно.

На дверь угольного подвала Ленг навесил замок. Увидев его, я испытал чувство облегчения. Я совершил все, что было в моих силах, и теперь мне не оставалось ничего, кроме как вернуться назад. Я даже повернулся, чтобы уйти, и сделал первый шаг вверх по ступеням, но тут же остановился. Тот же внутренний импульс, который привел меня вниз, не позволил мне удалиться, не завершив дела.

Я занес ногу, чтобы нанести удар по двери, но вовремя остановился. Если мне удастся снять замок при помощи кусачек, то Ленг решит, что в подвал забрались воры.

На то, чтобы подняться наверх, вернуться и раскусить дужку замка, потребовалось не более пяти минут. Оставив замок валяться на полу, я широко распахнул дверь, и подвал залили лучи послеполуденного солнца.

Как только я вошел в тоннель, меня охватили совсем не те чувства, которые мне пришлось испытать, находясь на третьем этаже.

Прежде всего я снова обратил внимание на запах. Как и наверху, в подвале пахло едкими реагентами с некоторой примесью запаха формальдегида или эфира. Но эти ароматы едва ощущались на фоне иных, гораздо более насыщенных и мощных запахов. С этим запахом я познакомился, проходя мимо мясных лавок на Перл-стрит и Уотер-стрит. Так смердят только скотобойни.

Света с лестницы вполне хватало, и зажигать газовые лампы необходимости не было. И здесь находилось множество столов, но в отличие от столов наверху им сопутствовал полный набор хирургических и иных медицинских инструментов, рядом с которыми стояли реторты, мензурки и лабораторные стаканы. На одном из столов я увидел три десятка небольших сосудов, заполненных прозрачной, янтарного цвета, жидкостью. Все сосуды были тщательно пронумерованы и имели на себе ярлыки. Вдоль стен стояли шкафы с широким набором химикатов. Пол был щедро засыпан опилками. Местами опилки оказались влажными, и, разгребая их носком ботинка, я обнаружил, что они увлажнились потому, что впитали в себя значительное количество крови.

Я понял, что мои опасения имеют под собой некоторые основания. В то же время я продолжал убеждать себя в том, что для сильной тревоги причин у меня нет. Ведь препарирование как-никак является краеугольным камнем науки.

На ближайшем к входу столе лежал толстый лабораторный журнал. Множество листов в нем было заполнено записями, выполненными характерным почерком Ленга. С большим чувством облегчения приступил я к изучению этих заметок. Ведь передо мной открылась прекрасная возможность узнать, какие научные задачи решает Ленг. Скорее всего, на этих страницах мне откроются благородные цели, которые сделают все мои опасения просто смешными. Так думал я.

Но записи в журнале не содержали в себе даже намека на благородство.

Вам хорошо известно, мой старый друг, что я – человек науки и никогда не был тем, кого можно было бы назвать богобоязненным. Но в тот день я устрасился Бога, или, скорее, я испугался Его гнева за то, что подобные, достойные самого Молоха дела творились под крышей моего дома.

Журнал Ленга сообщал об этом без всяких экивоков и с массой деталей. Это было наиболее методичное и полное описание научных экспериментов из всех тех, которые мне доводилось читать. У меня нет развернутых комментариев к его экспериментам, и я позволю себе ограничиться лапидарным изложением их существа, насколько это в моих силах.

Последние восемь лет Ленг пытался найти способ продления человеческой жизни. Своей собственной жизни, как следует из записей в журнале. Но для этого – клянусь Богом, Тинберы! – он в качестве материала использовал человеческие существа. Его жертвы, как

мне представляется, почти целиком состояли из молодых людей. В журнале снова и снова подробно регистрировался процесс препарирования человеческих черепов и позвоночного столба. К последнему он в основном и питал извращенный интерес. Самые свежие записи в журнале говорят о том, что Ленг сосредоточил внимание на нижнем отделе позвоночника, а именно на *cauda equina*, или «конском хвосте», – нервном узле в крестцовом отделе позвоночника.

Я читал десять, затем двадцать минут, замерев от восхищения и ужаса. После этого я бросил отвратительный документ на стол и направился к выходу. Возможно, в этот момент я лишился разума, поскольку все еще пытался найти всему этому логическое объяснение. Похищение из могил тел недавно скончавшихся людей – явление, к сожалению, довольно обычное, убеждал я себя. Это вызвано той обстановкой, в которой в настоящее время вынуждена существовать медицина. Материала для медицинских исследований катастрофически не хватает, и единственным способом их получения является ограбление могил. К этому, увы, вынуждены прибегать даже самые выдающиеся хирурги, внушал я себе. И хотя потуги Ленга продлить жизнь есть несбыточная химера, нельзя отрицать возможность того, что по ходу своих экспериментов он сделает иные выдающиеся открытия.

И в этот момент мне почудилось, что моего слуха коснулся какой-то звук.

Слева от меня стоял стол, на который я вначале не обратил внимания. На нем находился какой-то большой и массивный предмет, накрытый клеенкой. Пока я рассматривал стол, до меня из-под клеенки донесся еще один слабый звук; казалось, что звук издает лишенное языка и голосовых связок животное.

Я не могу объяснить, как я нашел силы подойти к столу. Меня, видимо, толкнуло на это мое всепоглощающее желание установить истину. Итак, я приблизился к столу и, прежде чем меня успела покинуть решимость, сорвал клеенку.

Открывшаяся передо мной картина будет преследовать меня до конца дней. Труп лежал лицом вниз. Там, где раньше находилось основание позвоночника, зияла огромная рана. Я решил, что звук, который я слышал, был следствием выхода газов из разлагающегося тела.

Казалось, что ничто не может быть сильнее уже испытанного мною шока. Но представьте мое состояние, когда я увидел, что как тело, так и рана имеют свежий вид. Мне показалось, что я нахожусь в каком-то фантасмагорическом мире.

Пять или, может быть, десять секунд я пребывал в состоянии нерешительности. Затем, преодолев внутреннее сопротивление, я приблизился к телу, задавая себе снова и снова одни и те же вопросы. Не могло ли это быть то тело, которое столь обильно залило кровью пол в жилище Ленга? Неужели возможно, что на протяжении одной недели Ленг использовал два тела? Последнее представлялось мне совершенно невероятным.

Коль скоро я зашел так далеко, надо идти до конца, сказал я себе и, подойдя вплотную к столу, стал осторожно перекладывать тело на спину, чтобы проверить состояние и цвет кожи трупа. Во влажной атмосфере подвала кожный покров показался мне мягким и теплым. Когда я переворачивал тело, лицо оказалось открытым, и, к своему ужасу, я увидел, что изо рта покойника торчит пропитанный кровью кляп. Я отдернул руки, и труп упал на спину лицом вверх.

Я отступил назад, едва удержавшись на ногах от потрясения. Испытанный мною шок оказался таким сильным, что я не сразу понял все значение окровавленного кляпа. Если бы было не так, то я, как мне представляется, сразу бы убежал из подвала, избавив себя от того последнего ужаса, который мне пришлось через миг испытать.

Вы не поверите, Макфадден, но ресницы над окровавленной тряпкой вдруг затрепетали, и труп открыл глаза. В его взгляде не было ничего человеческого; испытанный этим несчастным страх и нестерпимая боль превратили его в животное.

Я стоял, окаменев от ужаса, и в этот миг раздался еще один едва слышный стон.

Теперь я знал, что этот звук не имеет никакого отношения к выходящим из трупа газам. До меня дошло, что я вижу перед собой не похищенное из могилы тело. Ленг не работал с мертвецами. В несчастном создании на столе все еще теплилась искра жизни. Ленг проводил свои отвратительные опыты на живых людях.

Изуродованное, вызывающее безмерную жалость создание на столе издало еще один стон и испустило дух. Не знаю как, но у меня хватило мужества вернуть тело в первоначальное положение и прикрыть клеенкой. Я вышел из подвала, прикрыл за собой дверь и поднялся из жуткого погреба в мир живых людей...

С тех пор я почти не покидал дома, набираясь смелости поступить так, как требовало мое сердце. Как Вы понимаете, дорогой коллега, ошибки быть не могло. То, что я видел в подвале, не допускало никаких иных толкований. Это подтверждал и журнал Ленга, который тот вел подробно и методично. Я хочу направиться в полицию, имея в качестве дополнительного доказательства несколько страниц чудовищных наблюдений и выводов, о которых прочитал в лабораторном журнале и которые намеренно воспроизвел по памяти. Я обязательно пойду в полицию, если смогу...

Тихо! Я слышу его шаги на лестнице. Я прячу письмо в потайное место, чтобы завершить его завтра.

Я молю Господа дать мне силы свершить то, что я свершить обязан.

6

Роджер Брисбейн откинулся на спинку кресла и окинул взором безбрежную стеклянную поверхность своего письменного стола. Стол сверкал, словно зеркало, и его вид доставил Брисбейну громадное удовольствие, поскольку юрист обожал чистоту, простоту и порядок. Затем его взгляд остановился на шкафу с драгоценными камнями. Наступило то время дня, когда копье солнечного луча, пронизывая стекло шкафа, превращало его обитателей в сферы и овалы, сверкающие всеми существующими в природе цветами. Можно, конечно, назвать изумруд зеленым и сапфир синим, однако эти слова не способны передать истинного цвета камней. Возможно, во всех языках мира не сыщется таких слов, которые могут адекватно описать это сияние.

Драгоценные камни. Они вечны и всегда остаются твердыми, холодными и чистыми. Время перед ними бессильно. Камни всегда прекрасны и свежи, как в тот день, когда они родились в условиях невообразимого по силе давления и чудовищной температуры. Как они не похожи на людей с их непрозрачной дряблой плотью и непрерывным, начиная с рождения, спуском к могиле! История человека – история слюней, спермы и слез. Да, ему следовало посвятить свою жизнь изучению драгоценных камней. В окружении их великолепного чистого света он чувствовал бы себя гораздо более счастливым. Карьера юриста, которую избрал для него отец, оказалась для Брисбейна лишь ужасной чередой постоянных провалов. Работа в музее как нельзя лучше подтверждала этот печальный вывод.

Он со вздохом обратился к компьютерной распечатке. Только теперь стало ясно, что музеем не следовало брать кредит в сто миллионов на сооружение современного планетария. Придется снова урезать бюджет. Покатятся новые головы. Что ж, последнего по крайней мере удастся добиться без особого труда. В музее полным-полно никчемных ученых и служащих затрапезного вида, постоянно ноющих по поводу сокращения финансирования, никогда не отвечающих на телефонные звонки и все время торчащих в никому не нужных командировках. Или сочиняющих книжки, которые никто никогда не будет читать. И все это за деньги музея. С этих насиденных синекур прогнать их невозможно, поскольку они избраны на постоянные штатные должности. Однако в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств...

Брисбейн вложил распечатку в машинку для уничтожения документов, затем выдвинул ящик стола и вынул из него пачку стянутых резинкой пакетов внутренней корреспонденции. Переписка дюжины потенциальных кандидатов на изгнание перехватывалась при помощи одного человека из центра рассылки, пойманного на том, что он принимал в рабочее время ставки на результат матча на Суперкубок.

Брисбейн без всякого интереса перебрал пакеты. Но вдруг что-то вспомнил и вернулся к одному из них. На пакете значилось имя Пак. Этот старик сидит целые дни в архиве. Чем, спрашивается, он там занимается? Ничем, кроме как доставляет неприятности музею.

Брисбейн снял с пачки стягивающую резинку и достал нужный пакет. Предпоследним адресатом был Пак, а за ним следовала Нора Келли.

Брисбейн произвольно сжал пакет пальцами. Что сказал этот высокомерный до отвращения агент ФБР? Пендергаст, кажется? Значительная часть работы по своему характеру будет проходить в архиве.

Он развернул красный шнурок, приподнял клапан и извлек из пакета единственный листок бумаги. Пакет дохнул на него клубом пыли. Держа листок на расстоянии вытянутой руки, Брисбейн прочитал:

Дорогая доктор Келли, я обнаружил еще одну небольшую коробку, имеющую отношение к Кабинету Шоттама. Ее случайно поместили не на то место. Там нет ничего даже близко похожего на тот потрясающий документ, который Вы нашли вчера. Тем не менее мне кажется, что коробка представляет интерес. Оставляю ее в читальном зале архива.

П.

Кровь прилила к щекам Брисбейна, но тут же отлила обратно. Он так и думал: эта дамочка не только продолжала работать на нахала из ФБР, но и привлекла себе в помощь Пака. Подобному поведению пора положить конец. А Пак должен уйти. Взять, к примеру, это письмо. Нашлепано на допотопной пишущей машинке. При виде столь низкой эффективности труда кровь администратора буквально закипела. Музей не приют для разного рода эксцентрических личностей. Пак – окаменелое ископаемое, которое давно следовало отправить пасть на зеленые лужайки. Надо будет собрать нужные доказательства и внести предложение о прекращении контракта старца на ближайшем заседании исполнительного комитета.

Но как быть с Норой? Он помнил слова директора Коллопи, произнесенные при последней встрече. «Doucement, doucement», – пробормотал тогда директор.

Что ж, будем действовать, как требует директор. Мягко и осторожно. Во всяком случае, пока.

7

Смитбек стоял на тротуаре как раз на полпути между Коламбус-авеню и Амстердам-авеню и внимательно изучал фасад дома из красного кирпича. Номер сто восемь по Западной Девяносто девятой улице являл собой массивное здание довоенной постройки, не обезображенное какими-либо архитектурными изысками. Простая внешность дома его нисколько не трогала. Смитбека интересовало то, что находилось в недрах строения. Это была квартира с двумя спальнями и фиксированной оплатой – всего лишь восемнадцать сотен в месяц. Кроме того, имело значение, что располагалась она неподалеку от Музея естественной истории.

Он отступил на несколько шагов в сторону от дома и осмотрел прилегающие здания. Район, конечно, не принадлежал к тем очаровательным кварталам Верхнего Уэст-Сайда, которые он уже успел осмотреть, но и здесь имелись свои прелести. На ступенях, ведущих к двери соседнего дома, пристроилась пара бродяг. Бродяги тянули какое-то пойло из бутылки, спрятанной в бумажном пакете. Смитбек бросил взгляд на часы. Нора могла появиться в любую минуту. Боже, какую схватку ему предстоит выдержать, если эти типы немедленно не свалят за угол! Он выудил из кармана пятидолларовую бумажку и приступил к делу.

– Прекрасный день, когда нет дождя, – начал журналист.

Бродяги уставились на него с явным подозрением.

– Не хотите ли, парни, купить себе жратвы? – спросил Смитбек, помахивая пятеркой.

Один из оборванцев осклабился, продемонстрировав миру ряд гнилых зубов:

– На пять баксов?! Да на эти бабки и чипсов не купишь. А у меня вдобавок и ноги большие.

– Точно, – сказал второй, вытирая ладонью нос.

Смитбек вытянул двадцатку.

– О, ножки мои... – затащил первый.

– Хватай или вообще ни хрена не получишь!

Ближайший к нему бродяга схватил двадцатку, затем парочка с наигранными стонами и хрипами поднялась на ноги и побрела к углу дома. Смитбек не сомневался, что их путь ведет к ближайшей винной лавке на Бродвее. Журналист смотрел в их удаляющиеся спины. Хорошо, что это были всего лишь безобидные пьянчуги, а не какие-нибудь местные костоломы. Он огляделся по сторонам и увидел тонкую, словно клинок, женщину в черном. Дама, стуча каблучками, шагала к нему с привычной улыбкой на ярко накрашенных губах. Агент по делам с недвижимостью. Явилась точно к назначенному времени.

– Вы, наверное, мистер Смитбек, – сказала она хриплым, прокуренным голосом. – А меня зовут Милли Лок. Ключи от квартиры у меня. Ваша... э... ваш партнер уже здесь?

– Вот она.

Нора вышла из-за угла. На ней был легкий плащ военного покроя, а на плече болтался рюкзачок. Увидев их, она приветственно помахала рукой.

Когда Нора подошла, дама-агент потрясла ее руку и сказала:

– Как мило.

Они вошли в затрапезный вестибюль. По левой стене помещения тянулся ряд почтовых ящиков, а правую украшало большое тусклое зеркало, являвшее собой хилую попытку придать узкому вестибюлю более просторный вид. Когда дама нажала кнопку вызова лифта, где-то над их головами послышался скрип и стук.

– Замечательное местоположение, – сказал Смитбек, обращаясь к Норе. – Рядом со станцией подземки. До музея лишь двадцать минут ходьбы. Полтора квартала до парка.

Нора промолчала. Она смотрела на дверь лифта, и вид у нее, надо сказать, был не очень счастливый.

Двери со скрипом раздвинулись, и они вошли в кабину. Смитбек томился во время мучительно долгого подъема, умоляя про себя проклятый лифт двигаться побыстрее. У него возникло неприятное чувство, что инспекции подвергается не только квартира.

Достигнув наконец шестого этажа и выйдя из лифта, они прошли по длинному полутемному коридору и остановились перед коричневой дверью с глазком в металлической панели. Специалистка по недвижимости открыла шесть разнообразных замков и распахнула дверь.

Смитбек был приятно удивлен. Квартира оказалась гораздо чище, чем он ожидал, и окна выходили на улицу. Полы были дубовыми. Потертыми, конечно, но тем не менее дубовыми. Одна стена была оставлена кирпичной, а все остальные оштукатурены и покрашены.

– Ну, что скажешь? – радостно спросил он. – Очень мило, не так ли?

Нора снова промолчала.

– Это будет для вас сделкой века, – вступила в дело агент по недвижимости. – Всего восемнадцать сотен в месяц. На дом распространяется закон о стабилизации квартплаты. Кондиционер. Прекрасное расположение. Квартира светлая и тихая.

Оборудование кухни было не самым современным, но тем не менее вполне современным и чистым. Окна спален выходили на юг, и там господствовало солнце. В результате небольшие комнаты казались гораздо просторнее, чем были на самом деле.

Когда они снова вышли в гостиную, Смитбек спросил:

– Итак, Нора, что скажешь?

Нора стояла с мрачным видом, нахмутив брови. Это был скверный признак. Дама-агент отошла от клиентов на несколько футов, создавая для них видимость уединения.

– Неплохо, – ответила Нора.

– Неплохо?! Восемнадцать сотен в месяц за квартиру в Верхнем Уэст-Сайде? В здании довоенной постройки? Это просто великолепно!

Дама подошла к клиентам и сказала:

– Вы первые, кто осматривает квартиру. Гарантирую, что сегодня до захода солнца она будет сдана. – Она порылась в сумочке, достала сигарету и зажигалку и, уже поднеся горящую зажигалку к сигарете, спросила: – Вы позволите?

– Что с тобой? – спросил Смитбек.

Нора отмахнулась от вопроса и, подойдя к окну, устремила взор куда-то вдаль.

– Ты уже поговорила со своим домовладельцем о предстоящем переезде?

– Пока еще нет.

– Ты ему ничего не сказала? – спросил Смитбек, почувствовав, как упало сердце.

Нора в ответ лишь покачала головой.

– Как же так, Нора? – осевшим голосом продолжал журналист. – Ведь я думал, что между нами все решено.

– Для меня, Билл, это очень серьезный шаг, – сказала девушка, глядя в окно. – Я говорю о совместной жизни... – закончила она едва слышно.

Смитбек оглядел гостиную. Дама-агент, поймав его взгляд, тотчас посмотрела в сторону.

– Нора, но ты же меня любишь, не так ли?

– Конечно, – сказала девушка, не отрываясь от окна. – Но... Но сегодня я ощущаю себя особенно скверно.

– Все пройдет. То, что мы не обручены, ничего не значит.

– Давай не будем об этом.

– Не будем о чем?! Это та квартира, Нора, которая нам нужна. Лучше ее нам никогда не найти. Давай-ка лучше обсудим гонорар маклера.

– Гонорар маклера?

– Сколько мы должны будем выплатить вам за эту квартиру? – спросил Смитбек, обращаясь к агенту по недвижимости.

Дама выдохнула клуб дыма и, слегка откашлявшись, сказала:

– Я рада, что вы об этом спросили. Оплата будет весьма умеренной. Вы же понимаете, что просто так подобное жилье арендовать невозможно и я оказываю вам большую услугу, предоставляя возможность первыми осмотреть квартиру.

– Итак, сколько же это будет? – спросила Нора.

– Восемнадцать.

– Восемнадцать чего? Долларов?

– Процентом. От общей суммы квартплаты за первый год.

– Но это же будет... – Нора произвела в уме расчеты, – почти четыре тысячи долларов.

– Сущий пустяк по сравнению с тем, что вы получаете. И поймите, если вы откажетесь от квартиры, мои следующие клиенты обязательно ее возьмут. – Дама взглянула на часы. – Они будут здесь через десять минут. Это то время, которое у вас осталось для принятия решения.

– Что скажешь, Нора? – спросил Смитбек.

– Мне необходимо подумать.

– У нас нет времени на раздумья.

– В нашем распоряжении сколько угодно времени. В конце концов, это не единственная квартира на Манхэттене.

В комнате повисла ледяная тишина. Агент по недвижимости снова посмотрела на часы.

– Билл, – сказала Нора, покачивая головой, – я же тебе сказала, что вчера у меня был страшно трудный день.

– Это заметно.

– Я тебе, если помнишь, говорила о коллекции Шоттама... Так вот, вчера мы нашли письмо. Ужасное письмо.

Смитбек вдруг почувствовал, что у него начинается нечто похожее на панику.

– Может быть, поговорим об этом позже? Я правда думаю, что это как раз то жилье, кот...

– Ты разве не слышал, что я сказала? – Она повернулась к нему с потемневшим от гнева лицом. – Мы нашли письмо и теперь знаем, кто убил тридцать шесть человек!

Снова наступила тишина. Смитбек покосился в сторону дамы-маклера, которая делала вид, что тщательно изучает оконную раму. Однако казалось, что ее уши, как локаторы, буквально повернулись в их сторону.

– Вы... что?

– Возникла довольно туманная личность по имени Енох Ленг. Он был таксидермистом и химиком. Письмо написано человеком по имени Шоттам, который владел в том месте, где мы с тобой были, неким подобием музея. Музей назывался Кабинетом Шоттама. Ленг снимал этаж в доме Шоттама и проводил там эксперименты. У Шоттама возникли подозрения, и он осмотрел лабораторию Ленга, когда тот отсутствовал. Шоттам узнал, что Ленг похищал людей, убивал их, а затем иссекал часть их центральной нервной системы, чтобы переработать в лекарства. Этот препарат он использовал для инъекций самому себе.

– Господи! Зачем?

– Ты не поверишь, – покачала головой Нора. – Он пытался продлить себе жизнь.

– Невероятно!

Это была абсолютно убойная сенсация. Смитбек посмотрел на агента, которая, судя по ее виду, перешла к изучению косяка двери, забыв о предстоящей встрече с очередными клиентами.

– Мои мысли заняты только этим, – сказала Нора. – Я не могу выкинуть из головы это проклятое письмо. В нем содержатся все страшные детали. А что касается Пендергаста, то он читал послание с таким мрачным видом, словно это был его собственный некролог. А сегодня утром, когда я спустилась вниз, чтобы просмотреть кое-какие материалы, я узнала, что сверху поступило распоряжение провести консервацию ряда документов. В их число попали все бумаги Шоттама. Теперь они у реставраторов. Только не говори мне, что это простое совпадение. Это сделал либо Брисбейн, либо Коллопи. Я в этом уверена, но напрямую спросить их об этом не могу.

– У тебя есть копия?

– Пендергаст попросил меня немедленно сделать ксерокс, – с просветлевшим лицом ответила девушка. – Тогда я не поняла причину подобной спешки. Однако теперь мне все стало ясно.

– Копия у тебя?

Девушка кивком головы показала на рюкзачок.

«Нора права, – подумал Смитбек. – Распоряжение о консервации не может быть простым совпадением. Что хочет скрыть руководство музея? Кем был этот Енох Ленг? Был ли он связан с музеем в начале существования последнего? Или это была обычная паранойя музейных чиновников, опасавшихся выдать любую информацию до того, как она будет препарирована и отполирована службой по связям с общественностью? Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и главу строительной компании Фэрхейвена, который был крупным финансовым спонсором музея... Статья должна получиться хорошей. Просто классной».

– А взглянуть на нее можно?

– Я как раз хочу передать ее тебе на временное хранение. Приносить копию в музей крайне опасно. Но вечером я хочу получить ее назад.

Смитбек кивнул, и она передала ему пухлый конверт, который он сразу же спрятал в кейс.

В этот момент прозвучал сигнал домофона.

– Это мои следующие клиенты, – объявила специалистка по вопросам недвижимости. – Могу ли я сказать им, что вы берете квартиру? Или как?

– Не берем, – ответила Нора.

Дама пожала плечами, подошла к домофону и нажала кнопку, чтобы впустить посетителей.

– Нора, – вдруг возник Смитбек. Повернувшись к агенту, он сказал: – Мы берем квартиру.

– Прости, Билл, но я к этому не готова.

– Но еще на той неделе ты сказала...

– Я помню, что говорила. Но в сложившихся обстоятельствах я не могу думать о квартире. Ясно?

– Нет, совсем не ясно.

Зазвенел звонок, и дама-маклер пошла открывать дверь.

Через несколько секунд в гостиную вошли двое мужчин. Один из них был лысым и низкорослым, а другой – высоким и бородатым. Быстро осмотрев гостиную, мужчины почти бегом отправились дальше.

– Прошу тебя, Нора, – не унимался Смитбек. – Я знаю, что переезд в Нью-Йорк прошел для тебя не гладко и что работа в музее складывается не лучшим образом. Я тебе очень сочувствую, но это вовсе не значит, что ты...

Послышался шум включенного душа. Шум почти сразу прекратился, и разнокалиберная парочка вновь возникла в гостиной.

– Превосходно, – сказал плешивый. – Гонорар маклера – восемнадцать процентов. Я не ошибся?

– Нет.

– Отлично. – На свет появилась чековая книжка. – В каком виде вы желаете его получить? На чье имя выписывать?

– Пишите: «наличные». Я получу деньги в вашем банке.

– Подождите, – вмешался Смитбек, – мы пришли первыми.

– Прошу прощения, – с удивлением, но очень вежливо произнес один из мужчин.

– Не обращайтесь внимания, – резко бросила дама-агент. – Эти люди уходят.

– Пошли, Билл, – сказала Нора, направляясь к двери.

– Но мы были первыми! Я возьму квартиру и один, если на то пошло!

Раздался звук вырываемого из книжки чека.

– Текст договора о найме у меня с собой, – сказала женщина, принимая чек. – Мы подпишем его, когда придем в ваш банк.

Нора вытащила Смитбека за дверь и с шумом ее захлопнула. В кабине лифта ни один из них не проронил ни слова.

– Мне надо вернуться на работу, – сказала Нора, едва они вышли на улицу. – Обсудим все вечером, – добавила она, глядя в сторону.

– Обязательно.

Смитбек смотрел, как она шагала по Девяносто девятой улице. Легкий плащ развевался, длинные волосы колыхались за спиной. Он был потрясен. После того, что им пришлось вместе перенести, она отказывалась жить с ним под одной крышей. Где он не так поступил? Иногда ему казалось, что девушка считает его виноватым в том, что он вынудил ее переехать из Санта-Фе на восток. Как будто он несет ответственность за то, что ее работа в музее Ллойда пошла наперекосяк, а босс в Нью-Йорке оказался сущим дерьмом. Как заставить Нору изменить позицию? Как доказать, что он любит ее по-настоящему?

Постепенно в его голове начала вырисовываться вроде бы перспективная идея. Нора всегда недооценивала могущество прессы, включая «Нью-Йорк таймс». Она не понимала, каким послушным, нежным и готовым к сотрудничеству станет руководство музея, если почувствует, что рискует получить негативные отзывы в прессе. Да, это может сработать. Она получит назад коллекцию этого Шоттама, ей профинансируют радиоуглеродный анализ и, может быть, даже не срежут фонды. В конечном итоге Нора будет ему благодарна. Если действовать быстро, статья может появиться уже в раннем выпуске.

– Эй, приятель! – услышал он дружелюбный вопль.

Смитбек обернулся и увидел двух уже знакомых ему бродяг.

Пьянчуги со счастливыми красными рожками брели в обнимку по тротуару. Один из них держал в руке бумажный пакет.

– Не хочешь глотнуть за наш счет?

Смитбек извлек двадцатидолларовую банкноту и, держа ее перед носом алкашей, сказал:

– Вот что. Через несколько минут из дома выйдет тощая баба в черном. Сопроводять ее будут два парня. Зовут бабу Милли. Обнимите ее покрепче и расцелуйте. Чем сильнее облюнявите, тем лучше.

– Бу сде! – гаркнул бродяга, схватил банкноту и сунул ее в карман.

Смитбек двинулся в сторону Бродвея. Его настроение несколько улучшилось.

8

Энтони Фэрхейвен поместил свое сухое мускулистое тело в кресло, положил на колени плотную льняную салфетку и изучил поданный ему завтрак.

Легкая, но тщательно продуманная утренняя трапеза состояла из двух крекеров на воде, желе, приготовленного из маточного молочка пчел, и чая, поданного в чашке тонкого китайского фарфора.

Энтони осушил чашку одним глотком, лениво погрыз крекер, вытер губы и коротким движением руки дал сигнал подать газеты.

Все помещение со стеклянными закругленными стенами, в котором он обычно завтракал, было залито солнечным светом. Отсюда, с вершины башни «Метрополитена», Манхэттен был словно на ладони. Окна домов в утреннем свете подмигивали золотыми и розовыми отблесками. Далеко внизу темнел прямоугольник Центрального парка, чем-то похожий на могилу, вырытую в самом центре великого города. Лучи солнца только что коснулись вершин деревьев, и тени домов вдоль Пятой авеню лежали в парке черными полосами.

Послышался шорох, и горничная положила перед ним газеты – «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал». Как он и требовал, газеты только что были проглажены горячим утюгом. Энтони решил начать с «Таймс». Когда он развернул газету, его ноздрей коснулся запах свежей типографской краски. Листы были теплые и сухие. Он слегка встряхнул газету, чтобы листы легли свободнее, и, обратившись к первой полосе, пробежал глазами заголовки. Мирные переговоры на Ближнем Востоке. Дебаты кандидатов на пост мэра. Землетрясение в Индонезии. Затем Энтони глянул на нижнюю часть страницы, и у него перехватило дыхание.

Недавно обнаруженное письмо проливает свет на убийства XIX века

Уильям Смитбек-младший

Энтони Фэрхейвен поморгал, глубоко вздохнул и приступил к чтению.

НЬЮ-ЙОРК, 8 октября. В архивах Американского музея естественной истории обнаружено письмо, способное пролить свет на загадку ужасающего захоронения, найденного в начале прошлой недели в Нижнем Манхэттене.

Рабочие, ведущие строительство высотного жилого дома на углу Кэтрин-стрит и Генри-стрит, откопали подземный тоннель с останками тридцати шести юношей и девушек. Останки были замурованы в двенадцати нишах угольного подвала, сооруженного, видимо, в середине девятнадцатого века. Предварительный судебно-медицинский анализ показал, что жертвы были препарированы, а затем расчленены. По заключению доктора Норы Келли, археолога Американского музея естественной истории, убийства произошли в период между 1872 и 1881 годами. В то время на углу стояло трехэтажное здание, в котором размещался частный музей Кабинет природных диковин и редкостей Шоттама. Музей сгорел в 1881 году, а Шоттам погиб при пожаре.

В ходе дальнейших исследований доктор Келли обнаружила письмо, написанное самим Шоттамом незадолго до смерти. В письме он рассказывает о том, как узнал о характере медицинских опытов, проводившихся его жильцом Енохом Ленгом, таксидермистом и химиком. Шоттам утверждает, что Ленг проводил эксперименты на людях с целью продления собственной жизни. Эксперименты требовали иссечения нижней части спинного мозга у живых объектов. Шоттам приложил к письму выдержки из лабораторного журнала Ленга, в котором тот детально описывал свои опыты. Нашей газете удалось получить копию письма. Если люди, останки которых обнаружены, были действительно убиты, то мы имеем дело с самым большим серийным убийством в истории Нью-Йорка, возможно – и США. Самый известный серийный убийца Англии Джек-потрошитель отправил на тот свет в 1888 году в лондонском районе Уайтчепел восемь женщин. Джеффри Дамер, печально знаменитый убийца из США, прикончил по меньшей мере семнадцать человек.

Останки были направлены в Бюро судебно-медицинской экспертизы и стали недоступны для независимого обследования. Подземный тоннель уничтожен в ходе строительных работ фирмой «Моген – Фэрхейвен». По словам Мэри Хилл, строительная площадка не подпадает под действие «Акта об охране археологических и исторических ценностей Нью-Йорка». «Это всего лишь место старинного преступления и не представляет археологического интереса. Оно не отвечает указанным в Акте критериям, и у нас нет никаких оснований для приостановки строительства», – пояснила вашему корреспонденту мисс Хилл. Представитель Комиссии по сохранению достопримечательностей Нью-Йорка имеет по этому вопросу иную точку зрения и, как утверждают, обратился к сенатору от штата Нью-Йорк с просьбой создать специальную группу, чтобы исследовать данную проблему.

Из захоронения удалось спасти лишь один предмет одежды – платье. Платье было доставлено в музей, и доктор Келли, внимательно его исследовав, обнаружила под подкладкой листок бумаги. На листке имеется короткая запись, сделанная молодой женщиной, которая, по всей видимости, считала, что жить ей осталось совсем немного. «(Ме)ня завут (sic) Мэри Грин, возраст (sic) 19 № 16 Уоттер(sic) – стрит», – написала девушка кровью, скорее всего собственной.

К делу проявило интерес Федеральное бюро расследований, о чем свидетельствует появление специального агента ФБР Пендергаста. Агент Пендергаст постоянно работает в Новом Орлеане, но представители ФБР Нового Орлеана, как и их коллеги из Нью-Йорка, воздержались от комментариев по поводу его деятельности. Пендергаст известен как один из самых выдающихся сотрудников ФБР южного региона. В Нью-Йорке ему уже приходилось принимать участие в раскрытии нескольких чрезвычайно серьезных преступлений. Однако департамент полиции Нью-Йорка, похоже, совершенно не интересуется массовым убийством, имевшим место более ста лет назад. Капитан Шервуд Кастер, на участке которого было открыто захоронение, сказал, что дело имеет лишь исторический интерес. «Убийца давно умер, – сказал капитан. – Так же как и его сообщники. Мы оставляем это историкам, чтобы сосредоточить все свои ресурсы на раскрытии и предотвращении преступлений двадцать первого века».

Сразу же после обнаружения письма Американский музей естественной истории изъял коллекцию Шоттама из архива. Первый заместитель директора музея Роджер Брисбейн заявил, что изъятие собрания Шоттама «является частью давно запланированной программы по консервации архивных материалов и не имеет ни малейшего отношения к текущим событиям». Мистер Брисбейн рекомендовал нам по всем вопросам обращаться к Гарри Медокеру из отдела по связям с общественностью. Тем временем мистер Медокер на все звонки «Нью-Йорк таймс» не отвечает.

Статья продолжалась и на внутренней полосе, где репортер с видимым удовольствием смаковал подробности старинных убийств. Фэрхейвен прочитал статью до конца, а затем вернулся к началу. Сухие страницы «Таймс» слегка шуршали, повторяя шелест листьев деревьев, стоящих снаружи в огромных фарфоровых горшках.

Фэрхейвен медленно положил газету на стол и снова взглянул на раскинувшийся под ним город. На противоположной стороне парка он видел гранитные башни и блестящую в народившемся утре медную крышу Музея естественной истории. Фэрхейвен слегка пошевелил пальцами, и перед ним возникла новая чашка чая. Посмотрев на белый фарфор без всякого удовольствия, он одним плотком осушил чашку. На столе появился телефон.

Фэрхейвен знал все, что касалось развития рынка недвижимости, хитросплетений городской политики и проблем пиара. Он прекрасно понимал, что статья таит в себе огромную потенциальную опасность. Следовало немедленно предпринять самые жесткие меры.

Строительный магнат немного подумал, решая, кто должен первым услышать его звонок. Через секунду он уже набирал номер личного телефона мэра, который знал наизусть.

9

Дорин Холландер, постоянно проживающая в доме номер 21 на Фэзер-лейн в городе Пайн-Крик, штат Оклахома, оставила своего супруга сопеть и похрапывать на двадцать шестом этаже гостиницы. Глядя на широченную Сентрал-Парк-Уэст, она решила, что настало самое подходящее время для того, чтобы посмотреть в музее «Метрополитен» картину Моне «Кувшинки», репродукцию которой она видела в доме золовки. Ее супруг – техник по обслуживанию кабельной сети в Оклахоме – не испытывал к искусству ни малейшего интереса. Дорин была готова биться об заклад, что к тому времени, когда она вернется, муженек все еще будет дрыхнуть.

Сверившись с картой для туристов, бесплатно предоставленной отелем, она открыла для себя, что музей находится как раз на противоположной стороне парка. Короткая прогулка. И нет никакой нужды вызывать дорогостоящее такси. Дорин Холландер обожала пешие прогулки. И кроме того, это поможет организму быстрее сжечь калории, полученные от пары круассанов со сливочным маслом и джемом, которые она столь неосмотрительно употребила на завтрак.

Женщина вышла из отеля, перешла через авеню и вошла в парк через ворота Александра Гумбольдта. Было прекрасное осеннее утро, над вершинами деревьев виднелись крыши высотных зданий на Пятой авеню. Нью-Йорк. Восхитительное место, если вам не приходится жить в нем постоянно.

Путь пошел под уклон, и Дорин вскоре оказалась на берегу очаровательного пруда. Она огляделась, прикидывая, с какой стороны лучше обогнуть пруд: справа или слева. Дорин сверилась с картой и решила, что путь налево окажется короче.

Она снова двинулась вперед на крепких ногах сельской жительницы, вдыхая полной грудью свежий воздух. «Удивительно свежий», – подумала Дорин. Мимо нее то и дело проносились велосипедисты и любители роликовых коньков. Вскоре она оказалась на очередной развилке. Основная аллея сворачивала к северу, но в том направлении, куда она двигалась, через заросли шла тропа. Дорин развернула карту. Тропы на ней не было, но Дорин не сомневалась, что сама способна определить, какой путь правильный, а какой – нет. Короче говоря, она двинулась вперед.

Очень скоро тропа раздвоилась, потом раздвоилась еще раз, прихотливо извиваясь между небольшими возвышениями и скальными выступами. Время от времени в просветах между ветвями возникал ряд небоскребов на Пятой авеню. Эти дома служили для нее путеводным маяком. Заросли становились все гуще, но ей начали встречаться люди. Очень странно. То там, то здесь она видела молодых мужчин. Молодые люди стояли с небрежным видом, сунув руки в карманы. Создавалось впечатление, что они кого-то или чего-то ждут. Все молодые люди выглядели весьма привлекательными. Они были прекрасно одеты, а их волосы хорошо ухожены. Утро за деревьями становилось все ярче, и Дорин совершенно не испытывала страха.

Остановившись, чтобы свериться с картой, Дорин обнаружила, что место, в котором она оказалась, называется «Лабиринт». Дорин решила, что название выбрано очень точно. Дважды она ловила себя на том, что движется в обратном направлении. Человек, планировавший этот небольшой лабиринт, явно хотел, чтобы те, кто в него попал, теряли ориентировку.

Что ж, Дорин Холландер не из тех, кто легко утрачивает ориентиры. И уж конечно, не в такой крошечной рожице в центре парка. Для человека, который вырос, странствуя по лесам и полям восточной Оклахомы, это было бы просто смешно. Прогулка, правда, превращалась в маленькое приключение, но Дорин просто обожала маленькие приключения. Именно

поэтому она и вытащила мужа в Нью-Йорк. Ведь пребывание в этом городе само по себе являлось маленьким приключением. При этой мысли Дорин заставила себя улыбнуться.

Нет, это полная ерунда! Она снова шагала в обратном направлении. С невеселым смешком женщина развернула карту. Увы: вся территория «Лабиринта» обозначалась однообразным зеленым цветом с изображением деревьев. Она огляделась по сторонам. Возможно, один из этих симпатичных молодых людей сможет показать ей выход.

В просвете между листвой она увидела две фигуры. «Интересно, чем они здесь занимаются?» – думала она, направившись в их сторону. Пройдя еще пару шагов, она отвела в сторону ветку и всмотрелась. Всего через миг ее любопытствующий взгляд сменился взглядом недоуменным, а еще через мгновение наполнился ужасом.

Отпустив ветку, она развернулась и начала продираться сквозь кусты. Ей все стало ясно. Это просто отвратительно. Теперь Дорин хотела как можно быстрее убраться из этого места. Желание увидеть «Кувшинки» испарилось. Она не хотела верить своим глазам, но отвергнуть реальность было невозможно. Все оказалось точно так, как она слышала по телевизору в передаче «Клуб 700». Нью-Йорк – Содом и Гоморра нашего времени! Дорин так спешила, что начала слегка задыхаться. Назад она оглянулась всего лишь один раз.

Когда за спиной молодой женщины раздались шаги, она их не услышала. А в тот миг, когда на ее голову опустился черный тяжелый капюшон и в ноздри ударил острый запах хлороформа, она, теряя сознание, увидела высящийся среди пустыни соляной столп.

10

Выдающаяся личность современности доктор Фредерик Уотсон Коллопи величественно восседал за столом девятнадцатого века и задумчиво взирал на портреты мужчин и женщин, занимавших до него императорский трон. Во времена наивысшей славы музея – в те времена, когда этот стол был еще новым, – директора Музея естественной истории сочетали в себе качества настоящих провидцев, путешественников и ученых. Берд, Трокмортон, Эндрюс. Их имена следовало бы отлить в бронзе. Восторг Коллопи несколько угас после того, как его взор обратился на изображения более поздних владельцев этого огромного углового кабинета – несчастного Уинстона Райта и его наследницы Оливии Мерриам, правление которой, надо сказать, продолжалось очень недолго. Доктор Фредерик Коллопи испытывал огромное удовлетворение оттого, что ему удалось вернуть посту директора его прежнее достоинство и значение. Он осторожно погладил свою великолепную бороду и, приложив палец к губам, погрузился в раздумья.

Директор не понимал, почему, несмотря на все успехи, у него постоянно возникают приступы меланхолии.

Чтобы спасти музей, он вынужден пойти на некоторые жертвы. Его очень угнетал тот факт, что научные исследования все больше уступали место громким шоу, открытиям новых сверкающих залов и сенсационным выставкам. Сенсационным... Это слово вызывало у него отвращение. Но как бы то ни было, в Нью-Йорке занималась заря двадцать первого века, и те, кто не сможет играть по правилам нового столетия, обречены на гибель. Даже его самым великим предшественникам приходилось нести свой крест. Никто не в силах противостоять ветрам времени. Музей выжил. И это было самое главное. И только это имело значение.

Перед мысленным взором директора возник ряд его весьма достойных предков-ученых. Двоюродный прадед Эймаса Гринью был другом самого Дарвина и прославился открытием в Индокитае нового вида рыбы – «морского черта». Двоюродная бабка Филомена Уотсон первой начала изучать образ жизни туземцев Огненной Земли. А дед Гарднер Коллопи был известнейшим герпетологом. Директор припомнил и свое научное достижение. В далекой молодости ему удалось уточнить классификацию человекообразных обезьян. Не исключено, что если ему улыбнется удача и он пробудет на своем посту еще несколько лет, то его имя будет упоминаться наравне с великими директорами прошлого. Нельзя исключать и того, что его имя увековечат на стене Ротонды.

Несмотря на приятные мысли, он никак не мог стряхнуть с себя овладевшую им меланхолию. Эти приятные размышления, которые всегда действовали на него так успокаивающе, на сей раз, кажется, не помогли. Он по-прежнему ощущал себя каким-то старомодным чудачком, занимающим не свое место. Даже мысли о юной и очаровательной супруге, с которой он так чудесно провел время перед завтраком, почему-то не утешали.

Коллопи обвел взглядом кабинет: камин из розового мрамора, круглые, выходящие на подъездную аллею окна, дубовые, тронутые временем панели стен, картины Одюбона и де Клефисса на стенах. Директор осмотрел себя и остался доволен. Чуть-чуть старомодный, строгий, почти церковного покроя костюм, крахмальная манишка, шелковый галстук-бабочка, призванный продемонстрировать независимость мышления, и туфли ручной работы. Он посмотрел в зеркало над каминной доской: привлекательное, даже чем-то элегантное лицо, на котором суровые годы почти не оставили своих следов.

Коллопи едва слышно вздохнул и опустил глаза на лежащую перед ним газету. Эта треклятая статья, видимо, и привела его в столь печальное расположение духа, тем более что сочинил ее тот же тип, который и так уже доставил музею массу неприятностей. Надежды, что быстрое изъятие из архива опасных материалов успокоит страсти, не оправдались.

Теперь приходится иметь дело с этим письмом. Повсюду, куда ни глянь, таилась потенциальная опасность. В расследование дела оказались втянутыми его собственные сотрудники. Вокруг музея крутится какой-то агент ФБР. Под огонь критики попал один из главных спонсоров – Фэрхейвен. Все это грозило неприятностями, последствия которых невозможно оценить. Если не удастся взять события под контроль, то на его директорство может пасть тень или даже хуже того...

«Только не надо впадать в панику», – подумал Фредерик Уотсон Коллопи. Он с этим кризисом справится. Даже более масштабные катастрофы можно отвести в сторону с помощью... Как звучит это модное словечко! «Точная настройка», кажется... Именно это нам и нужно. Свежий подход. Очень тонкая и точно выполненная «настройка». Музей откажется от своего, столь привычного ему рефлекса. Он не станет требовать специального расследования, не будет протестовать против посягательств на его архивы, не обрушится с критикой на таинственную деятельность агента ФБР, не станет отрицать своей ответственности или скрывать какие-то факты. Более того, музей даже не придет на помощь своему главному благодетелю Фэрхейвену. По крайней мере, публично. В то же время много можно будет сделать, изящно выражаясь, при закрытых дверях. Вовремя прошептанное нужному человеку слово, предоставление или изъятие определенных гарантий, тайное перемещение денежных сумм... Но все это следует проделать деликатно. Очень деликатно.

Директор нажал на кнопку внутренней связи и тихо произнес:

– Миссис Сёрд, не могли бы вы оказать любезность и попросить мистера Брисбейна зайти ко мне в удобное для него время?

– Конечно, доктор Коллопи.

– Буду весьма вам признателен.

Директор снял палец с кнопки интеркома и откинулся на спинку кресла. Затем он аккуратно свернул «Нью-Йорк таймс» и положил газету в расположенный на краю стола ящик, на котором значилось: «В досье». Совершив это действие, директор улыбнулся – впервые за все утро.

11

Нора Келли прекрасно понимала, что означает этот вызов. Она видела статью в утреннем выпуске газеты. В музее только о ней и толковали. Не исключено, что не только в музее, но и во всем Нью-Йорке. Нора представляла, как этот материал может подействовать на такого типа, как Брисбейн. Прежде чем вызвать ее, он выжидал целый день, и вот без десяти пять вызов наконец поступил. Мерзавец, вне сомнения, хотел, чтобы она как следует попотела. «Интересно, – думала Нора, – не означает ли это, что мне дадут лишь десять минут на то, чтобы собрать вещички и убраться навсегда из музея?»

Таблички с именем Брисбейна на дверях кабинета не было. Нора постучала и услышала приглашение войти.

– Присаживайтесь, – сказала немолодая, изможденного вида секретарша. – Вам придется немного подождать.

Дама, судя по всему, пребывала не в лучшем настроении.

Нора села.

Проклятый Билл. Каким местом он думал? Риторический вопрос. Этот тип слишком импульсивен. Постоянно начинает действовать до того, как пустит в ход серое вещество. Но это уже чересчур! С нее хватит. У парня «мозги набекрень», как любил выражаться ее отец. Она вырежет у него яйца, прикрепит их к ремню и будет носить на талии, наподобие бола⁵. Ведь ей так нужна эта работа в музее! А этот гад практически собственными руками напечатал уведомление об ее увольнении. Как он посмел так поступить?!

Телефон на столе секретарши подал сигнал.

– Можете войти, – сказала женщина.

Нора вступила в кабинет шефа. Брисбейн стоял перед зеркалом, пытаясь повязать вокруг шеи галстук-бабочку. На нем были черные брюки с шелковыми лампасами и крахмальная сорочка с перламутровыми пуговицами. На спинке стула висел смокинг. Нора остановилась у дверей, но Брисбейн не только не произнес ни слова, но и вообще не подал вида, что заметил ее присутствие. Девушка следила за тем, как Брисбейн умело обращается с галстуком. Наконец он закончил.

Лишь после этого он позволил себе заговорить:

– За несколько последних часов я многое о вас узнал, доктор Келли.

Нора промолчала.

– Я, в частности, узнал о катастрофе, которая постигла вашу экспедицию в юго-западной пустыне. Несчастье ставит под сомнение не только вашу способность к руководству, но и научную компетентность. Кроме того, я выяснил кое-что и о типе по имени Уильям Смитбек. Я и представления не имел, что между вами и мистером Уильямом Смитбеком из «Таймс» существуют столь дружеские отношения.

После этого возникла пауза, поскольку Брисбейн принялся выравнивать узел галстука. Делая это, Брисбейн забавно изогнул шею. Торчащая из воротника розовая шея страшно походила на цыплячью.

– Как мне стало известно, доктор Келли, вы в нарушение всех правил провели в архив людей, не имеющих отношения к штату музея.

Нора продолжала хранить молчание.

– И это еще не все. Вы занимались посторонней деятельностью в рабочее время. Помогали агенту Пендергасту. Что также является нарушением правил.

⁵ Бол – охотничий метательный снаряд индейцев Южной Америки.

Напоминать Брисбейну о том, что он пусть и неохотно, но все же дал разрешение на ее сотрудничество с Пендергастом, было совершенно бесполезно. Поэтому девушка снова промолчала.

– И наконец, вы в нарушение наших правил вступили в контакт с прессой, не согласовав свои действия с отделом по связям с общественностью. Все эти правила, доктор Келли, имеют под собой прочный фундамент и вовсе не являются плодом бюрократических фантазий. Они обеспечивают безопасность музея, сохранность его коллекций и архивов и в первую очередь его высокую репутацию. Вы меня понимаете?

Нора продолжала молча смотреть на Брисбейна.

– Ваше поведение вызвало у нас серьезную озабоченность.

– Послушайте, – наконец сказала она, – если вы хотите меня уволить, то говорите это прямо.

Брисбейн посмотрел на нее с выражением издевательского изумления на розовом лице:

– Кто здесь говорит об увольнении? Мы не только вас не увольняем, мы запрещаем вам подавать заявление об уходе.

Теперь удивилась Нора.

– Нет, доктор Келли. Вы остаетесь в музее. Ведь вы как-никак героиня. Доктор Коллопи разделяет это мнение. После столь ловкого рекламного трюка, как публикация этой заметки, мы не можем даже и помыслить о вашем уходе. Вы теперь, если можно так выразиться, стали пуленепробиваемой. Во всяком случае, на время.

Нора внимательно слушала Брисбейна, и ее удивление постепенно превращалось в гнев.

Брисбейн еще раз пригладил галстук, полюбовался на него в зеркало и, повернувшись к ней, произнес:

– Однако вы лишаетесь всех своих привилегий. Доступ в хранилища и архивы для вас закрыт.

– Но женский туалет я посещать еще могу?

– Да, конечно. Однако вы должны воздерживаться от внешних контактов, если речь идет о делах музея. И в первую очередь от контактов с агентом ФБР и журналистом по имени Смитбек.

«О Смитбеке он может не беспокоиться», – подумала Нора.

– О Смитбеке нам известно все. Там, внизу, на него хранится досье толщиной чуть ли не в фут. Как вы, вероятно, знаете, два года назад он сочинил о музее книгу. Это было до моего прихода, и я ее не читал. Но до меня дошли слухи, что на Нобелевскую премию она не тянет. С тех пор он для музея персона нон грата.

Уставив на нее холодный неподвижный взгляд, он добавил:

– А в остальном продолжайте работать как обычно. Вы собираетесь присутствовать на открытии нового зала приматов?

– Этого я не планировала.

– Тогда приступайте к планированию. Ведь вы же как-никак наш товар недели. Люди захотят увидеть вас живьем. Мы же выпустим к вечеру пресс-релиз о нашем героическом докторе Келли, не забыв при этом упомянуть о том, как беззаветно, не требуя при этом вознаграждения, музей служит Нью-Йорку. Если последуют вопросы по текущему делу, то вы скажете, что вся ваша работа является абсолютно конфиденциальной.

Брисбейн взял со спинки стула смокинг, изящно в него упаковался, снял с плеча невидимую пылинку, провел ладонью по безупречно уложенным волосам и сказал:

– Надеюсь, у вас сыщется более или менее пристойное одеяние? Буду рад, если это не окажется дурацким нарядом для бала-маскарада, которые, увы, приобрели в последнее время такую популярность в нашем музее.

– А что, если я откажусь? Что, если не приму участия в вашей затее?

Брисбейн застегнул запонки и снова повернулся к ней лицом. Затем он стрельнул глазами на дверь.

На пороге, скрестив руки на груди, собственной персоной стоял доктор Коллопи. Директор любил молча бродить в одиночестве по залам. Его тощая, облаченная в черный костюм фигура, острый профиль англиканского священника и неприступный вид не только внушали почтение, но и наводили страх. Коллопи, происходивший из старинного рода джентльменов-ученых, являл собой личность загадочную. Он всегда держался сдержанно и говорил тихо, никогда не повышая голоса. Кроме того, директор владел прекрасным особняком на Уэст-Энд-авеню, в котором и жил с новой женой – дамой потрясающей красоты. Супруга была на сорок лет моложе мужа, что служило темой бесконечных шуток и непристойных комментариев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.